

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893. a. VIINIK 361 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ в 1893 г.

ТРУДЫ ПО ФИЛОСОФИИ XVIII

ТАРТУ 1975

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
Alustatud 1893. a. Vihik 361 Выпуск Основаны в 1893 г.

ТРУДЫ ПО ФИЛОСОФИИ
XVIII

ТАРТУ 1975

Редакционная коллегия:

Л. Н. Столович, Я. К. Ребане (отв. редактор), Р. Н. Блюм, Э. Н. Лооне.

Секретарь редакции: Н. Ф. Кулли.

ВОПРОС О НАУКОВЕДЕНИИ И ЕГО ПОСТРОЕНИИ

Т. В. Лойт

На фоне эпохальных общественных сдвигов нашего времени, самым главным из которых является переход от капитализма к социализму в мировом масштабе, одной из характерных особенностей XX-го века выступает невиданно стремительный прогресс науки. Нередко используемые такие характеристики нашего времени, как век электричества, век кибернетики, век атома, век синтетики или век космоса, имеют в сущности единый знаменатель — век науки. Происходящая ныне научно-техническая революция, заметное увеличение влияния науки в областях экономики, управления, политики, военного дела и т. п. привели к существенному изменению роли науки в жизни общества. Наука стала одним из важнейших факторов прогресса современного общества.

Особенно велика роль науки в социалистическом обществе. Здесь применение науки становится не только решающим фактором роста производительных сил. В социалистическом обществе наука применяется Коммунистической партией как средство руководства развитием всего общества, строительства коммунизма, в качестве одного из важнейших орудий формирования новой, передовой культуры и коммунистического мировоззрения. Осуществляются слова В. И. Ленина о том, что социализм означает внедрение науки в социально-историческую деятельность рабочего класса, что социализм основывается на науке, предполагает высокое развитие науки и требует научной работы.¹

Указывая на огромное значение науки в жизни современного общества, особенно в деле строительства коммунизма, нашей партией поставлены перед советскими учеными ответственные задачи — занять ведущее место в мировой науке по всем основным направлениям и органически соединить достижения научно-технической революции с преимуществами социалисти-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 362—363.

ческой системы хозяйства, шире развивать свои, присущие социализму, формы соединения науки с производством.²

Для успешного решения этих задач необходима не только интенсивная развернутая работа по изучению явлений природы и общества. Не менее важно изучение самой науки. Сейчас не может быть сомнения в том, что без всестороннего и точного знания того, что собой представляет наука, каково ее содержание и структура, каковы закономерности ее функционирования и развития, невозможно эффективное целенаправленное развитие современной науки, управление ею в целях выполнения поставленных задач.

Настоятельная задача познания и самопознания науки выдвинута также изнутри самой науки рядом обстоятельств развития современной «большой» науки: громадным увеличением научной информации, новыми интенсивными процессами дифференциации и интеграции исследовательской работы и научных знаний, резким усложнением решаемых в пределах современной науки проблем, изменениями научного познавательного аппарата, стилем мышления и типа научного знания, ростом численности научных работников и проблемами организации их работы и т. д. и т. д.

Сами по себе вопросы о том, что собой представляет наука, научное познание и знание, не являются чем-то принципиально новым. В действительности с этими вопросами человеческой мысли пришлось сталкиваться издавна. С одной стороны, сама наука всегда, особенно в переломные периоды своего развития, занималась осмыслением своей собственной природы, выяснением своих методов, целей и роли для человека. Перед научной мыслью издавна возникали не только проблемы, касающиеся предмета ее исследования, но уже самого исследовательского процесса, научной познавательной деятельности и ее результатов. В обобщенном виде, это — вопросы о том, как и что дает наука; как вести исследование, какими средствами, приемами и в каких целях; каков характер и значение получаемых знаний, их взаимосвязь и т. д. Этими вопросами интересовалась не только сама наука. Не раз вопросы науки поднимались в общем социально-культурном, экономическом, политическом, мировоззренческом и идеологическом аспектах. Уже издавна существуют и две отрасли знания, которые в определенной мере, более или менее специально занимались уяснением данных проблем познания и самопознания науки — философия и история науки. Немало ценного для понимания науки дано (и дается) со стороны еще ряда давно существующих других научных дисциплин, как например, логики, психологии, всеобщей истории, а также высказывания-

² Материалы XXIV съезда КПСС. М., Политиздат, 1971, стр. 57.

ми и размышлениями ученых, анализировавших личный или обобщенный опыт своей науки.

Новое в этой области заключается прежде всего в образовании новой проблемной ситуации. Первая отличительная черта ее состоит в том, что существенные количественные и качественные изменения как самого организма науки XX-го века, так и ее положения и роли в обществе сделали объективно необходимым более широкое интенсивное изучение науки, выдвинули ряд новых аспектов и задач в проблематику познания и самопознания науки, требующих выработки новых подходов и методов изучения науки на основе использования всей мощи и богатства эмпирического и теоретического аппаратов современного научного исследования. Традиционные подходы и формы изучения науки явно недостаточны для решения тех проблем и задач, которые выдвинуты внутренним ходом историко-логического развития науки и ее положением и ролью в жизни современного общества. В образовании этой новой ситуации существенным является то обстоятельство, что расширенная задача познания и самопознания современной науки не ограничивается одним внутренним логико-гносеологическим, методологическим или организационным аспектами развития научной познавательной деятельности и знания, не является просто внутринаучной необходимостью, а выступает в качестве настоятельной социально-исторической общественной потребности. Это значит, что познание и самопознание науки рассматриваются сегодня не только как теоретическая или узкая научно-практическая, но и как широкая общественно-практическая задача.

В настоящее время нет сомнения в том, что возникшая потребность широкого анализа природы, особенностей, роли и перспектив развития науки не может быть удовлетворена в традиционных рамках философской гносеологии и истории науки, но требует превращения науки в объект специального исследования различными методами современной науки с различных точек зрения, на базе различных подходов и выработки, соответственно, специального научного знания о науке. Уже в 1927 году Т. Котарбинский, а несколько позже, в 1936 году, следуя ему, Мария и Станислав Оссовские предложили назвать подобную отрасль познания, специальным предметом исследования которой является сама наука, «наукой о науке».³ Официальным днем рождения современной науки о науке считается почти по всеобщему мнению появление в 1939 году книги «Социальная функция науки» Дж. Бернала,⁴ а автор считается основоположником общего наукознания как новой,

³ M. and S. Ossowski. The Science of Science. «Organon», Warszawa, 1936, Nr. 1.

⁴ J. D. Bernal. The Social Function of Science. London, 1939.

современной отрасли научного исследования самой науки.⁵ С тех пор появилось внушительное количество работ, специально или в значительной мере посвященных вопросам науки о науке. В нашей научной литературе проблематика науки о науке стала предметом оживленного обсуждения в первой половине 60-х годов.

Интенсивная разработка современной системы научного знания о науке началась сравнительно недавно. Но уже сейчас имеется определенный опыт в данной области. Существующий опыт развития науки о науке обнаруживает первостепенную важность разработки методологических основ научного познания самой науки, развития науки о науке. На эту мысль наводит не просто существующая концептуальная множественность и разнонаправленность по различным вопросам исследования науки, научного познания и знания, не просто существование многих неясностей и нерешенных проблем более или менее частного или второстепенного порядка, но обнаруживающаяся принципиальная неопределенность в самой постановке проблемы науки о науке, в понимании ее сущности, научной значимости, предмета и содержания, путей построения, целей и задач.

Проявлением, хотя в большей мере формальным, внешним, только частично связанным содержательным пониманием дела, отмеченной неопределенности является уже то обстоятель-

⁵ См. М. Голдсмит, А. Маккей. Введение. В кн.: Наука о науке. Сборник статей. М., 1966; Д. Прайс. Наука о науке. Там же; Г. М. Добров. Наука о науке. Введение в общее наукознание. Киев, 1966; Г. А. Лахтин. Тактика науки. Новосибирск, 1969; П. А. Рачков. Науковедение. Проблемы, структура, элементы. Изд-во Московского университета, 1974; Die Wissenschaft von der Wissenschaft. Philosophische Probleme von der Wissenschaftstheorie. Berlin, Dietz Verlag, 1968.

В честь 25-летнего юбилея вышеотмеченного труда Дж. Бернала и как знак международного признания его пионерской роли в создании современной науки о науке в 1964 году был издан сборник статей под общим названием «Наука о науке», в котором приняли участие всемирно известные естествоиспытатели и исследователи науки (русский перевод был опубликован в 1966 г.).

С оценкой роли Дж. Бернала в качестве основоположника науки о науке, однако, не все согласны. Так, по А. Куприяну, Дж. Бернал является основоположником лишь социологического исследования науки (см. его рецензию на вышеуказанную немецкую коллективную книгу о философских проблемах науки о науке в «Новые книги за рубежом по общественным наукам», 1969, № 5). Утверждение А. Куприяна остается, однако, не только необоснованным, но он сам допускает существенную неточность относительно истоков социологического подхода к науке. Социологический подход к науке является характерной чертой марксизма и именно основоположников марксизма следует считать основоположниками социологии науки и вообще социологии духовного производства, что признается даже со стороны немарксистских авторов (см. например, К. Mannheim. Essays on the Sociology of Knowledge. London, 1952; Б. Барбер. Социология науки. В сб.: Социология сегодня. М., 1965).

ство, что до сих пор нет единого общепризнанного названия этому новому современному направлению исследования науки, за право на существование которого единодушно выступают все авторы, пишущие о нем.⁶ Но существенным является отсутствие ясности и четкости в самом исходном понимании того, что вообще представляет собой эта новая наука о науке или науковедение. Является ли оно, во-первых, лишь суммарным обозначением современного комплекса научных дисциплин, которые занимаются исследованием функционирования и развития науки различными методами и в самых различных аспектах, или представляет собой самостоятельную особую отрасль изучения науки своим специфическим предметом, методами, категориальной и концептуальной системой? Если науковедение будет чем-то большим, чем простая сумма его частей, т. е. выступает в качестве автономной области познания и знания о науке среди комплекса науковедческих дисциплин, то тогда, во-вторых, является ли оно специальной научной дисциплиной со своим собственным эмпирическим и теоретическим аппаратами наряду с другими науковедческими отраслями, либо представляет оно собой как возвышающее над другими обобщающее комплексное знание о науке, о ее структуре и функционировании, закономерностях развития, функциях и т. д., главной целью которого является формирование теории науки как цельного организма. В-третьих, если взять науковедение в последнем ракурсе, то является ли оно общим синтетическим знанием о науке в смысле упорядочения, обобщения, объединения и осмысления различных конкретных знаний о различных сторонах и проявлениях науки в их целостности и взаимосвязи аналогично общей биологии, общей истории и т. п. или следовало бы рассматривать науковедение в качестве специальной общей теории науки? Таким образом, вопрос здесь заключается в том, представляет ли науковедение собой просто высший обобщающий уровень науковедческого познания, отличающийся от уровней более специального исследования науки в основном по методу и форме, степени общности,

⁶ Вслед за Т. Котарбинским, М. и С. Оссовскими в англо-американской, а также в немецкой литературе в общем употребляется термин «наука науки» («science of science», «Wissenschaftswissenschaft»), хотя из-за языковых особенностей и традиций вызывающий ряд трудностей и нечеткостей (см. об этом Д. Прайс. Наука о науке. В сб.: Наука о науке. М., 1966). В советской литературе в начале также чаще употреблялся термин «наука о науке». Но вообще предложено много различных названий для этой новой науки, как «наукознание», «метанаука», «наукоучение», «сциентология», «общая теория науки» и т. д. (см. об этом Б. В. Бирюков, Е. В. Маркова. Проблема количественного изучения развития науки. — «Философские науки», 1967, № 1; П. А. Рачков. Науковедение. Изд-ние Моск. ун-та, 1974). В дальнейшем изложении мы будем употреблять термин «науковедение», которому в последние годы отдает предпочтение большинство советских авторов.

или науковедение является специальной теоретической дисциплиной о науке со своим специфическим предметом, понятийной системой и т. д.? И, в-четвертых, если науковедение выступает прежде всего в качестве теоретической дисциплины как общая теория науки, то является ли оно общей теорией науки в смысле, который обычно придается этому термину в науке (теорией объекта, т. е. в данном случае предметно-теоретической науковедческой дисциплиной) или оно представляет скорее общую методологическую концепцию науковедческого познания, метатеорию относительно специализированных исследований и теорий по науке (теорию теорий, т. е. метатеоретическую дисциплину).

Эти вопросы, по сути дела, являются вопросами методологического и теоретического обоснования науковедения в качестве самостоятельной исследовательской отрасли в системе современного научного познания и знания вообще, самопознания и знания о науке в особенности. Являясь познанием метанаучного уровня, которое находится еще в стадии формирования, науковедение, таким образом, столкнулось с необходимостью разработки ряда принципиального характера метанаучных проблем относительно самого себя. Перед ним стоят важные вопросы метанауковедческого (метаметанаучного) характера, от решения которых во многом зависит его дальнейшее развитие, направление и содержание.

Позиции исследователей этих вопросов, т. е. предлагаемые исходные платформы и рабочие программы построения науковедения весьма различные, нередко прямо противоположные. Такое положение в области науковедения имеет определенную объективную основу в сложности и многогранности той реальной проблемной ситуации, которая образовалась в области познания и самопознания современной науки и которая питает различные программы решения этой проблемы. Нельзя игнорировать и того влияния, которое на науковедческое движение оказывают общие тенденции и закономерности развития современного научного познания в целом. Из характерных черт развития современной науки в данном случае главнейшими следует считать: 1) продолжающийся интенсивный процесс дифференциации и специализации, сопровождающийся сильными стремлениями к статусу самостоятельных дисциплин возникающих новых подходов, способов описания, объяснения и т. д.; 2) переоценку некоторых господствующих до сих пор в науке общих методологических принципов научно-познавательной деятельности и построения научного знания и выдвижение новых, из которых, во-первых, следует отметить допущение многообразия добывания и реализации научной истины, множественности способов раскрытия сущности в науке и поливариантности научных абстракций, различных типов и спо-

собов теоретизации научного знания, и, во-вторых, принятие возможности решать общую потребность научного познания к объединению и обоснованию многообразного научного знания путем создания метатеорий; 3) тенденцию математизации, формализации научного знания, что в общем плане можно характеризовать как тенденцию количественного подхода к описанию и объяснению исследуемых явлений. Все эти моменты проявляются и в развитии современного науковедческого познания и сильно влияют как на общую постановку проблемы, так и на выдвигаемые конкретные рабочие программы построения науковедения. Из области самого науковедческого познания, существенным образом обуславливающего нынешнее положение проблемы науковедения и его построения, необходимо отметить: 1) чрезвычайную сложность объекта; 2) несовершенство и неравномерное развитие как эмпирического, так и теоретического познавательного аппарата большинства современных науковедческих дисциплин, то обстоятельство, что у большинства современных направлений исследования науки фактически отсутствует собственная методика, средства описания науки, явлений ее функционирования и развития. По сути дела, мы пока имеем дело с поисками, хотя и широкими и активными, в области изучения различных аспектов науки — исторического, социологического, логического, методологического, психологического, экономического, информационного, организационного, социально-политического — и по выяснению возможных эффективных методов и форм их анализа, как содержательно-качественных, так и количественных математических и формальных. Однако до сих пор для многих существенных разделов науковедческих исследований не хватает еще удовлетворяющих средств, специализированных методологических принципов и теорий.

В этой ситуации само по себе понятно и имеет даже определенное объективное основание скептическое или совсем отрицательное отношение к статусу науковедения в качестве самостоятельной единой науки о науке со стороны некоторых авторов. Так, например, И. Г. Рубинов считает, что поскольку наука может и должна быть исследована с различных сторон, постольку могут существовать различные науки о науке. По его мнению, сейчас идет процесс формирования таких наук и это создает «возможность говорить иногда о какой-то единой науке о науке, о науковедении». Автор заключает, что «нет и не может быть единой науки о науке», что науковедение может быть лишь суммарным обозначением целого комплекса научных дисциплин.⁷

⁷ В кн.: Проблемы исследования структуры науки. (Материалы к симпозиуму). Новосибирск, 1967, стр. 61.

Сходную позицию относительно возможностей и необходимости построения единой всеобъемлющей науки о науке как специальной отрасли исследований занимал и П. В. Копнин. По П. В. Копнину, идея разработки науки о науке выдвинута чувством потребности в изучении науки, прежде всего, в социальном аспекте. Но, кроме этого, уже издавна существует много других подходов и аспектов изучения науки: логический, психологический, этический, философский, экономический и т. д. В наше время к старым методам и подходам в изучении науки добавляются новые. По мнению П. В. Копнина, приверженцы единой науки о науке или науковедения, преувеличивают роль «этой, еще не существующей и вряд ли возможной единой науки о науке». Он приходит к выводу, что «речь в данном случае идет не об одной науке, имеющей какой-то единый метод, а об исследовании проблем развития науки различными методами как уже созданными, так и новыми... науковедение — это не какая-то новая, ранее не известная наука, а совокупность знания о науке, которую дают самые различные области знания.»⁸ В. В. Налимов и З. М. Мульченко считают науковедение, хотя и самостоятельной научной дисциплиной, но понимают под этим «широкий спектр логических схем», при помощи которых изучается процесс развития науки. Они не отрицают принципиальной возможности существования объединенного всестороннего исследования науки, но считают объединенный комплексный подход к проблеме развития науки сейчас преждевременным.⁹

С точки зрения оценки ныне существующего положения в области изучения науки упомянутые авторы правы. В настоящее время область исследований, именуемая науковедением, действительно представляет собой слабо или почти не связанный конгломерат, по выражению Г. Кребера¹⁰, федерацию различного типа дисциплин, изучающих науку. Бесспорным является и многопредметный характер науки как объекта научного исследования и возможность изучения ее функционирования и развития на базе различных моделей или логических схем. Данное обстоятельство и обуславливает комплексный характер исследований науки, что, впрочем, подчеркивается всеми авторами, которые пишут о проблемах изучения науки. Науку не только можно, но необходимо исследовать с различных точек зрения, в различных аспектах, различными методами.

Но в то же время было бы явной ошибкой превратить ны-

⁸ П. В. Копнин. Логические основы науки. Киев, 1968, стр. 11—15.

⁹ В. В. Налимов, З. М. Мульченко. Наукометрия. Изучение развития науки как информационного процесса. М., 1969, стр. 6—8.

¹⁰ Г. Кребер. Теория развития науки и история науки. В кн.: XIII международный конгресс по истории науки. Москва, 18—24 августа 1971 г., М., «Наука», 1971, стр. 1—3.

нешнюю характеристику состояния науковедческих исследований в основополагающий методолого-теоретический постулат понимания сущности, содержания и формы науковедения вообще, т. е. рассматривать науковедение и в перспективе принципиально как комплекс дисциплин в виде эклектического соединения на основе лишь общего объекта исследования. По нашему мнению, следует признать вполне обоснованной и отнюдь не преждевременной постановку вопроса о науковедении и его построении в качестве синтезирующей и интегрирующей дисциплины о науке как о цельной системе.

Интеграция науковедческих исследований и синтез знания о науке в целостное представление ее диктуется, во-первых, внутренними особенностями и нуждами самого научного познания и природой науки как объекта науковедения. Как правильно отмечено в литературе,¹¹ любой комплексный подход, в том числе и к самой науке, теряет свое значение и не приводит к желаемым результатам, если нет объединяющего принципа, обеспечивающего в конечном счете целостное рассмотрение объекта. Вопрос интеграции и синтеза науковедческого познания и знания является частным проявлением вопроса единства научного знания, так живо обсуждаемого в современной науке вообще. Поднят этот вопрос обстоятельством, что охваченные тенденцией к большей и большей дифференциации и специализации путем расширения предметной области исследования, широкого создания и применения разнородных специальных исследовательских техник и языков описания изучаемых явлений многие отрасли современной науки начали терять характер однородной и единой науки. За заметное увеличение и углубление современного научного знания на основе широкой разработки и применения самого различного рода методов, переноса их из одних дисциплин в другие и т. п. нередко приходится расплачиваться ослаблением связей и понимания между специальными разделами этого знания, теряется или становится неуловимым единство, взаимосвязь и взаимная обусловленность всего огромного, все больше возрастающего комплекса современного научного знания. Вследствие этого научное знание начинает терять свою системность и осмысленность, а это во многом обесценивает огромные исследовательские усилия. Внушительный научный материал многое теряет из своей действенной работоспособности как для самой науки, так и для практики, превращается в «мертвый капитал».

¹¹ См., например, Н. Ф. Овчинников. Особенности современного естествознания. — «Вопросы философии», 1966, № 9, стр. 15—20; В. А. Дмитриенко. Предмет общей теории науки. В кн.: Проблемы методологии и логики наук. Вып. 4. Томский государственный университет. Ученые записки, 1968, № 70.

Усиливающееся стремление к интеграции в современной науке является противодействием этим отрицательным последствием процесса дифференциации. Интеграция современного научного познания и знания имеет много аспектов и осуществляется в различных формах.¹² Одной из важнейших сторон содержания и задач процессов интеграции является обеспечение внутреннего познавательного единства, системности, информационного обмена и осмысленности в мире современного научного знания путем выработки основополагающих методологических и теоретических постулатов и принципов научного познания в наше время. Образно говоря, в этом плане основной задачей интеграции является выработка общих систем отчета и общения в мире современного научного познания и знания. Эта задача актуальна уже сейчас и в области науковедения. Тем более, что объект исследования — наука — представляет собой специфическую социально-историческую систему. Задача интеграции науковедческого познания и синтеза знания о науке в целостное системное представление о ней выдвинута и социальными потребностями организации и управления наукой как цельным организмом в целях эффективного и рационального использования науки в жизни современного общества.

Необходимость создания единого, синтезирующего комплексного науковедения, изучающего закономерности функционирования и развития науки как особой целостной системы, подчеркивается и так или иначе обосновывается в последнее время со стороны все большего числа исследователей.¹³ Одно-

¹² Вопрос о направлениях, типах и уровнях интеграции в современной науке рассматривается специально, например, в работе Н. Р. Ставской «Философские вопросы развития современной науки (социологические и методологические проблемы интеграции науки)». М., 1974.

¹³ Д. Прайс. Наука о науке. В кн.: Наука о науке. М., 1966; Л. Тондл, И. Некола, Б. Воборник. О роли науки в современном обществе. Вестник АН СССР, 1965, № 8; С. Р. Микулинский, Н. И. Родный. Наука как предмет специального исследования. — «Вопросы философии», 1966, № 5; Дж. Бернал, А. Маккей. На пути к науке о науке. — «Вопросы философии», 1966, № 7; А. А. Зворыкин. Проблемы эффективности науки и их связь с изучением природы науки. В кн.: Пути повышения эффективности научного труда. Ч. I, Новосибирск, 1966; В. А. Дмитриенко. О содержании понятия «наука» и ее относительной самостоятельности. В кн.: Вопросы методологии и логики науки. Вып. III. Томский государственный университет им. В. В. Куйбышева. Ученые записки, № 64. Томск, 1966; Его же, Предмет общей теории науки. В кн.: Проблемы методологии и логики науки. Вып. 4, Томский государственный университет. Ученые записки, № 70. Томск, 1968; Д. И. Гордеев, Е. А. Куражковская. Проблемы науковедения. Вестник Московского университета. Серия VIII. Философия, 1968, № 1; И. А. Майзель. Современная научно-техническая революция и развитие науковедения. В кн.: Актуальные проблемы философской науки. Л., 1968; В. В. Быков. О некоторых методах изучения науки. В кн.: Очерки истории и теории развития науки. М., 1969; Б. М. Кедров, С. Р. Микулинский.

временно делаются попытки определить предмет и структуру (разделы, компоненты) науковедения и сформулировать его исследовательскую программу. Анализ последних обнаруживает однако весьма большие расхождения в понимании конкретного содержания науковедения и его места в познании и самопознании науки у различных авторов, которые выступают за целостное науковедение и синтез науковедческого знания.

В общем плане здесь можно выделить три основных подхода к содержанию и построению науковедения. Во-первых, интеграция и синтез науковедческих исследований путем выдвижения среди них одного направления в качестве главного, центрального, которое должно сыграть роль интегрирующего, так сказать, цементирующего фактора в комплексе знаний о науке. Одни выдвигают в качестве такого главного звена логико-методологические исследования науки, другие — информационную модель науки, третьи — рассмотрение науки в качестве социального института и т. д.

Сама по себе идея интеграции и синтеза знания о науке на основе одной руководящей концепции науки не вызывает возражений. Однако с осуществлением этого замысла путем выдвижения в ранг такой синтезирующей концепции одной из существующих науковедческих дисциплин или аспектов исследования нельзя согласиться. Все подходы и модели, применяемые в настоящее время в исследованиях по науке, отражают науку с какой-то специфической стороны и представляют собой в отдельности слишком ограниченный познавательный, методолого-теоретический базис для описания и объяснения науки в ее целостности. Так, например, хотя информационная модель науки и исследование на ее основе проблем организации, управления, планирования и т. п. научного познания при помощи количественных критериев и измерений является, несомненно,

Наука и современное общество. В кн.: Наука сегодня. М., 1969; И. И. Лейман. Науковедение и проблема единства науки. В кн.: Методологические проблемы взаимосвязи и взаимодействия наук. Л., 1970; Его же: Наука как социальный институт. Л., 1971; Г. Кребер, Г. Лайтко. Науковедение, теория науки и марксистско-ленинская философия. — «Вопросы философии», 1971, № 8; Д. Гвишиани. Научно-техническая революция и проблемы науки. — «Наука и жизнь», 1971, № 3; Б. Кедров, С. Микулинский, И. Фролов. Философско-социологические проблемы научно-технической революции. — «Коммунист», 1971, № 4 (1014); М. Г. Ярошевский. Наука как предмет психологического исследования. В кн.: Проблемы научного творчества в современной психологии. М., 1971; Н. И. Родный. История науки, науковедение, наука. — «Вопросы философии», 1972, № 5; Б. В. Бирюков. Кибернетика и методология науки. М., 1974; Н. И. Кузнецова, Ю. Н. Серов. Об изучении развития научного знания. В кн.: Проблемы истории и методологии научного познания. М., 1974; А. К. Матвеев. Развитие науки как общественного способа познания. Изд-во Воронежского университета, Воронеж, 1974; П. А. Рачков. Науковедение. М., Изд-во Московского университета, 1974.

одним из важнейших среди новых, современных науковедческих направлений, все же она охватывает лишь одну специфическую сторону науки, процессов функционирования и развития научного познания и знания. Она не является выражением сущности науки такого порядка, уровня, что может быть поставлена в основу всестороннего, не только количественного, но и качественно-содержательного понимания науки, сделать из нее общеметодологическое и теоретическое ядро науковедения в качестве синтетического знания о науке как о целостном организме. Тем более нельзя согласиться со сведением всего содержания науковедения вообще к информационному количественному математико-кибернетическому изображению науки, как это делают, например Н. И. Стяжкин, И. П. Кузнецов и их соавторы, употребляя понятия «науковедение» и «наукометрия» в качестве синонимов.¹⁴ Такую же позицию в сущности занимают Г. М. Добров, В. М. Клименюк, А. А. Савельев и Л. П. Смирнов, считающие важнейшим теоретическим достижением науковедения выдвижение единой кибернетической (информационной) концепции научного процесса и исключаящие из системы науковедения другие дисциплины и аспекты исследования науки, как логика науки, методология науки, история науки, психология науки и т. д.¹⁵

Как было отмечено выше, одной из важнейших особенностей проблемной ситуации в области изучения науки в наше время является настоятельная социальная потребность организации и управления наукой как действенным фактором развития почти во всех сферах современной общественной жизни. Дать знания для этого — непосредственная социально-практическая задача науковедения. Не требует особого обоснования тот факт, что управление наукой в социально организационных, экономических, политических и т. д. масштабах невозможно без знания внутренних логических, методологических, психологических характеристик и закономерностей науки как формы познания и системы знания. Для эффективного управления наукой действительно требуется знание о ней в целостности. Поэтому, по нашему мнению, в принципе неправильно

¹⁴ Н. И. Стяжкин, И. П. Кузнецов, Е. К. Мацко, Г. П. Стяжкина, А. В. Шувалов. Назревшие методологические проблемы науковедения. — «Философские науки», 1970, № 1.

¹⁵ Г. М. Добров. Актуальные проблемы науковедения. М., 1968; Г. М. Добров, В. М. Клименюк, Л. П. Смирнов, А. А. Савельев. Потенциал науки. Киев, 1969. В работе «Актуальные проблемы науковедения» Г. М. Добров еще считает социологическое исследование науки настолько важным, что дает социологии науки право гражданства как специального раздела науковедения (стр. 17), но в последующей коллективной работе «Потенциал науки» и социология науки оставлена вне рамок науковедения. Науковедение отождествляет с информационным аспектом изучения науки и Н. Р. Ставская («Философские вопросы развития современной науки», М., 1974, стр. 43).

сведение науковедения только к рассмотрению науки в каком-то одном аспекте, либо в информационном, как в случае вышеприведенного примера, либо, например, в отождествлении науковедения с рассмотрением науки только в качестве социального института, т. е. в отождествлении науковедения с социологией науки,¹⁶ либо оставляя за науковедением только чисто познавательную сторону науки, отождествляя науковедение с эпистемологией.¹⁷

Второй основной подход к науковедению как целостной системе знания о науке подразумевает под последней объединенное знание о наиболее общих и определяющих сторонах, свойствах и закономерностях развития науки в качестве обобщения и осмысления всего конкретного материала о науке в их взаимосвязи. Как пишет А. Тушко: «Науковедение может быть определено как научная дисциплина, которая исследует и анализирует все то, что оказывает влияние на развитие науки и эффективность ее действия.»¹⁸ Общая «идейная» направленность рассматриваемого подхода к науковедению лучше всего, пожалуй, выражена Д. М. Гвишиани, С. Р. Микулинским, Н. И. Родным, М. Г. Ярошевским: «Используя достижения различных наук, оно (т. е. науковедение) стремится раскрыть механизм функционирования науки как особой целостной системы, успешность работы которой зависит от взаимодействия многочисленных элементов — экономических, социальных, логических, структурно-организационных и психологических».¹⁹ Науковедение представляется, таким образом, как общее наукознание, касающееся общих сторон, факторов и закономерностей науки в их взаимосвязях. Основным путем создания науковедения выступает здесь процесс синтетической интеграции как уже существующего, так и нового добываемого знания о науке в направлении все более высокого порядка обоб-

¹⁶ И. И. Лейман. Науковедение и проблема единства наук. В кн.: Методологические проблемы взаимосвязи и взаимодействия наук. Л., 1970, стр. 78; Н. Ф. Овчинников. Особенности развития и тенденции к единству научного знания. В кн.: Проблемы истории и методологии научного познания. М., 1974, стр. 73.

¹⁷ Б. Суходольский. Основы научной политики. В кн.: XIII Международный конгресс по истории науки, Москва, 1971. М., «Наука», 1971.

¹⁸ А. Тушко. Наукознавство як інструмент дії. В кн.: Нариси з історії техніки і природознавства. Киев, «Наукова думка», 1967, 9.

¹⁹ Д. М. Гвишиани, С. Р. Микулинский, М. Г. Ярошевский. Социальные и психологические аспекты изучения деятельности учебного. — «Вопросы философии», 1971, № 3. См. также: С. Р. Микулинский, Н. И. Родной. Место науковедения в системе наук. — «Вопросы философии», 1968, № 6; Д. Гвишиани. Научно-техническая революция и проблема науки. — «Наука и жизнь», 1971, № 3; Б. Кедров, С. Микулинский, И. Фролов. Философско-социологические проблемы научно-технической революции. — «Коммунист», 1971, № 4 (1014); Н. И. Родной. История науки, науковедение, наука. — «Вопросы философии», 1972, № 5.

шения. Проблема науковедения в этом плане — это проблема интеграции и синтеза расчлененного конкретного знания о науке в общее понимание закономерностей функционирования и развития науки как цельного организма путем обобщения и осмысления конкретного материала и вскрытия реальных связей между различными сторонами «жизни» науки. Такое понимание науковедения и путей его построения можно назвать традиционным. Оно отражает основную форму упорядочения, осмысления, теоретизации и синтеза знания, практикуемую до сих пор в большинстве отраслях науки вообще. Нет основания сомневаться в том, что и в области изучения науки, особенно в нынешней ситуации науковедческого познания и знания, этот путь является одним из основных, по крайней мере, самым «практичным» типом интеграции и синтеза, построения науковедения в смысле общего целостного знания о науке.

Третья основная платформа, выделяющаяся по рассматриваемой проблеме науковедения и его построения, заключается во взгляде, по которому для интеграции и синтеза знания о науке требуется создание общей теории (или просто теории) науки в качестве общеметодологической и теоретической основы специализированных исследований и теоретических построений в науковедческой области, других разделов науковедения. Так, по мнению В. А. Дмитриенко, кроме специальных науковедческих дисциплин, изучающих науку с какой-то одной стороны, нужна наука, которая должна заниматься исследованием общих закономерностей развития науки как сложного социального организма и которая рисовала бы целостную картину развития «совокупной науки». В. А. Дмитриенко предлагает назвать эту общую дисциплину о науке «общей теорией науки». Эта общая теория науки являлась бы общей теоретической и методологической основой остальных науковедческих дисциплин.²⁰ Аналогичная мысль высказана еще рядом исследователей — И. Малецким, Б. Валентиновичем, Б. М. Кедровым, М. А. Рачковым, А. К. Матвеевым и др.²¹ По нашему мнению, из взглядов этого направления особенно следует от-

²⁰ В. А. Дмитриенко. О содержании понятия «наука» и ее относительной самостоятельности. В кн.: Вопросы методологии и логики наук. Вып. III. Томский госуниверситет имени В. В. Куйбышева. Ученые записки, № 64, Томск, 1966, стр. 23—27; Его же: Предмет общей теории науки. В кн.: Проблемы методологии и логики наук. Вып. 4. Томский госуниверситет. Ученые записки, № 70, Томск, 1968, стр. 158—164.

²¹ И. Малецкий, Б. Валентинович. Основні напрямки наукознавства. В кн.: Нариси з історії техніки і природознавства. Київ, «Наукова думка», 1967, 9; К. М. Хоруженко. В. И. Ленин и формирование общей теории развития науки. Ученые записки МОПИ, т. 255, вып. 15. М., 1969; П. А. Рачков. Науковедение. Проблемы, структура, элементы. Изд-во Московского университета, 1974; А. К. Матвеев. Развитие науки как общественного способа познания. Изд-во Воронежского университета, Воронеж, 1974.

метить точку зрения Г. Кребера и Г. Лайтко, которые подчеркивают, что интегрирующая теория науки должна быть создана на основе марксистско-ленинской теории науки, основополагающие принципы и постулаты которой разработаны К. Марксом, Ф. Энгельсом и В. И. Лениным.²²

Таким образом, почти все основные вопросы относительно науковедения, его содержания, путей построения и т. д. остаются до сих пор фактически открытыми. Несмотря на объективную необходимость создания целостного науковедения и полную обоснованность постановки в повестку дня вопроса о построении его, создание такой науки о науке еще дело будущего. Построение целостного знания о науке — многосторонняя и многослойная задача, в которой общеносеологические и логико-методологические вопросы современного научного познания вообще перекрещиваются и сливаются со специфическими теоретическими, методологическими и методическими вопросами познания и самопознания науки. В этой области науковедению предстоит разрешить целый ряд разнонаправленных и разномасштабных вопросов. Поэтому, по нашему мнению, обоснованно рассматривать науковедение в общем в качестве системной отрасли научного познания и знания с различными степенями обобщения и интегративности, включающими разные, друг друга дополняющие и друг с другом перекрещивающиеся и смыкающиеся специальные исследования науки как во внутреннем, так и во внешнем разрезе. Построение науковедения как системной отрасли познания и комплекса знания при нынешнем положении дел требует развития работы в различных направлениях. С одной стороны, в направлении разработки его компонентов в качестве специализированных разделов изучения науки, специализированных методов, моделей, систем описания и объяснения различных сторон, проявлений, функций и закономерностей научно-познавательной деятельности и научного знания и их связей с другими подсистемами, сторонами человеческого общества. С другой стороны, в направлении выявления общих системообразующих факторов науки как целостного феномена и создания общего науковедения как интегрированного и синтезированного обобщенного научного знания о науке. При этом общее науковедение не следует представлять как простое объединение или обобщение конкретного специального материала о науке. С теоретико-познавательной и логической точки зрения проблема интеграции научного знания вообще представляет собой задачу теоретической обработки эмпирического материала, задачу теоретическо-

²² Г. Кребер. Теория развития науки и история науки. В кн.: XIII международный конгресс по истории науки, Москва, 18—24 августа 1971 г. М., 1971; Г. Кребер, Г. Лайтко. Науковедение, теория науки и марксистско-ленинская философия. — «Вопросы философии», 1971, № 8.

го осмысления и обоснования существующего знания в целях получения нового знания об изучаемом объекте и основы для дальнейших исследований. В силу этого сутью проблемы единого, целостного науковедения действительно является задача создания общей теории науки.

Науковедение в качестве теории науки должно раскрыть, с одной стороны, сущность науки, общие закономерности ее функционирования и развития как определенной целостной системы и в то же время, с другой стороны, раскрыть закономерности научного самопознания науки, т. е. дать такую модель науки, которая могла бы выполнять роль специальной теории науковедческого познания. Таким образом, одной характерной чертой работы в области науковедения является сосуществование различных программ, переплетение специфических предметно-теоретических и метатеоретических задач. Ярче всего это проявляется при постановке вопроса построения науковедения в качестве интегрированного и синтезированного знания о науке в ее целостности. Построение единого синтетического науковедения оказывается не только задачей теоретической интеграции различного рода конкретного материала о науке, но в то же время двуединой задачей синтеза двух общих теоретических программ. Первая из них отражает существование потребности за создание науковедения как общей теории науки, как системы знания, формулирующей общие закономерности функционирования и развития науки, т. е. в общепринятом смысле трактуемой теории о науке вообще (теории объекта). Вторая же должна реализовать одновременно существующую методологическую задачу, необходимость теории науки в качестве метатеории науковедческих исследований. На пути к интеграции и синтезу науковедческого познания и знания именно вопрос о соотношении этих задач имеет ключевое значение, от решения которого прежде всего зависит направление этой работы, а также содержание создаваемого общего знания о науке.

При решении этого вопроса следует обратить серьезное внимание на один существенный опыт современной науки. Научному познанию всегда было свойственно стремление к единству, к объединению в определенную систему и обоснованию добытого им научного знания. Традиционно это стремление нашло свое осуществление путем создания все более обобщенных теорий, объединяющих и обосновывающих конкретный частный научный материал и специализированные теоретические построения. Традиционно, следовательно, задача интеграции и синтеза научного знания решалась путем построения все более обобщенных теорий в обычном смысле слова для различных классов реально существующих явлений или их различных сторон, свойств и т. д., т. е. на предметно-теоретическом

уровне путем создания единой всеохватывающей теории по содержанию. Для современной науки характерным можно считать решение задачи нахождения общего фундамента специализированного знания и синтеза его путем построения метатеорий. Обобщение и обоснование математического и логического знания пошло в наш век по этому пути. При обосновании и обобщении современного физического знания также на первый план выдвигается методологическая сторона дела, всегда, между прочим, свойственная обобщенному знанию. Нам кажется, что и при построении науковедения как единой системы знания о науке, при интеграции и синтезе науковедческого знания и теоретизации его, нужно подойти к этой задаче вообще с метатеоретическим акцентом, т. е. рассматривать общее науковедение и теорию науки прежде всего в качестве метатеории науковедческого познания, являющейся познавательно-теоретической общеметодологической междисциплинарной областью комплекса знаний о науке. Основной функцией науковедения в этом аспекте являлась бы реализация отношений между специализированными науковедческими дисциплинами в целях целостного представления науки. Общее науковедение, с этой точки зрения, должно иметь действительно междисциплинарный, а не просто многодисциплинарный характер.

Поступила в редакцию 3 ноября 1974 г.

О ПОНЯТИИ НАУЧНОСТИ И СТАНОВЛЕНИИ НАУЧНОЙ ХИМИИ

Р. А. Вихалемм

В философско-методологической литературе часто обсуждаются вопросы о научном методе, критериях научности знаний и генезисе науки. Однако в историко-научных работах обычно подчеркивается условность разделения знаний на донаучные и научные. В историографии химии, например, общепринято, что становление научной химии начинается в XVII веке работами Р. Бойля.¹ Но это является скорее традицией, чем теоретически обоснованным положением. Бойль считается основателем химии как науки часто просто потому, что он сам, в отличие от его предшественников и современников, считал химию наукой («химической философией» — в тогдашней терминологии). Если и приводятся некоторые аргументы в пользу этой точки зрения, то они оказываются в большинстве случаев довольно поверхностными или просто несостоятельными. Таким, часто употребляемым, особенно в учебниках химии, но несостоятельным аргументом является, например, мнение, что Бойль впервые дал правильное определение химического элемента, а это и есть первый шаг научной химии.

Мы начнем свой анализ с более общих вопросов.

I

Попытаемся выяснить, к какому выводу о понятии науки и характере научного знания можно прийти, рассматривая ос-

¹ Вспомним, например, высказывание Ф. Энгельса: «Бойль делает из химии науку» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 501). В. И. Кузнецов, например, отмечает, что отсчет истории химии (как науки) с Бойля «является общепринятым. Однако разделение химии на донаучную (до Бойля) и научную (с Бойля) весьма условно» (В. И. Кузнецов. Диалектика развития химии. От истории к теории развития химии. М., «Наука», 1973, стр. 242).

новые точки зрения, высказанные по этим вопросам в философской литературе последних лет.*

Как справедливо подчеркивается в ряде работ,² наука не столько система знаний, сколько деятельность по производству знаний. Но мы согласны с М. М. Карповым, что «в кратком определении понятия «наука», должны найти отражение две основные черты феномена: деятельность по созданию новых знаний («научное производство») и сами знания — продукты этой деятельности».³ Производство научных знаний — это производство новых, конкретных, объективно-истинных знаний посредством научного метода. Хотя и определение научности через научный метод вызывает ряд возражений⁴, такое определение является наиболее распространенным и вполне применимо в качестве исходного. В литературе еще подчеркивается, что не существует какого-то **одного** научного метода.⁵ Тем не менее можно дать общую характеристику научного подхода, научного метода исследования.

Наука отличается от таких общественных явлений, как мораль, религия, искусство, философия, которые тоже, наряду со своими специфическими функциями в обществе, дают определенные знания тем, что «наука специально возникла и существует для того, чтобы обогащать общество объективно-истинным, достоверным и конкретным знанием».⁶ В рамках философии существовал также тип познания (рецидивы его встречаются еще в настоящее время), который преследовал цель науки, но опирался не на научный метод, а на спекулятивное

* Эталонем науки обычно считается современное естествознание, особенно физика. Это для нас вполне приемлемо, вопроса о возможной неуниверсальности этого эталона не возникает, поскольку мы в дальнейшем имеем в виду именно естественную науку — химию.

² См., напр., Г. Н. Волков. Социология науки. М., Политиздат, 1968, стр. 120—126; Т. В. Лойт. О роли генетического подхода в методологических исследованиях науки. — Сб. научн. трудов Эстонской сельскохозяйственной академии. Труды по философии, III, Тарту, 1970, стр. 30—34.

³ Наука и научное творчество. Изд-во Ростовского университета, 1970, стр. 10. Ср. также: И. Г. Герасимов. Научное исследование. М., Политиздат, 1972, стр. 39. В своей ранней книге «Основные закономерности развития естествознания» (Изд-во Ростовского ун-та, 1963, стр. 15) М. М. Карпов включил в краткое определение понятия науки только знания.

⁴ См.: А. И. Ракитов. О логических критериях научности. — «Вопросы философии», 1972, № 12, стр. 62—63; P. Caws. The Philosophy of Science. Princeton, New Jersey, 1965, pp. 90—91.

⁵ См. напр.: J. B. Conant. Science and Common Sense. New Haven, 1952, p. 45; J. H. Hildebrand. Science in the Making. New York, 1957, p. 8; E. Nagel. The Structure of Science. Problems in the Logic of Scientific Explanation. London, 1961, p. 12.

⁶ П. В. Копнин. О природе и особенностях философского знания. — «Вопросы философии», 1969, № 4, стр. 126. См. также: его же. Философские идеи В. И. Ленина и логика. М., «Наука», 1969, гл. I, § 1; М. Я. Ковальзон, Н. И. Макешин. Общественное сознание и общественные науки. М., «Знание», 1973, стр. 5—30.

рассуждение. Это — натурфилософия.⁷ «Пока не умели при-
няться за изучение фактов, — писал В. И. Ленин, — всегда со-
чиняли а priori общие теории, всегда остававшиеся бесплод-
ными. ... прогресс тут должен состоять именно в том, чтобы
бросить общие теории и философские построения ... и суметь
поставить на научную почву изучение фактов...»⁸

Наука исходит, в конечном счете, из неспециализирован-
ного, повседневного знания (повседневного опыта, здравого
смысла, результата познавательной деятельности в стихийно-
эмпирическом процессе познания, или повседневной познава-
тельной деятельности)⁹. Повседневное знание может развиваться,
как показывает М. Бунге,¹⁰ в трех направлениях (через
которые наука взаимосвязана с повседневным знанием): 1) тех-
ническое знание — специализированное, но ненаучное зна-
ние, характерное для искусств и ремесел; 2) протонаука (крат-
чайший путь к науке) — собирание данных при помощи науч-
ной методики (эксперимента и наблюдения) без формулиро-
вания законов и теорий; 3) псевдонаука — совокупность убеж-
дений и действий, выдаваемая за науку, хотя общий подход,
методика исследования и принимаемые знания являются чуж-
дыми для науки. К влиятельным еще и в настоящее время псев-
донаукам принадлежат, например, парапсихология и психо-
анализ. Основные черты псевдонауки следующие: 1) полный
разрыв связей с общепринятыми научными знаниями; 2) ин-
терпретация всех данных таким образом, чтобы принятые
тезисы оставались неопровергнутыми (явная «ad hoc-ность»);
3) отсутствие механизма самокорректировки, неспособность к
развитию.¹¹

Следует подчеркнуть, что, хотя наука и исходит в конечном
счете из повседневного знания, она не является его продолже-
нием, просто систематизированием и уточнением повседневного
знания, а формулирует и решает проблемы, которые не по-
являются в повседневной познавательной деятельности.¹² В нау-
ке и знакомые явления выглядят в совершенно новом свете.¹³
Научный процесс познания отличается от стихийно-эмпириче-
ского по всем элементам познавательного процесса: 1) позна-
вательную деятельность в науке осуществляют не все люди,

⁷ См. об этом: П. В. Копнин. Логические основы науки. Киев,
«Наукова думка», 1968, гл. III; И. Г. Герасимов. Указ. соч., гл. III,
§ 4.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. I, стр. 141—142.

⁹ И. Г. Герасимов. Указ. соч., гл. II.

¹⁰ M. Bunge. Scientific Research. I. The Search for System. Berlin
a.o., 1967, p. 36.

¹¹ Подробнее см. в указ. книге М. Бунге, §§ 1.5, 1.6.

¹² См., напр.: E. Nagel. Op. cit., ch. 1; M. Bunge. Op. cit., § 1.1.

¹³ S. Toulmin. The Philosophy of Science. London, 1967, ch. 2.

совершающие общественно-практическую деятельность, а специально подготавливаемые группы людей; 2) если в стихийно-эмпирическом процессе познания, как правило, орудия труда являются одновременно и орудиями познания, то в науке создаются специальные средства и методы познания; 3) предметами познания в науке являются не столько те предметы, с которыми люди имеют дело в своей непосредственной практике, сколько специальные предметы, выявляемые уже в ходе развития науки; 4) результаты познания — знания существуют в науке уже не в виде обыденных понятий, суждений и утверждений, трудовых рецептов и т. п., а в виде фактов, научных понятий, законов и теорий.¹⁴

Главным критерием научности метода естествознания почти все исследователи справедливо считают его экспериментальную основу.¹⁵ Существуют, однако, большие разногласия в понимании эксперимента, экспериментальных фактов и их роли и места в механизме становления и развития научного знания. В связи с этим остается актуальной проблема «демаркационной линии» между наукой и псевдонаукой, а также натурфилософией.¹⁶ Несостоятельными, как известно, являются индуктивистские (начиная с Ф. Бэкона), позитивистские и неопозитивистские концепции.¹⁷ Известная концепция фальсифицируемости К. Поппера,¹⁸ хотя и содержит некоторые общепризнанные положения (научная концепция хотя бы в принципе должна быть опровергаема и теоретические конструкции не должны прибегать к *ad hoc* гипотезам, к методам спасения от опровержения), все же оказалась также неудовлетворительной. От своей первоначальной концепции в значительной степени отказался и сам Поппер.¹⁹ Довольно близкой к модифицированной концепции Поппера, его тетрадной схеме (исходная проблема → предполагаемое решение → его критическое исследование →

¹⁴ Подробнее см.: И. Г. Герасимов. Указ. соч., гл. II—IV.

¹⁵ Научное наблюдение можно в конечном счете считать разновидностью эксперимента. См. об этом: В. С. Степин. Проблема субъекта и объекта в опытной науке. — «Вопросы философии», 1970, № 1.

¹⁶ Е. А. Мамчур. Критерии научности теоретических концепций. — «Вопросы философии», 1971, № 7.

¹⁷ См. напр.: В. С. Швырев. Неопозитивизм и проблемы эмпирического обоснования науки. М., «Наука», 1966; J. Agassi. Towards an Historiography of Science. 's-Gravenhage, 1963.

¹⁸ K. R. Popper. Philosophy of Science: A Personal Report. — British Philosophy in the Mid-Century. A Cambridge Symposium. London, 1957; The Logic of Scientific Discovery. London, 1968, especially, ch. I, §§ 4, 6; ch. IV.

¹⁹ K. Popper. A Realist View of Logic, Physics and History. — Physics, Logic and History. New-York-London, 1970; В. С. Швырев. Анализ научного познания в современной «философии науки». — «Вопросы философии», 1971, № 2.

→ новая проблема), является следующая общая схема научного метода, которую предлагает М. Бунге:²⁰

На этой схеме, на наш взгляд, хорошо показано, что при научном методе исследования выдвигаются такие проблемы, решение которых, с одной стороны, предполагает методику проверки (здесь мы имеем в виду эксперимент*), которая дает новые данные — факты²¹, а, с другой стороны, ориентирует на сформулирование гипотезы, из которой должны вытекать проверяемые фактами следствия и возможность критической оценки гипотезы в контексте наличных научных знаний и новых фактов. Уже И. Кант справедливо писал: «Разум должен подходить к природе, с одной стороны, со своими принципами, сообразно лишь с которыми согласующиеся между собой явления и могут иметь силу законов, и, с другой стороны, с экспериментами, придуманными сообразно этим принципам для того, чтобы черпать из природы знания, но не как школьник, которому учитель подсказывает все, что он хочет, а как судья, заставляющий свидетеля отвечать на предлагаемые им вопросы».²²

Попперовскую концепцию глубоко проанализировал И. Лакатош и выработал «методологию исследовательских программ».²³ С этой точки зрения нельзя говорить о научности

²⁰ М. Bunge. Op. cit., p. 9.

* См. примечание 15.

²¹ Факт — это непосредственный результат научного эксперимента. Научные данные не являются фактами. Подробнее см.: И. Г. Рубинов. Факты и понятия в системе естественнонаучного знания. Новосибирск, 1968 (кандидатская диссертация и ее автореферат).

²² И. Кант. Соч. в шести томах, т. 3. М., «Мысль», 1964, стр. 85—86.

²³ I. Lakatos. Criticism and the Methodology of Scientific Research Programmes. — Proceedings of the Aristotelian Society, Vol. 69. London, 1969; Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes. — Criticism and the Growth of Knowledge. Proceedings of the International Collo-

только одной «жесткой» теории, а следует иметь в виду характер «сдвига проблемы» в целой исследовательской программе, в которую входят исходная теория и ее различные модификации, а также теоретические допущения, на которых основываются эмпирические данные, эмпирическое описание. Научная исследовательская программа обеспечивает «прогрессивный сдвиг проблемы»: предсказывает новые факты, из которых хотя бы некоторые подтверждаются. В противном случае мы имеем дело с «дегенерирующим сдвигом проблемы». Такая исследовательская программа, которая приводит к «дегенерирующему сдвигу проблемы», является ненаучной.

Концепция И. Лакатоша во многом правомерна. Однако она раскрывает, в известном смысле, внешний аспект научного знания, поскольку ничего не говорит о содержании науки, характере видения мира в науке. Справедливо отмечает Е. А. Мамчур: «...оценка фундаментальной теоретической системы как научной зависит не только от того, как она «укладывается» факты, но и от того, как она сама «укладывается» в сложившуюся или вновь формирующуюся интеллектуальную атмосферу...»²⁴ Это обстоятельство особенно подчеркивается С. Тулминым.²⁵ Он считает, что для каждой эпохи характерно определенное, не требующее объяснения представление о естественном положении дел — «идеалы естественного порядка» (*Ideals of Natural Order*). Наука включает различные, кажущиеся аномальными явления в этот естественный порядок, вырабатывает понимание мира. Однако концепция Тулмина относится не только к научным знаниям, а к знаниям вообще, к способам мышления различных эпох, и эта концепция не позволяет различать научные знания от донаучных систем понимания мира. С точки зрения Тулмина, например, аристотелевская физика уже является наукой,²⁶ и далее следовало бы признать, скажем, мифологический способ мышления и понимания мира наукой своей эпохи.

Некоторые общие черты (и общие недостатки) с концепцией «идеалов естественного порядка» Тулмина имеет более

quium in the Philosophy of Science, London, 1965, Vol. 4. Cambridge, 1972; History of Science and Its Rational Reconstructions. — Boston Studies in the Philosophy of Science, Vol. VIII. Dordrecht-Holland, 1971.

²⁴ Е. А. Мамчур. Ценностные факторы в познавательной деятельности ученого. — «Вопросы философии», 1973, № 9, стр. 71. О концепции Лакатоша см. также: И. А. Акчурин, Е. А. Мамчур. Логика открытия или психология исследования? — «Вопросы философии», 1972, № 8; В. А. Лекторский. Философия, наука, «философия науки». — «Вопросы философии», 1973, № 4.

²⁵ S. Toulmin. Foresight and Understanding. An Inquiry into the Aims of Science. Indiana University Press, 1961.

²⁶ В общем справедливую, хотя и одностороннюю критику взглядов Тулмина см.: F. Wilson. Explanation in Aristotle, Newton and Toulmin. — «Philosophy of Science», Vol. 36, 1969, No 3 and 4.

конкретная концепция «парадигмы» Т. Куна.²⁷ Наличие парадигмы, согласно этой концепции, и является критерием научности. На основе парадигмы возникает «нормализованная наука», для которой характерно успешное решение экспериментальных и теоретических «головоломок». «Головоломка» (puzzle) — это такая проблема, напоминающая, например, шахматную задачу, которая четко формулируется в рамках парадигмы, для которой гарантировано существование решения и заданы некоторые правила, ограничивающие типы применимых решений и способов их достижения. Кун выделяет в понятии парадигмы следующие основные компоненты:²⁸

1) «символические обобщения» — формальные или легко формализуемые компоненты парадигмы, которые функционируют как законы природы и определения соответствующих символов (например: $f = ma$, «элементы соединяются в константных весовых пропорциях»);

2) «метафизическая парадигма» (вернее — картина мира в соответствующей науке) — модельные представления (например: газ представляет собой совокупность молекул, напоминающих маленькие упругие бильярдные шары, которые находятся в непрерывном хаотическом движении);

3) общепринятые сообществом ученых ценностные требования, такие как: теоретические концепции должны быть простыми, непротиворечивыми, правдоподобными, совместимыми с другими теориями и т. п.; предсказания должны быть точными, количественные предсказания предпочтительнее качественных и т. п.;

4) общепринятые образцы, примеры решения конкретных проблем (задачи такого типа, которые приведены в общеизвестных классических трудах или в учебниках, и которые студенты решают на практикумах, экзаменах и т. д.).

Хотя концепция Куна, как уже справедливо отмечалось в литературе, страдает многими существенными недостатками, сама идея парадигмы (на основе которой возникает «нормализованная наука» со своими «головоломками»), как характерной черты науки, заслуживает, на наш взгляд, внимания. Кроме того, важно иметь в виду, что концепция науки Куна содержит в себе и основные рациональные идеи Поппера и Лакатоша. Это видно из тех пунктов, которые Кун выделяет, разъясняя

²⁷ T. S. Kuhn. The Structure of Scientific Revolutions. The University of Chicago Press, 1970 (Second Edition, enlarged); Logic of Discovery or Psychology of Research?; Reflections on my Critics. — Criticism and the Growth of Knowledge; M. Masterman. The Nature of a Paradigm. — Criticism and the Growth of Knowledge. Концепция Куна рассматривается в ряде работ советских философов. См., напр.: В. М. Легостаев. Философская интерпретация развития науки Томаса Куна. — «Вопросы философии», 1972, № 11.

²⁸ T. S. Kuhn. The Structure of Scientific Revolutions, pp. 181—191.

свое понимание науки.²⁹ А именно — по Куну некоторая область исследований развивается как зрелая наука, если: 1) получаются конкретные предсказания в некоторой области естественных явлений (критерий Поппера; по терминологии Лакатоша — «теоретически прогрессивный сдвиг проблемы»); 2) предсказания, касающиеся определенного интересующего исследователя подкласса исследуемых явлений, постоянно подтверждаются (по терминологии Лакатоша — «эмпирически прогрессивный сдвиг проблемы»); 3) методика предсказания основывается на содержательной («метафизической» — по терминологии Куна) теории, которая объясняет, почему возможны предсказания, почему ограничена сфера успешных предсказаний, а также предлагает способы повышения точности и расширения сферы предсказаний; 4) усовершенствование предсказательной техники является задачей, требующей иногда исключительной талантливости и увлеченности.

Марксистская философия, рассматривая науку в контексте общественно-исторической практики, позволяет глубже трактовать, находить причины, выяснять логику опосредствования научного способа мышления от общего типа видения мира (картины мира, «идеалов естественного порядка») и образования парадигмы. Вопрос об образовании и смене парадигмы — это и вопрос о выделении и изменении предмета науки. Так как предмет науки выделяется и изменяется в общественно-исторической практике, то общая логика развития практики, которая зафиксирована прежде всего в философских категориях, является и общей основой логики возникновения и развития науки.

Образование «нормализованной науки», «парадигматический» характер знаний и деятельности и такие общие черты научного знания (парадигмы, видения мира, способа мышления) как объективность, экспериментальность, воспроизводимость, закономерность, конкретность, однозначность, точность, формализуемость, а также другие рассмотренные нами аспекты и критерии научности являются, на наш взгляд, в конечном счете, различными конкретными формами, в которых проявляется необходимость подчинения научных знаний и деятельности вещным, независимым от человека отношениям, стремление исключить исторически конкретный субъект. Действительность является предметом науки со стороны ее вещиности, независимости от человека.

Поскольку в человеческой практике появилась независимая от человека всеобщая система вещных отношений в связи с возникновением капитализма, то и наука могла возникнуть

²⁹ T. S. Kuhn. Reflections on my Critics. — Criticism and the Growth of Knowledge, pp. 245—246.

лишь в связи с возникновением капитализма. До рождения капитализма в общественной практике не существовало самостоятельного отношения «вещь — вещь», «мир вещей» подчинялся «духовному миру», человеческим отношениям.³⁰

В аспекте своей экспериментальной основы возникновение науки также непосредственно связано со становлением капиталистической общественно-экономической формации. Экспериментальная наука немыслима в системах культуры докапиталистических формаций. Так как созданный человеком в общественной практике самостоятельный «мир вещей» стал определяющим фактором в жизни человека, то возникает стремление овладеть этим миром, расширить область вещных отношений. Общественно фиксированной целью деятельности становится производство вещей самих по себе. В результате таких фундаментальных изменений в общей системе практической деятельности кардинально изменяется и отношение человека к природе: вместо принципа невмешательства; созерцательно-эстетического и этического отношения к природе, становится возможным и необходимым экспериментальное исследование природы и понимание природы как мира открытий, бесконечной возможности экспериментов.³¹

II

С точки зрения концепции, изложенной в первом разделе настоящей статьи, рассмотрение рождения химии как науки предполагает выяснить, во-первых, как и когда мышление о химических явлениях приняло форму мышления о независимых от человека, от духовного мира вещах, которые нужно экспериментально исследовать, и, во-вторых, как на этой основе образовалась первая парадигма, стала возможной нормализованная наука.

Мы считаем неверным подход к истории науки (очень пространенный), при котором из прошлых систем культуры

³⁰ Подробнее см.: А. С. Арсеньев. Историзм и логика в марксистской теории. — Историческая наука и некоторые проблемы современности. М., «Наука», 1969, стр. 340—342; его же. Наука и человек (философский аспект). — Наука и нравственность. М., Политиздат, 1971; Л. М. Косарева. Проблема предмета науки с точки зрения марксистской категории деятельности. (Автореферат кандидатской диссертации). Ростов-на-Дону, 1971; Е. Д. Бляхер, Л. М. Волинская. Генерализация физической картины мира как момент исторического движения познания. — «Вопросы философии», 1971, № 12.

³¹ Подробнее см.: Дж. Нидам. Общество и наука на Востоке и на Западе. — Наука о науке. М., «Прогресс», 1966; Социальный генезис науки. — Социология науки. Изд-во Ростовского ун-та, 1968; Л. М. Косарева. Взгляды Э. Цилзеля на возникновение науки. — Наука и научное творчество. Изд-во Ростовского ун-та, 1970.

отбираются элементы истинного, с сегодняшней точки зрения, знания, методы исследования и идеи, напоминающие современные, с целью показать, что именно накопление таких знаний привело к становлению науки. С точки зрения принятой нами концепции, научными могут оказаться и такие взгляды, которые мы сегодня считаем ошибочными. Однако мы не можем при этом согласиться с С. Тулминым и Т. Куном в том, что вообще некогда общепринятые взгляды на мир, от которых впоследствии наука отказалась, скажем, динамика Аристотеля или флогистонная химия, были не менее научными, чем современные.³² В этом вопросе критерий «вещности», как необходимой основы научной картины мира, является достаточно строгим и четким, применение которого сразу показывает, что, например, аристотелевская телеологическая и антропоморфная картина мира не была научной,³³ а картина мира, на которую опиралась флогистонная химия, действительно, была не менее научной, чем современная.

Вопрос становления научной химии связан, с одной стороны, с освобождением от натурфилософии и алхимии, с другой стороны, с возникновением в практической (технической и медицинской) химии, в химическом «искусстве» проблем, которые не могут быть решены без их научной постановки.

А что значит «освобождение от алхимии»? В работах по истории химии обычно можно встретить примерно следующие суждения: «Он был еще в плену алхимических воззрений, так как верил в трансмутацию металлов». И тогда оказывается, что, например, «еще Бойль и Ньютон разделяли алхимические воззрения».³⁴ Алхимия — это не просто доктрина трансмутации металлов, а определенное культурно-историческое единство, «микрокосм культуры европейского средневековья», как хорошо показано в работах В. Л. Рабиновича.³⁵ А это значит, что от

³² S. Toulmin. Foresight and Understanding, ch-s 3 and 4; T. S. Kuhn. The Structure of Scientific Revolutions, p. 2.

³³ Справедливо пишет Б. С. Дынин: «Аристотель строил физику телеологически, определяя существование объектов через внешние цели, задаваемую извне необходимость, противопоставляя существование конкретных объектов их долженствованию. [...] Теоретическая же механика сняла одностороннее долженствование во взаимообосновании своих законов, определив вместе с тем существование своих объектов независимо от каких бы то ни было конечных целей, чем и обеспечила создание человеком мира техники, не знающего собственных целей и потому способного служить средством достижения именно человеческих целей» (К вопросу о характере проблем методологии. — Философия, методология, наука. М., «Наука», 1972, стр. 52).

³⁴ Ю. И. Соловьев. Эволюция основных теоретических проблем химии. М., «Наука», 1971, стр. 39. См. также, напр.: Н. А. Фигуровский. Очерк общей истории химии. От древнейших времен до начала XIX в. М., «Наука», 1969, стр. 219—221; J. R. Partington. A History of Chemistry. Vol. II. London, 1961, pp. 469, 496.

алхимии. можно освободиться лишь в смысле переключения в другую систему культуры, в другую картину мира. Идея трансмутации металлов сама по себе отнюдь не алхимическая, и, вообще, приобретает определенный смысл лишь в определенном контексте и в определенной системе деятельности (ведь все зависит от того, что вообще считается металлом и трансмутацией, какими методами и с какой целью предпринимаются попытки этой трансмутации или обосновывается ее возможность).

До второй половины XVII века химические знания накапливались в форме практических рецептов, в производстве и медицинской практике, а отчасти и в алхимии. Теоретические вопросы, касающиеся химических явлений, встали лишь в системах натурфилософии (перипатетические и спагирические учения) и алхимии как вопросы объяснения, истолкования, разъяснения или разгадания с точки зрения человека возможности, природы и значения этих явлений, а не как вопросы, предполагающие постановку и решение определенных проблем путем экспериментального исследования независимой от человека природы. Однако уже к XVI столетию относится начало капиталистической эры и в первой половине XVII века уже существовали наука — образцом научного исследования стали работы Г. Галилея³⁶ — и научная (антиаристотелевская — механическая и атомистическая) картина мира. В начале XVII столетия возродилась античная атомистика, «в сущности, не старые идеи восстанавливались, а люди «рождались заново»»³⁷ Поэтому, естественно, уже в первой половине XVII века встал вопрос о включении химических явлений в эту корпускулярно-

³⁵ См.: В. Л. Рабинович. Ученый средневековья. Психологический очерк. — Научное творчество. М., «Наука», 1969; его же. Алхимия. — БСЭ, т. 1, 3-е изд., М., 1970; его же. Символизм в западной алхимии и традиция Ибн-Рушда. М., «Наука», 1971; его же. Проблема развития алхимии. — Философские вопросы химии. Изд-во Ростовского ун-та, 1972. Следует, однако, отметить, что мы не можем всерьез принимать попытку В. Л. Рабиновича доказать, вслед за Н. Морозовым (см.: Н. Морозов. В поисках философского камня. СПб., 1909, стр. 83), что Роджер Бэкон неосознанно предвидел «нечто похожее на... два фундаментальных закона новой химии — постоянства состава и кратных отношений» (В. Л. Рабинович. Теоретическое предвидение и его интерпретация (по алхимическим трактатам Роджера Бэкона). — Научное открытие и его восприятие. М., «Наука», 1971, стр. 146). Такое утверждение, на наш взгляд, не согласуется с общей концепцией В. Л. Рабиновича, поскольку предполагает, что и алхимия была все-таки формой науки, только научные достижения остались не осознанными как самими учеными, так и их окружением. Это — как нам кажется, просто *contradictio in adjecto*.

³⁶ См., напр.: Ф. Даннеман. История естествознания, т. II. М.—Л., 1935, стр. 27—74.

³⁷ В. П. Зубов. Развитие атомистических представлений до начала XIX века. М., «Наука», 1965, стр. 172.

механическую картину мира (Э. де Клаве, Д. Зеннерт, И. Юнгиус).³⁸ В первой половине XVII века были развиты два типа корпускулярно-механических картин мира: механистическая атомистика Галилея (объективно существуют пространственные и временные характеристики, а чувственные качества являются субъективными; тела состоят из бесконечного множества неделимых; природа математична) и корпускулярные представления Р. Декарта (материя наполняет все пространство, она делима до бесконечности; все явления в природе должны быть сведены к форме, величине и движениям тел). Третий тип антиперипатетической «корпускулярной, или механической философии» (по словам самого автора), в которой атомистическая и картезианская концепции рассматривались как нечто единое, разработал Р. Бойль во второй половине XVII века.³⁹

Бойль писал, что он занимался химией «не столько ради нее самой, но в целях натуральной философии, и для нее», что его целью было достичь «взаимопонимания между химиками и механическими философами, которые доселе слишком мало были знакомы с учениями друг друга».⁴⁰ Важно иметь в виду, что еще «в 1600 ни один натуральный философ не считал химию частью натуральной философии, химия была медицинской или мистической наукой».⁴¹ Так как в химии стоял на первом месте вопрос о качественных превращениях веществ, надо было, прежде всего, найти способ, который позволял бы осмыслить эти качественные превращения в терминах экспериментальной, корпускулярно-механической картины мира. В научной картине мира не было места скрытым качествам («окультиным качествам») и «субстанциональным формам», с помощью которых как бы объяснялись превращения и свойства веществ.

Бойль определил качество на основе разнообразных сочетаний или структур (texture) и движений некоторых элементов (первичных или непервичных), а также соотношения между такими структурами. Он представлял себе как мир в целом, так и его мельчайшие части механизмами, подобными часам. Химик, с точки зрения Бойля, «ремесленник, который изготовляет вещи (fabricates) в микроскопической области таким же образом, как механик в макроскопической области».⁴² Роль типического инструмента играет при этом огонь. Огонь, по представлениям Бойля, не является «универсальным анализа-

³⁸ В. П. Зубов. Развитие атомистических представлений..., стр. 181—186.

³⁹ Там же, стр. 206—262.

⁴⁰ Там же, стр. 245—246.

⁴¹ M. Boas. Robert Boyle and Seventeenth-Century Chemistry. New York, 1968, p. 229.

⁴² T. S. Kuhn. Robert Boyle and Structural Chemistry in the Seventeenth Century. — *Isis*, 1952, Vol. 43, part 1, No. 131, p. 31.

тором» всех тел, как считали химики, поскольку «огонь, даже тогда, когда он разделяет тело на субстанции различной консистенции, не разлагает в большинстве случаев это тело на гипостатические начала, но лишь перераспределяет его части в новых сочетаниях (textures)». ⁴³

В книге «Химик-скептик» (1661) Бойль подробно критиковал учения перипатетиков и спагириков, противопоставляя этим учениям экспериментальный метод и корпускулярно-механическую картину мира. Бойль показал, что с точки зрения последователей Аристотеля «намного выше и философичнее делать открытия а priori, чем а posteriori. Поэтому перипатетики особенно не заботились о накоплении экспериментальных данных, чтобы доказать свои доктрины; они удовлетворялись только немногими экспериментами, предназначенными лишь для тех, кто не был способен к более высоким убеждениям. И, действительно, они применяли эксперименты скорее для иллюстрации, чем для демонстрации своих доктрин...» ⁴⁴ Бойль доказал, что с точки зрения экспериментального метода и корпускулярно-механических взглядов, как «элементы» перипатетиков — огонь, вода, воздух, земля, — так и «принципы» спагириков — ртуть, сера и соль — не удовлетворяют определению понятия «элемент». Само **определение** было сформулировано уже Аристотелем. ⁴⁵ В этом смысле является совершенно ошибочным мнение, что Бойль впервые дал правильное **определение** химического элемента. На эту распространенную ошибку обратил внимание Кун: «Согласно Бойлю — и он был совершенно прав — его «дефиниция» элемента была только парфразой традиционного химического понятия; Бойль предлагал ее только для того, чтобы доказать, что такой вещи как химический элемент не существует... [...]. Словесные определения, подобные бойлевскому, имеют незначительное научное содержание, когда рассматриваются сами по себе». ⁴⁶ Бойль считал возможным говорить о существовании элементов лишь в смысле

⁴³ R. Boyle. The Sceptical Chymist. London, New York (Everyman's Library; год издания не указан), p. 48.

⁴⁴ Там же, стр. 20.

⁴⁵ Ср.: Аристотель. Метафизика. М.—Л., 1934, стр. 81: элементы тел — «это предельные части, на которые разлагаются тела, в то время как сами эти части уже не делятся на другие, отличающиеся (друг от друга) по виду...»; R. Boyle. The Sceptical Chymist, p. 187: «Я понимаю под элементами то, что химики, говорящие яснее других, называют началами определенные, первоначальные и простые вполне несмешанные тела, которые не составлены друг из друга, но представляют собой те составные части, из которых составлены все так называемые смешанные тела и на которые последние, в конце концов, могут быть разложены...»

⁴⁶ T. S. Kuhn. The Structure of Scientific Revolutions, p. 142. См. также его же указ. работу: Robert Boyle and Structural Chemistry in the Seventeenth Century.

определенных сочетаний мелких частиц, которые являются для химика практически неразложимыми. В таком смысле элементом является, например, золото, хотя и оно может иметь сложную физическую структуру.⁴⁷ Поскольку, таким образом, об элементах можно говорить лишь в относительном смысле, то Бойль считал и трансмутацию одних элементов в другие в принципе возможным.

Итак: начинается ли научная химия с Бойля? В чем состоит его главная заслуга в истории химии?

Авторитетный и широко известный современный историк химии Д. Р. Партингтон отвечает на эти вопросы следующим образом: «Бойль должен быть назван основателем современной химии по трем причинам: 1) он высказал мнение, что химия достойна изучения с точки зрения ее собственных целей, а не единственно только как вспомогательное средство для медицины или алхимии, несмотря на то, что он верил в возможности последней; 2) он ввел строгий экспериментальный метод в химию; 3) он дал ясное определение элемента и экспериментально показал, что четыре элемента Аристотеля и три начала алхимиков (ртуть, сера и соль) не заслуживают того, чтобы называться элементами, или началами вообще, так как ни один из этих элементов не может быть извлечен из тел, например, металлов».⁴⁸ Н. А. Фигуровский отмечает, что «стремление Бойля рассматривать химию как «науку» — химическую философию, в отличие от его современников, считавших химию лишь «искусством», было, пожалуй, несколько преждевременным»,⁴⁹ но в основном он разделяет точку зрения Партингтона.

Однако аргументы Партингтона вызывают сомнения. Выше мы уже обратили внимание на вопрос, связанный с **определением** химического элемента Бойлем. Что же касается применения понятия элемента как практически неразложимого вещества, то Бойль не мог предложить критерий элементарности.⁵⁰ М. Джуа справедливо считает, что некоторые историки химии понимают экспериментальный метод слишком упрощенно и переоценивают «значение деятельности Бойля в разработке экспериментального метода, введенного в том же веке в физику Галилеем. [...] Бойль ... не был настолько подготовленным (конечно, состояние химии в то время и не допускало этого), чтобы **применить галилеевский метод в химии** (выделено)

⁴⁷ R. Boyle. *The Sceptical Chymist*, pp. 96, 39. См. также: В. П. Зубов. Указ. соч., стр. 254—257.

⁴⁸ J. R. Partington. *A Short History of Chemistry*. London, 1960, p. 67; *A History of Chemistry*, Vol. II, p. 496.

⁴⁹ Н. А. Фигуровский. Указ. соч., стр. 213.

⁵⁰ См. об этом, напр.: M. M. Pattison Muir. *Introduction*. — R. Boyle. *The Sceptical Chymist*, pp. IX—XX.

нами — Р. В.), иначе он превосхитил бы труды Лавуазье и Дальтона. Наоборот, доктрина Бойля не выходит еще из сферы абстракции...»⁵¹

Б. М. Кедров и многие другие считают, что превращение химии в науку начинается с Бойля и завершается Лавуазье.⁵² Заслуга Бойля состоит в том, что он обосновал качественный эмпирико-аналитический метод химического исследования, так как показал, что нельзя удовлетворяться описанием отдельных свойств, считать их абсолютными, а следует раскрыть, от чего зависит качественная определенность веществ как основа их свойств. «Опираясь на обоснованный Бойлем качественный метод химического исследования, но отвергая механицизм Бойля, позднейшие химики-флогистики уточнили понятие химического начала, или элемента.»⁵³ Но лишь Лавуазье «окончательно вытеснил из химии расплывчатое, натурфилософское представление об элементах, заменив его строгим, естественно-научным понятием «элемент», которому он дал точное научное определение. В основу нового понятия Лавуазье положил прежний, аналитический признак неразложённости вещества... Новое здесь заключалось в установлении точного критерия для признака реакций разложения, а тем самым и для признака элементарности вещества».⁵⁴

С нашей точки зрения, Бойль сделал первый шаг в направлении превращения химии в науку тем, что он, будучи знаком с научным методом и научной картиной мира своего времени, впервые подробно и аргументированно доказал, что существовавшие способы мышления в химии были ненаучными и показал, как в принципе выглядят те же проблемы, или вернее, какие проблемы возникают в области химии, в свете существующей научной, но механистической картины мира и научного метода. Мышление Бойля о химических явлениях было научным в том общем смысле, что у него оно, как мы видели, приняло форму мышления о независимых от человека, от духовного мира вещах, которые нужно экспериментально исследовать. Однако в XVII веке химия еще не стала наукой, поскольку еще не образовались парадигма и нормализованная наука, исследования химиков не соответствовали более строгим критериям научности. Подход Бойля был еще слишком абстрактным и ему, как и его современникам, не удалось формулировать и решать конкретных задач в химии научным ме-

⁵¹ М. Джуа. История химии. М., «Мир», 1966, стр. 88 и 91.

⁵² См., напр., Б. М. Кедров. Три аспекта атомистики. II. Учение Дальтона. Исторический аспект. М., «Наука», 1969, стр. 113; его же. Энгельс о химии. М., «Наука», 1971, стр. 62; и др.

⁵³ Там же, стр. 141.

⁵⁴ Там же, стр. 128.

тодом (он, как выше отмечалось, не смог применить галилеевский метод в химии). Бойль включил химические явления в корпускулярно-механическую картину мира слишком прямолинейно: он исходил не только из сложившихся в механике **принципов** научного метода и научной картины мира, а отождествлял химические явления с механическими, рассматривал их непосредственно с точки зрения принципов часового механизма. Таким образом он, как мы видели, отвергал «оккультные качества».⁵⁵ Так поступили и многие другие химики, современники и последователи Бойля, а также картезианцы. Среди картезианцев наиболее известным был Н. Лемери. В. П. Зубов, ссылаясь на работу Э. Мецжер⁵⁶, пишет: «Э. Мецжер очень хорошо оттенила основную особенность (и, добавляем от себя, показала ненаучность. — Р. В.) корпускулярных концепций Лемери, а с ним вместе и других авторов XVII в., писавших о химии в корпускулярном духе: для каждого наблюдаемого свойства придумывалась *ad hoc* особая форма частиц, посредством нее пытались наглядно представить то или иное действие. Но такие наглядные образы не позволяли **предвидеть** новые свойства и сближать разнородные явления. Гипотезы у Лемери были «переводом» опытов на язык тех или иных образных представлений, но не являлись ни резюме, ни программой работ».⁵⁷ В справедливой борьбе против «оккультных качеств» и т. п. представлений совсем не единственной возможностью было понимание качеств механистически. Принципам научной и, по существу механической, картины мира вполне соответствовали понятия типа ньютоновского **феноменологического** понятия силы притяжения, хотя и это понятие также некоторым, особенно во Франции, «казалось «тенью чудовища, только что изгнанного», т. е. «оккультных качеств»».⁵⁸

И. Ньютон много занимался химией.⁵⁹ Явление избиратель-

⁵⁵ Правда, отвергая «оккультные качества», «субстанциальные формы», всякого рода «силы», «симпатии» и т. п., Бойль осторожно заявлял, что давая механическое объяснение качествам, он не претендует на то, что оно единственное и необходимое, но что оно только возможное и по всей вероятности достаточное. Во всяком случае он считал его более ясным и понятным, чем объяснение посредством субстанциальных форм и т. п. вещей, существование которых весьма спорно, а природа весьма темна. Вот почему нередко он пользовался словом **или**, чтобы указать на возможность и других механических объяснений, которые, однако, в любом случае исключали необходимость обращаться к «схоластике или к химической доктрине качеств» (В. П. Зубов. Указ. соч., стр. 247).

⁵⁶ H. Metzger. Les doctrines chimiques en France du début du XVII à la fin du XVIII siècle. Paris, 1923.

⁵⁷ В. П. Зубов. Указ. соч., стр. 241—242.

⁵⁸ Там же, стр. 297.

⁵⁹ См.: С. И. Вавилов. Собр. соч., т. III, М., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 404—412.

ного химического сродства* убедило Ньютона в том, что его гравитационные силы не подходят для объяснения химического взаимодействия. Но он также отвергал механистические наглядные объяснения. Ньютон ввел в химию понимание химического сродства как проявления особой силы притяжения на малых расстояниях у мельчайших частичек. Он предполагал, что частицы «притягивают одна другую некоторой силой, которая очень велика при непосредственном соприкосновении и производит на малых расстояниях ... химические действия, но не простирается со значительным действием на большие расстояния от частиц».⁶⁰ При этом он применял слово «притяжение» «для того, чтобы только вообще обозначить некоторую силу, благодаря которой тела стремятся друг к другу, какова бы ни была причина...»⁶¹ Ньютон различал притяжение тяготения, магнетизма и электричества. Он предполагал, что химическое сродство может иметь электрическую природу. Представления Ньютона о химическом сродстве имели центральное место в дальнейшем развитии химии. А. Потылицын, например, писал в 1880 году: «Выраженные Ньютоном взгляды на сродство не только легли в основу всех теорий сродства, господствовавших в прошлом столетии, но во многом сохранились до настоящего времени».⁶²

«Секрет успеха» представлений Ньютона заключался в том, что таким образом стало возможным «объективирование», как говорил Гельмгольц⁶³, явления избирательного химического сродства. При помощи представления о некоторой силе притяжения Ньютону удалось избежать произвольных предположений, вроде крючков у атомов и др. (известно его «*hypotheses non fingo*»). Энгельс отмечал: «... «объективирование», являющееся скорее субъективированием, приобретает известный смысл: мы ищем иной раз прибежища в слове «сила» не потому, что мы вполне познали закон, но именно потому, что мы его не познали... Таким образом, прибегая к понятию силы, мы этим выражаем не наше знание, а недостаточность нашего знания о природе закона и о способе его действия. В этом смысле, в виде краткого выражения еще не познанной причин-

* Термин «сродство» (*affinitas*) в отношении химических явлений впервые употребил Альберт Великий в середине XIII века. «Сродство» обозначало причину химического взаимодействия веществ. С тех пор и стали говорить о химических взаимодействиях как о проявлении химического сродства между телами.

⁶⁰ И. Ньютон. Оптика или трактат об отражениях, преломлениях, изгибаниях и цветах света. М., Гостехиздат, 1954, стр. 295.

⁶¹ Там же, стр. 285 (подчеркнуто нами. — Р. В.)

⁶² А. Потылицын. О способах измерения химического сродства. СПб., 1880, стр. 4.

⁶³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 402—403.

ной связи, в виде уловки языка, слово «сила» может допускаться в повседневном обиходе». ⁶⁴

На наш взгляд, неточным является утверждение: «Гипотеза Ньютона не давала никаких конкретных указаний для постановки новых химических экспериментов. Действительно, ведь не были известны ни расстояния между атомами, ни их величины, ни законы и природа притяжения, которое обуславливало взаимодействие атомов». Поэтому химики «искали иные пути к решению проблемы химического сродства». ⁶⁵ Здесь, по-видимому, не учитывается **феноменологический** характер ньютоновских представлений. Ведь ньютоновские идеи притяжения — в отличие от картезианских и бойлевских корпускулярных представлений, которые как будто все объясняли — именно поэтому и были ценны, что ясно показали — говоря вышеприведенными словами Энгельса — «недостаточность нашего знания» об атомах и о природе законов их взаимодействия и ориентировали на эмпирические исследования. Ньютоном был найден, на основе «механических начал», новый способ мышления о явлениях природы: в отличие от картезианской и бойлевской механистической картины мира оказалась возможной более широкая научная картина мира, в которой явления природы рассматривались как взаимодействия различных тел, описываемые действием различных сил, подобных известным силам механического взаимодействия. Весьма ясно это более широкое понимание «механических начал» (и феноменологический характер «сил») видно из следующих слов Ньютона: «Я вывел, с помощью математических соображений, движение планет из действующих на них сил. Желательно было бы и другие явления природы объяснить из механических начал с помощью того же способа рассуждения. Многие соображения побуждают меня догадываться, что явления эти зависят от некоторых сил, которыми частицы тел, **вследствие причин, нам еще не известных** (выделено нами. — Р. В.) гонятся одна к другим и соединяются в правильные фигуры или сталкиваются взаимно». ⁶⁶

Хотя, действительно, «гипотеза Ньютона не давала никаких конкретных указаний для постановки новых химических экспериментов», она зато давала совершенно конкретные указания для выбора научного пути исследования в химии: выяснить типы и законы наблюдаемых взаимодействий химических веществ, а не довольствоваться рассуждениями о форме и характере движения ненаблюдаемых частиц. Исследование химического сродства на основе реакций вытеснения одного металла

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Ю. И. Соловьев. Указ. соч., стр. 91.

⁶⁶ И. Ньютон. Математические начала натуральной философии. — А. Н. Крылов. Собрание трудов, т. 7. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1936, стр. IX.

другим из растворов солей, а также одной кислоты другой и т. п., было не «иным путем», как считает Ю. И. Соловьев, а именно путем, соответствующим идеям и исследованиям Ньютона. Реакции вытеснения имели в виду в своих рассуждениях о химическом сродстве как Ньютон, так и Бойль и картезианцы, только линия Ньютона была при этом антикартезианская и антибойлевская, поскольку ориентировала не на *ad hoc* объяснения при помощи механистических представлений.

Такой антикартезианский, по типу ньютонианский, способ понимания химического сродства получил, по-видимому, распространение в химии и без прямого влияния идей Ньютона. Но так или иначе, как отмечает В. П. Зубов, ссылаясь на работу Э. Мецжер,⁶⁷ «исследование сродства стало первоочередным, и Элен Мецжер права, указывая, что это понятие явилось «самой глубокой движущей пружиной химической доктрины шталевской школы»». ⁶⁸ В. П. Зубов приходит к верному выводу, что «школа Шталь, исходившая из ньютонианской идеи притяжения и отодвинувшая на второй план картезианские идеи о разнообразной форме частиц, перенесшая центр внимания на силы сродства без проникновения в механическую природу этих сил, неизбежно перемещала центр тяжести на эмпирическое исследование соотношений между веществом и вместо поисков первичных «элементов», т. е. элементарных атомов в их своеобразии, предпочитала говорить об элементах, как о веществах разложимых и неразложимых».⁶⁹

Школой Шталь и была создана первая парадигма в химии, химия стала наукой, образовалась нормализованная наука.

Если Бойль, как он сам выразился, занимался химией «не столько ради нее самой, но в целях натуральной философии, и для нее», то Шталь занимался уже научными проблемами ради самой химии. Шталь исходил из положения, на которое обратил внимание уже Бойль, но которое не получило у него никакого конструктивного развития. Это — положение о том, что элементами в химии можно считать практически неразложимые вещества. Бойль абстрактно рассуждал, что элементы (как некоторые корпускулы в виде практически неразложимых скоплений частиц), могут различным образом соединяться, образовывать различного типа тела: 1) могут быть такие тела,

⁶⁷ H. Metzger. Newton, Stahl, Boerhaave et la doctrine chimique. Paris, 1930.

⁶⁸ В. П. Зубов. Указ. соч., стр. 301.

⁶⁹ Там же, стр. 306. О взглядах Г.-Э. Шталь (1660—1734) и его теории флогистона см. подробнее: J. R. Partington. A History of Chemistry, Vol. II, pp. 653—686; Н. А. Фигуровский. Указ. соч., стр. 233—250; Ю. И. Соловьев. Указ. соч., стр. 25—39; а особенно: И. Штрубе. Роль теории флогистона Г. Э. Шталь в развитии химии XVIII в. — «Вопросы истории естествознания и техники», 1970, вып. 2(31).

которые, хотя и отличаются качественно от своих составных частей, могут все же быть снова разложены на исходные элементы, т. е. элементы сохраняются (например, соединение металлов и образование сплавов); 2) «существуют другие скопления, в которых частицы не держатся так плотно вместе, а могут встречаться с корпускулами другого вида, которые склонны соединяться с некоторыми из них (т. е. с некоторыми частицами из скопления. — Р. В.) плотнее, чем эти частицы соединены между собой»,⁷⁰ т. е. в данном случае элементы оказываются все же разложимыми, хотя и их составные части не выделяются в свободном виде, а соединяются с другими корпускулами — элементы не сохраняются. Бойлевская картина химических превращений поэтому и не могла стать исходной для научной химии, что была построена на основе механических наглядных представлений о неограниченном разнообразии сочетаний и движений первичных и непервичных корпускул и в ней не было четко выраженной идеи сохранения некоторых химических качеств, химических единиц. А идея сохранения, как показано Н. Ф. Овчинниковым, является «фундаментальной идеей, позволяющей проследить превращение знания в науку».⁷¹ Можно сказать, что если Бойль подчеркнул относительность неразложимости веществ, их изменчивость, разложимость, в принципе, то Шталь, наоборот, исходил из эмпирически определяемой различной степени устойчивости, неразложимости веществ и дал на этой основе их классификацию на основные типы.

Шталь считал очень важным различать понятия «простое тело», или «начало» (*principium*), «смешанное тело» (*mixtum*), «составное тело» (*corpus compositum*) и «агрегированное тело» (*aggregatum*). Простые тела или начала, которые являются физически неделимыми корпускулами, не существуют в чистом и обособленном виде. Различные простые тела образуют смешанное тело, сочетание различных смешанных тел дает составное тело, а сочетание однородных частей — агрегированное тело. Смешанные тела сравнительно легко соединяются друг с другом и разъединяются друг от друга, но сами лишь с трудом поддаются разложению. Таким образом, Шталь дал, по существу, четкое понятие чистого вещества⁷² (*aggregatum*) и обычного химического изменения как образования или разложения сложного вещества (*corpus compositum*). В этом хими-

⁷⁰ R. Boyle. The Sceptical Chymist, p. 87.

⁷¹ Н. Ф. Овчинников. Принципы сохранения. М., «Наука», 1966, стр. 33.

⁷² Это — основное понятие научной химии. См.: Е. Ф. Колдин. Научный метод и структура химии. — Методологические проблемы современной химии. М., «Прогресс», 1967, стр. 46. Об изменении взглядов на основные понятия в современной химии см.: В. И. Кузнецов. Эволюция представлений об основных законах химии. М., «Наука», 1967, гл. VIII.

ческом изменении сохраняющейся единицей (т. е. элементом) практически является смешанное тело (*mixtum*), поскольку его разложение происходит лишь с трудом и относится к другому типу.

Таким процессом, в котором смешанное тело разлагается, является, по Шталю, горение веществ или, в случае металлов, их «кальцинация» (обжигание). В этих процессах улетучиваются «корпускулы горючего начала» — флогистона, которые в процессе соединения с воздухом образуют «огненное движение» и, соединившись, рассеиваются. Из остальной части исходного вещества образуется сохраняющийся остаток, например, «известь металла». Из этого остатка, при помощи вещества, богатого флогистоном, снова получается исходное вещество. Как показала И. Штрубе «изучение металлургии привело Шталь к новому пониманию процесса восстановления и было одной из важнейших предпосылок создания его теории флогистона. [...] Истинное достижение Штalia состоит не в создании новой теории горения..., а в признании обратимости процессов горения и восстановления и в создании на базе этого теории флогистона».⁷³

Теория флогистона была первой подлинно научной теорией в химии.⁷⁴ Такой вывод получается по следующим соображениям.

1) Выше уже показано, что общие идеи школы Штalia были в соответствии с «эталонном научности» своего времени — ньютоновской картиной мира.

2) Подход Штalia хорошо укладывается в общую схему научного метода (см. схему М. Бунге). Действительно, исходя из общепринятого положения, что все горючие или могущие превратиться в «известь» вещества, как химические вещества вообще, являются сложными веществами, Шталь сформулировал проблему определения состава этих веществ, имея при этом в виду технику эксперимента своего времени. Он выдвинул гипотезу, что эти вещества состоят из улетучивающегося горючего начала — флогистона и сохраняющегося компонента. Из этой гипотезы вытекали следующие проверяемые следствия:

⁷³ И. Штрубе. Указ. соч., стр. 64.

⁷⁴ Это признает и, например, Б. М. Кедров, когда он, ссылаясь на Энгельса (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 348), пишет: «Превращение химии в науку совершалось в прямой зависимости от ее отрыва от алхимии. Такой отрыв осуществлялся впервые только благодаря теории флогистона. [...] Это была в полном смысле слова химическая теория, оперировавшая химическими фактами, хотя и превратно истолкованными, и раскрывавшая реальные отношения между различными химическими процессами и веществами» (Б. М. Кедров. Энгельс о химии, стр. 36). Но, поскольку теория флогистона оказалась ложной, то Б. М. Кедров все же считает, что лишь трудами Лавуазье «завершился процесс превращения химии в науку» (там же, стр. 62).

при горении веществ или, в случае металлов, их обжигании из исходных веществ должно нечто выделяться, а остающееся вещество должно быть другой составной частью исходного вещества, которая снова превращается в исходное вещество, если к ней присоединяется флогистон. Эксперименты и дали подтверждающие исходную гипотезу данные. Появилось много новых фактов о составе и свойствах конкретных веществ. Вместе с тем возникали и новые проблемы, обнаружилось противоречия и т. д. В конце концов Лавуазье воспользовался данной теорией флогистона, возможностью изучать горение и восстановление в их взаимной связи и показал своими количественными исследованиями, что для объяснения этих обоих процессов флогистон совершенно излишен. Он же дал новые экспериментальные критерии для определения понятий «химический элемент» и «сложное вещество» и т. д.

На то, что метод Шталь был галилеевский метод, справедливо обратил внимание уже И. Кант: «Ясность для всех естествоиспытателей возникла тогда, когда Галилей стал скатывать с наклонной плоскости шары с им самим избранной тяжестью, когда Торричелли заставил воздух поддерживать вес, который, как он заранее предвидел, был равен весу известного ему столба воды, или когда Шталь в еще более позднее время превращал металлы в известь и известь обратно в металлы, что-то выделяя из них и вновь присоединяя к ним».⁷⁵

3) В химии образовалась парадигма и стала возможной нормализованная наука. Действительно, ведь в теории флогистона существовали свои модельные представления и «символические обобщения» (корпускулярные представления, классификация веществ, понятие флогистона и трактовка его роли в горении и восстановлении и др.), а также другие аспекты парадигмы, как общепринятые школой Шталь ценностные требования и образцы решения конкретных задач.

4) На основе теории флогистона стали возможными конкретные предсказания в области процессов горения и восста-

⁷⁵ И. Кант. Указ. соч., стр. 85. Здесь уместно обратить внимание и на то обстоятельство, что примечание 14 на стр. 764 является, с точки зрения истории химии, дезориентирующим. Совершенно верно, что «Кант, вероятно, имеет в виду опыты Шталь по окислению металлов и их восстановлению», но неточно, что «Известью в то время называли продукт соединения кальция (Ca) с кислородом (O) — окись кальция (CaO). Воздействием на нее водородом (H₂) восстанавливали чистый кальций (CaO + H₂ = H₂O + Ca). Это Кант и называет получением чистого металла из извести». Дело в том, что «Известью» в то время называли не только окись кальция, а продукт окисления (обжигания или «кальцинации» — по тогдашней терминологии) металла вообще, или по Шталю, металл, освобожденный от флогистона (по Шталю металл = «известь» + флогистон), а восстановлением металла считали процесс получения из «извести» снова металла путем перехода в «известь» флогистона из «жирных веществ» и «углей».

новления, которые подтверждались в эксперименте («прогрессивный сдвиг проблемы»). Шталь мог дать практические советы металлургам и решил задачи, которые не были под силу даже опытным мастерам.

Под влиянием идей школы Шталя были составлены таблицы химического сродства, которые играли в химии XVIII века очень большую роль. Первую такую таблицу составил в 1718 г. французский химик Э. Ф. Жоффруа.⁷⁶ Подобные таблицы, изображающие «ряды сродства», имели значение химических законов. Э. Ф. Жоффруа писал: «В химии наблюдаются между телами различные отношения, являющиеся причиной того, что данное вещество легче соединяется с одним телом, чем с другим. Эти отношения имеют свои условия и законы. Если два вещества смешаны друг с другом и к ним прибавляют третье, которое к первому или ко второму имеет близкое отношение, то оно и соединяется с таковым, не трогая другого. Если же третье вещество не имеет ни к одному из двух первых более близкого отношения, чем эти последние друг к другу, то оно не соединяется ни с одним из них. Закон этот имеет громадное значение в химии: ни шагу в ней нельзя сделать, чтобы не наткнуться на такие отношения».⁷⁷ Э. Ф. Жоффруа был одним из первых французских химиков, признавших теорию флогистона.⁷⁸ Э. Ф. Жоффруа прямо ссылаясь в своих работах на Шталя, как последователя принципов Ньютона в химии. В свою таблицу сродства он включил и флогистон под названием *principe huileux ou Soufre Principe*.

*

Итак, как мы видели, превращение химии в науку начинается с деструктивной критики Бойлем старых воззрений и ненаучного способа мышления в химии («Химик-скептик» — 1661 г.) и завершается образованием первой парадигмы и нормализованной науки на основе теории флогистона, созданной школой Шталя. (впервые ясно изложена в «Зимотехнике» Шталя — 1697 г., а наиболее полно в его «Химических и физических опытах...» — 1731 г.) и эмпирического учения о химическом сродстве (таблица сродства штальнца Э. Ф. Жоффруа — 1718 г.).

Поступила в редакцию 15 марта 1974 г.

⁷⁶ Мы уже обращали внимание на значение работ Э. Ф. Жоффруа в ст.: Движение познания от бытия (непосредственных явлений) к сущности в истории учения о химическом сродстве. — Ученые записки ТГУ (Труды по философии XI), вып. 212, 1968, стр. 80—81.

⁷⁷ Цит. по: Б. Н. Меншуткин. Химия и пути ее развития. М.—Л., 1937, стр. 91.

⁷⁸ См. J. R. Partington. A History of Chemistry, Vol. III. London, 1962, pp. 49—59.

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ЭСТЕТИЧЕСКИХ И РЕЛИГИОЗНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Л. Н. Столович

В процессе исторического развития культуры обнаруживается сложное переплетение эстетического и религиозного сознания. Взаимодействие этих видов сознания, кристаллизирующихся в таких формах, как искусство и религия, издавна привлекало пристальный интерес философов и психологов, искусствоведов и религиоведов. Исследование взаимопроникновения религиозного и эстетического позволяет так или иначе интерпретировать специфическую природу компонентов взаимодействия и их соотношение. Теоретическая важность такого исследования не подлежит сомнению. Очевидно, что и для практики воспитания немаловажно, трактуется ли отношение искусства и религии как случайная связь или неравный брак, как немирное сосуществование или же нерушимый союз.

Непреложный факт взаимосвязи религиозного и эстетического сознания истолковывается в философии и теологии, эстетике и искусствознании не только различно, но, подчас, диаметрально противоположно. Одни полагают, что именно религия является основой возникновения ценностей искусства, а сами эстетические ценности порождаются сверхъестественными силами. По формулировке Николая Бердяева, «только мистический источник санкционирует, как красоту, так и добро»¹. С другой стороны, отмечались противоречия между воздействием на художественное творчество религии и собственно эстетического начала. Но сами эти противоречия представлялись по-разному.

Вот мнения двух современных авторов, стремящихся решить проблемы отношения искусства и религии с позиций материализма и атеизма. Как полагает К. К. Платонов, «в творчестве религиозных мастеров искусства всегда сложно переплетались

¹ Николай Бердяев. Новое религиозное сознание и общественность. СПб., 1907, стр. XXVII.

и религиозная психология и психология искусства. Но в том и в другом случае корни искусства были в земном. При этом одним, как Боттичелли, религия мешала, другим — как Рафаэлю, она не мешала, а третьим — как Рублеву — даже помогала»². По взглядам Е. Г. Яковлева, в переплетении религиозного мироощущения и обрядовых действий с психологией эстетического восприятия мира и художественного творчества «возникает **иллюзия** (выделено мною — Л. С.) единства и гармонии эстетического и религиозного психологических состояний»³. Подводя итог своему рассмотрению взаимоотношения религии и искусства в эксплуататорском обществе, автор пишет: «Таким образом, если в рабовладельческом обществе противники как бы расставляли свои силы, то в феодальном они вступили в яростную и непримиримую схватку, в которой религия, несмотря на всю мощь находившихся в ее распоряжении средств, не смогла сломить искусство и эстетическое сознание народа»⁴. Что же касается последующего периода истории искусства, то «каждый значительный художник нового времени значителен еще и потому, что он выступает против религиозной идеологии или церкви. Это становится одним из важнейших критериев его прогрессивности.»⁵

История художественной культуры показывает, что религию и искусство объединяет не только поле брани, на котором они, по мнению некоторых авторов, ведут непримиримую и непрестанную борьбу друг с другом, но и известная общность способов духовно-практического освоения мира в отличие от научного познания. По словам К. Маркса, «мыслящая голова» «осваивает мир исключительно ей присущим образом — образом, отличающимся от художественного, религиозного, практически-духовного освоения этого мира»⁶. Если в научном освоении мира **оценочный** момент имеет, очевидно, подчиненное значение, то в религиозном и художественно-эстетическом, как и в нравственно-моральном, мировосприятии он выдвигается на первый план. Отсюда и общность в психологической структуре религиозного и эстетического переживаний — исключительная роль эмоций и фантастических представлений их объективирующих.

Поскольку и эстетическое, и религиозное отношение человека к миру являются **ценностными** по своей природе, **аксиологический, теоретико-ценностный** подход необходим для их научного постижения.

² Платонов К. К. Психология религии. М., 1967, стр. 64.

³ Яковлев Е. Г. Эстетическое сознание, искусство и религия. М., 1969, стр. 6.

⁴ Там же, стр. 122.

⁵ Там же, стр. 123.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12, стр. 728.

Разработка теории ценности в марксистской философии с начала 60-х годов оказала благотворное воздействие на эстетику. Правда, уже с середины 50-х годов в нашей эстетике как реакция на вульгарно-гносеологическое понимание искусства, возник, по сути дела, стихийно-аксиологический подход к изучению художественной деятельности и всей сферы эстетического освоения мира человеком (рассмотрение искусства в его эстетической значимости, разработка категорий, отражающих и закрепляющих эстетически-ценностное отношение, — прекрасного и возвышенного, трагического и комического). Однако, обсуждение аксиологической проблематики в философии и социологии сделало аксиологический подход в эстетике осознанным и привело к повышению уровня философско-теоретической культуры в эстетических исследованиях. Несмотря на все расхождения в понимании эстетического, для большинства исследователей стала очевидной важность применения в эстетике теоретико-ценностного подхода, без которого невозможно постигнуть сущность эстетического отношения человека к действительности.⁷

Аксиологический подход в эстетике особенно продуктивен при изучении ценностной природы эстетического отношения в сопоставлении его с другими, неценностными свойствами и отношениями, а также он позволяет на уровне категории «ценность» выявить специфические различия между эстетическим и другими видами ценностного отношения, в том числе, религиозного.

Соотношению эстетического сознания и, прежде всего, искусства, с одной стороны, и религии, с другой, посвящен ряд специальных работ.⁸ Помимо них существует обширная литература в которой рассматриваются конкретные проблемы исто-

⁷ Наиболее развернутое возражение против аксиологического подхода в эстетике и ценностной природы красоты приводит В. С. Корниенко. В связи с интересующей нас проблемой он пишет: «сама красота используется людьми не только как ценность или благо, но часто и во вред. Церковь, например, широко использует искусство как средство эмоционального воздействия на верующих, а предметы религиозного культа (одеяния, кресты, чаши, свечи и др.) отличаются, как правило, совершенством, яркостью, блеском и другими впечатляющими свойствами». Того же, кто не согласится считать вредными «Сикстинскую мадонну» или Казанский собор, должен убедить в неаучности «теории красоты как ценности» следующий пример: «Далее, красивая упаковка табачных изделий и эстетически привлекательный вид алкогольных напитков способствует их широкому внедрению в быт, что в конечном счете приносит вред людям» (В. С. Корниенко. О законах красоты. Харьков, 1970, стр. 183).

⁸ См., напр., Д. М. Угринович. Искусство и религия. М., 1963; К. Розеншильд. Музыкальное искусство и религия. М., 1964; Е. Г. Яковлев. Эстетическое сознание, искусство, религия. М., 1969; Л. Н. Столович. Эстетическое в действительности и в искусстве. М., 1959 (раздел «Эстетическое и религиозное отношение к действительности»).

рии отдельных видов искусства в связи с отношением их к религии и церкви, а также сущность и история религиозного сознания освещается в связи с художественной культурой. Однако аксиологический аспект соотношения религиозного и эстетического — взаимоотношение эстетических и религиозных ценностей — еще ждет внимания исследователей.

В предлагаемой вниманию читателя статье будет предпринята попытка рассмотреть соотношение эстетического и религиозного с теоретико-ценностной точки зрения.

Для того, чтобы определить взаимоотношение религиозного и эстетического сознания, нужно прежде всего охарактеризовать предметы этих видов сознания. Поскольку и тот, и другой вид сознания является **оценочным**, то предметом его отражения выступают **ценностные** свойства как явлений объективного мира, так и продуктов человеческого творчества. Вопрос о сущности ценностных свойств, или ценности⁹, является центральным в теории ценности. Различные аксиологические концепции отличаются друг от друга прежде всего в зависимости от того, как они решают этот вопрос. Поэтому, настаивая на необходимости аксиологического подхода для освещения интересующей нас проблемы взаимоотношения эстетических и религиозных ценностей, мы не можем не иметь в виду, что в рамках аксиологического **подхода** существуют различные **методы** теоретико-ценностного исследования, методы, основанные на материализме или идеализме, диалектике или метафизике.

Что же представляют собой так называемые «религиозные ценности»? Идеалистическая аксиология с самого начала своего возникновения выделяла класс религиозных ценностей, наряду с ценностями нравственными и эстетическими. Герман Лотце Священное, как Добро и Красоту, включал в мир ценностных определений.¹⁰ Генрих Риккерт религиозные ценности выделяет в одну из областей ценностей. Притом эти ценности

⁹ В аксиологической (так же, как и в связанной с ней логической, эстетической и этической) литературе нет единого мнения относительно объема понятия «ценность». По мнению одних, термин «ценность» охватывает «не только положительные и отрицательные ценности, но и нулевые» (А. А. Ивин. Основание логики оценок. М., 1970, стр. 13). Другие полагают, что, в отличие от оценок, которые могут быть как положительными, так и отрицательными, ценность «имеет только положительный знак» (В. П. Тугаринов. Теория ценности в марксизме. Л., 1968, стр. 13). Эта полемика, нам представляется, носит чисто терминологический характер. Отдавая дань языковой традиции, мы понятие «ценность» будем употреблять как выражение **положительного** значения того или иного явления, предмета. Предмет или явление, имеющее отрицательное значение в границах ценностного отношения, мы, как и некоторые другие авторы (см., напр., С. Ф. Анисимов. Ценности реальные и мнимые. М., 1970, стр. 18—19), будем называть «антиценностью».

¹⁰ См. Hermann Lotze. Mikrokosmos. Ideen zur Naturgeschichte und Geschichte der Menschheit. Versuch einer Anthropologie, Bid. 3. Leipzig, 1864, S. 457.

делятся им на мистические, находящиеся в одном ряду с логическими и эстетическими как ценностями, охватывающими «собой всю фактически имеющуюся налицо созерцательную, безличную и асоциальную жизнь»¹¹, и на ценности, в которых выражено «личное приобщение Трансцендентному и Вечному Лицу, любимому нами и, как мы верим, любящему нас». По мнению Г. Риккерта, «эта религия поддерживает и укрепляет жизнь в настоящем и будущем, сообщая ей ценность, которую ее собственная частичная сила ей не в состоянии дать»¹². Буржуазная социология от Дюркгейма до современных ее представителей большое значение придает религиозным ценностям как регуляторам социального поведения людей.¹³ Однако даже в том случае, если аксиолог или социолог не придерживается религиозно-мистической интерпретации природы ценности, религиозные ценности рассматриваются в одном ряду с моральными как позитивный фактор функционирования общества, а их социально-классовое содержание затушевывается.

Сам факт существования объектов ценностного отношения, имеющих религиозное значение, не может вызвать сомнения, хотя интерпретация этого факта не является однозначной. Вслед за О. Дробницким, понятием «религиозные ценности» мы будем определять «предметы религиозного поклонения»¹⁴. Что же представляют собой религиозные ценности, какова их социально-историческая сущность, структура и функция, соотношение с другими ценностями — все это требует обстоятельного теоретического изучения. На наш взгляд, теоретико-ценностный подход к религии дает возможность глубже раскрыть ее социальные корни и функции, выявить ее взаимоотношение с другими формами общественного сознания, в частности и в особенности, с искусством.

Ценности представляют собой не просто предметы, явления, а их **объективное значение** для человека и общества, значения, образующиеся в процессе общественно-исторической практики. Мы рассматриваем ценности в качестве объективных не потому, что они существуют вне отношения к человеку и обществу (таким образом их трактует объективно-идеалистическая аксиология), но именно потому, что они выражают объективные значения предметов и явлений для общественного

¹¹ Г. Риккерт. О системе ценностей. — «Логос», т. I, вып. 1, СПб. и М., 1914, стр. 61.

¹² Там же, стр. 72.

¹³ См. статьи Уильяма Л. Колба «Изменение значения понятия ценностей в современной социологической теории» и Говарда Беккера «Современная теория священного и светского и ее развитие» в кн. «Современная социологическая теория и ее преемственности и изменениях», М., 1961.

¹⁴ Философская энциклопедия. Т. 5, М., 1970, стр. 462.

человека и человеческого общества.¹⁵ Наряду с **объективным значением**, образующимся в процессе общественно-исторической практики, ценность обладает также значением субъективным, придаваемым объекту ценностного отношения самим субъектом, — значением, которое А. Н. Леонтьев называет «личностным смыслом».¹⁶

Субъективное значение ценности в той или иной степени соответствующее или несоответствующее ее объективному значению проявляется в оценочной деятельности субъекта, в **оценке**, через которую осваивается ценность.

Религиозные ценности как объекты религиозного сознания и регуляторы соответствующего поведения, как и любые другие ценности, имеют практическое происхождение. В «Тезисах о Фейербахе» отмечается, что «все мистерии, которые уводят теорию в мистицизм, находят свое рациональное разрешение в человеческой практике и в понимании этой практики»^{16а}. Однако непосредственным предметом религиозного поклонения является то, что причастно миру человеческого воображения, которому приписывается сверхъестественное значение.

В любой ценности может быть несоответствие между ее объективным и субъективным значением. В религиозной же ценности этого несоответствия не может не быть. Для верующего религиозной ценностью обладает тот предмет, в котором выражено, по его убеждению, божественное начало. Реально этот предмет имеет другое значение: он включен в такую систему общественных отношений, которая и порождает представление о сверхъестественном. По словам К. Маркса, «то обстоятельство, что земная основа отделяет себя от самой себя и переносит себя в облака как некое самостоятельное царство, может быть объяснено только саморазорванностью и самопротиворечивостью этой земной основы»¹⁷. Механизм образования из саморазорванности и самопротиворечивости земной основы туманных областей религиозного мира, где «продукты человеческого мозга представляются самостоятельными существами, одаренными собственной жизнью, стоящими в определенном отношении с людьми и друг с другом»¹⁸, автор «Капитала» блестяще показал, раскрыв тайну товарного фетишизма.

¹⁵ Обоснование такого понимания объективности ценности и ее критерия автор настоящей статьи стремился дать в книге «Природа эстетической ценности». М., 1972, стр. 35—92.

¹⁶ В статье «Деятельность и сознание» А. Н. Леонтьев совершенно правильно настаивает на необходимости для психологии различать «объективное значение какого-либо явления и его значение для субъекта» — «личностный смысл» («Вопросы философии», 1972, № 12, стр. 137). Не меньшая важность такого различения и с точки зрения аксиологии.

^{16а} К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 3.

¹⁷ Там же, стр. 2.

¹⁸ Там же, т. 23, стр. 82.

Несоответствие между субъективным и объективным значением религиозных ценностей проявляется также в том, что для верующего остается скрытым действительная социальная роль этих ценностей, имеющих немаловажные регулирующие, организационные, коммуникативные и компенсационные функции. Явления, связанные с религией, очевидно, обладают ценностью для тех, кто им поклоняется. **Субъективно-ценностное** значение их неоспоримо. Однако, вправе ли мы говорить об их **объективно-ценностном** значении, т. е. значении для процесса исторического развития общества?

Нам представляется, что теоретико-ценностный подход к характеристике любых явлений не должен быть внеисторическим. И то обстоятельство, что религия имеет социально-классовые корни, не только не исключает, но предполагает анализ ценностного значения явлений, включенных в религиозную сферу в тот или иной исторический период. Исследователи отмечают, что религиозные ценности в различных эпохах и общественных ситуациях оказывали подчас противоположное воздействие на ценностные ориентации людей и через них — на ход общественной жизни. Как отмечает Д. М. Угринович, «воздействие системы религиозных ценностей на личность не всегда носит однозначный характер»: в одних условиях «религиозная система ценностных ориентаций означает практически для верующего отказ от социальной активности, пренебрежение всеми реальными, земными проблемами»¹⁹, с другой стороны, «история знает немало примеров, когда религия не препятствовала, а, напротив, способствовала возбуждению социальной активности людей, их вмешательству в общественную жизнь с целью ее перестройки. Таковы, например, некоторые средневековые ереси, движение Томаса Мюнцера и анабаптистов в годы Великой крестьянской войны в Германии, наконец, кальвинизм в эпоху английской буржуазной революции XVII века... Ценности, связанные с верой в сверхъестественное, не противостояли «земным» ценностям, как нечто взаимоисключающее»²⁰.

Возможность противоположного значения религиозных ценностей коренится в сущности религии, представляющей собой, по словам К. Маркса, «*священный образ человеческого самоотчуждения*»²¹. Религиозное отчуждение человека — отражение и выражение реального отчуждения, подавленности человека силами природы и стихийным развитием общественных отношений. С психологической точки зрения религиозные ценности вызываются к жизни потребностью снять психическое напряжение, порожденное саморазорванностью и самопроти-

¹⁹ Д. М. Угринович. Психология религии. М., 1969, стр. 26.

²⁰ Там же, стр. 27—28.

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 415.

воречивостью земной основы. Но это напряжение снимается иллюзорно — заменой реального отчуждения духовным, так сказать, отчуждением отчуждения.

Характеристика религиозных явлений как человеческого самоотчуждения глубоко раскрывает противоречивую природу религиозных ценностей, противоречивость, которая, как отмечалось выше, существует между субъективным и объективным значениями этих ценностей, а также противоречивость, проявляющуюся в возможности диаметрально противоположных по своей направленности объективных значений. Обратимся к классической характеристике религиозного сознания, данной К. Марксом во Введении «К критике гегелевской философии права»: «*Религиозное* убожество есть в одно и то же время *выражение* действительного убожества и *протест* против этого действительного убожества. Религия — это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, подобно тому, как она — дух бездушных порядков. Религия есть *опиум* народа»²². В религиозных ценностях, хотя и в форме отчуждения, выражено *человеческое* содержание. Ф. Энгельс отмечал, что «только *человеческое* происхождение содержания всех религий дает им еще кое-где хоть какое-то право на уважение; лишь сознание, что даже самое дикое суеверие все же в основе своей отражает вечные свойства человеческой сущности, хотя бы и в такой изуродованной и искаженной форме, — только это сознание спасает историю религии, и особенно в период средневековья, от полного ее отрицания и *вечного* забвения, иначе, конечно, такая судьба постигла бы эту «богопреисполненную» историю»²³. Включение в религиозные ценности человеческого содержания, хотя и в отчужденной форме, является гносеологическим основанием того, что у верующего возникают положительные эмоции при освоении этих ценностей, хотя действительные истоки такого эмоционального состояния ему неизвестны.

Конечно, противоречие религиозных ценностей между человеческим началом и его отчуждением развивается по-разному в различных исторических ситуациях. В одних обстоятельствах в религиозных ценностях преобладает **отчуждение** человеческого и они становятся псевдоценностями, т. е. ценностными регуляторами таких систем общности людей, которые мешают общественному развитию, проявлению человеческих творческих сил и способностей. Наряду с этим, в иных социально-исторических условиях в религиозных ценностях человеческое содержание прорывается через отчуждение, **протест** против действительного убожества преобладает над **выражением** этого убожества. И тогда возникает возможность взаимодействия таких

²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 415.

²³ Там же, стр. 593.

ценностей, с подлинными нравственными и эстетическими ценностями.

В истории культуры религиозные ценности подчас объединяются с ценностями эстетическими и художественными. Это было возможно, в принципе, потому, что существует известное единство структур и функций различных видов ценностных отношений. Одно и то же явление может быть включено как в эстетическую, так и в религиозную сферу и быть носителем как эстетической, так и религиозной ценности, в зависимости от того, какими объективными и субъективными значениями оно обладает. Солнце или луна, дерево или река могут быть и объектами религиозного поклонения, и также источниками эстетической радости. Владимирская богоматерь или Кельнский собор способны пробуждать и эстетическое, и религиозное чувства.

Но дело не только в многозначности и полифункциональности предметов, выступающих как объекты и эстетического, и религиозного отношений. Исследователи справедливо отмечают однопорядковость такой функции, свойственной как религии, так и искусству, как компенсационной.²⁴ Более того, К. К. Платонов не без основания «само эстетическое чувство — чувство прекрасного» рассматривает как «психологический корень, общий для религии и искусства»²⁵. М. С. Каган считает, что «не религия породила искусство, а, напротив, религиозное сознание, религиозные обряды возникли на основе, и в процессе художественно-образного освоения человеком мира»²⁶.

Поскольку в религиозных ценностях, хотя и в превратной форме отчуждения, выражено человеческое содержание, делающее эти ценности «душой бессердечного мира», мы вправе говорить об эстетических корнях религиозных ценностей, подобно тому, как религиозное сознание обладает гносеологическими корнями. Достоинно внимания то, что В. И. Ленин положение А. В. Луначарского об «обоожествлении высших человеческих потенций» определил как идеалистическую мысль, выраженную «преимущественно с точки зрения эстетической»²⁷. Идеализм связан был здесь с **обоожествлением** высших человеческих потенций. Эстетическое же начало заключалось в том, что обоожествлялись высшие **человеческие** потенции. Точно так же, как через религиозное сознание проявлялось моральное сознание различных социальных слоев общества, эстетические ценности

²⁴ См. А. Ф. Еремеев. Лекции по марксистско-ленинской эстетике. Часть II и III. Социально-коммуникативная природа искусства. Свердловск, 1971, стр. 89—92 и стр. 246.

²⁵ К. К. Платонов. Психология религии, стр. 58.

²⁶ М. С. Каган. Лекции по марксистско-ленинской эстетике. Л., 1971, стр. 251.

²⁷ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 18, стр. 367.

могли выступать в религиозном ореоле. Именно потому, что религиозные ценности имеют эстетические корни, религия нуждается в искусстве, художественной демонстрации своих эстетических потенций. Если художественное развитие человечества возможно без религиозного освящения, то религия никогда не существовала без поставленной в ее услужение художественной деятельности.

Существование в религиозных ценностях эстетических корней объясняет возможность переплетения религиозного и эстетического сознания, религии и искусства, но отнюдь не говорит о тождественности этих видов ценностного отношения. Но и без выявления их диалектического единства не представляется возможным научное раскрытие и весьма существенных противоречий. Человеческое начало присутствует и в религиозных, и в эстетических ценностях. Однако не будем забывать, что оно присутствует диаметрально противоположным образом. В первых оно **отчуждается**, во вторых — **утверждается**. Эстетические ценности выражают в предметной форме утверждение человека в мире, свободное развитие и развитие свободы человека и общества. Художественные ценности — это эстетические ценности, сознательно созданные человеком «по законам красоты», отражающие объективную реальность и выражающие к ней эстетическое отношение. Поэтому освоение эстетических и художественных ценностей предполагает участие высших человеческих потенций — чувственных восприятий, эмоций, интеллекта, воли, воображения, — сливающихся в гармоническом единстве и доставляющих наслаждение самим своим проявлением. Эстетическое переживание дает человеку ощущение свободы и своих творческих возможностей, ощущение «счастья быть человеком» (Г. Успенский. Собр. соч., т. 7, М., 1957, стр. 253.)²⁸

Религиозное мироотношение носит иной характер. Предоставим слово представителю богословия: «Религиозное чувство, подобно тому как и эстетическое, не остается равнодушным к прекрасному в природе, к высокому в проявлениях и обнаружениях человеческого духа, но оно возбуждается в нас не самым созерцанием прекрасного и высокого, но высшею идеею, представлением о бесконечной творческой причине всего прекрасного и выражается в благоговении не перед самою красотой, но перед бесконечным величием творца».²⁹

Было бы неверно полагать, что между красотой, с одной стороны, и «бесконечным величием творца», с другой, сущест-

²⁸ Такое понимание эстетических ценностей и их освоение обосновывается автором этих строк в книге «Природа эстетической ценности» М., 1972.

²⁹ Н. П. Рождественский. Христианская апологетика. Том 1, СПб., 1884, стр. 165.

вуют идиллические отношения. В теологической эстетике Средневековья земная, телесная красота не только объявлялась низшей, но сам ее источник усматривался не в боге, а в дьявольском наваждении. Но даже и тогда, когда бог рассматривается как «бесконечная творческая причина всего прекрасного», отношение к богу в принципе иное, чем отношение к красоте. В красоте концентрируется все человеческое. В боге человеческое экзопropriируется, превращаясь в сверхчеловеческое, а порой и в античеловеческое. По выражению В. И. Ленина «идея бога *всегда* усыпляла и притупляла «социальные чувства», подменяя живое мертвечиной, будучи *всегда* идеей рабства (худшего, безысходного рабства)»³⁰. Если в восприятии красоты человек приобщается к своей подлинной сущности, ощущает, в той или иной степени осознанно, свои творческие потенции и свободу, то в религиозном отношении в качестве высшей ценности рассматривается нечто противоположное. Религиозный философ Б. Вышеславцев правильно противопоставляет свободу произволу, но для него «творческая свобода» означает следование за Христом, говорящим: «Без Меня не можете творить ничего»³¹.

Конечно, было бы упрощением считать, что верующий человек лишен эстетических чувств. Религиозное и эстетическое отношение могут даже «не пересекаться» при восприятии тех или других явлений. Но там, где они пересекаются их противоположность обнаруживается достаточно явно.

В тех случаях, когда объектом восприятия выступает предмет, обладающий одновременно и эстетическим и религиозным значением, восприятие его религиозным сознанием и освоение эстетическим сознанием осуществляется различным, а порой, и противоположным образом. Для каждого из этих видов сознания даже у одного и того же явления существуют свои «личностные смыслы», соответствующие разным видам объективных значений этого явления: человеческого для эстетического и сверхчеловеческого для религиозного сознания. Вот характеристика творчества Рубенса с точки зрения искусствоведо-богослова: «Рубенс написал очень много картин религиозного характера. Говорят, что Рубенс, за что бы он ни взялся, все превращал в блестящее золото; однако по отношению к картинам религиозным этого сказать нельзя. Рубенс — реалист; у него нет того духовно-мистического настроения, которое видим у испанских и итальянских художников, а потому с этой стороны он стоит гораздо ниже их. Его религиозное искусство имеет театральный характер; оно слишком близко к

³⁰ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 48, стр. 232.

³¹ См. Б. Вышеславцев. Сердце в христианской и индийской мистике. Париж, 1920, стр. 76—77.

земле, материально»³². Еще более достается Рембрандту — «мрачному и строптивому республиканцу»: «Во многих картинах Рембрандта заметно вульгарное понимание форм, как напр., на картине галлерей Эстергази в Вене, где Спаситель представлен в рост, обнаженным, стоящим перед Пилатом: это не более как этюд с невзрачной голландской натуры. Такой же этюд натуры, лишенный всякой идеализации, представляет его Мюнхенская картина (в пинакотеке) «Святое семейство»»³³. Вспомним, что К. Маркс также отмечал: «Рембрандт писал мадонну в виде нидерландской крестьянки»³⁴, но эстетическое сознание никогда не будет ставить это обстоятельство в упрек художнику. Скорее наоборот.

Эти гордые лбы винчианских мадонн
Я встречал не однажды у русских крестьянок...»
(Дм. Кедрин)³⁵.

Для религиозного и эстетического сознания по-разному существует и икона, соединяющая в себе значения произведения искусства и культового поклонения. «Набожный созерцатель иконы пронизан переживанием **сверхъестественной действительности**, которая раскрывается перед ним. Сознание своей человеческой ничтожности пробуждает в нем потребность стать великим через бога; свое беспокойство погружает он в святой, только божественно деятельный покой вечности; свою темноту гонит он светом небесного просветления», — пишет теолог.³⁶ А вот свидетельство восприятия иконной живописи человеком, которого нельзя даже заподозрить в какой бы то ни было религиозности. Н. Виноградов-Мамонт рассказывает, как в марте 1918 г. В. И. Ленин посетил Успенский собор в Кремле: «Я взглянул на Владимира Ильича. Он был бледен. Я не подозревал, что живопись, да еще древняя, иконописанная так глубоко взволнует его. Он сказал: — Что запечатлено на стенах? **Жизнь народа**. Труд, страдания, жертвы, отвага, ум и подвиг народа. Кто запечатлел? Русские мужики. В лохмотьях, в лаптях, в мокрых тряпках на посиневших замерзших ногах. Наш народ достоин лучшей участи. Мы обязаны вырвать его из нищеты и неисчислимых бедствий. Трудно? Да. Но я верю в великое будущее нашего народа».³⁷

³² Н. В. Покровский. Церковная археология в связи с историей христианского искусства. Петроград, 1916, стр. 137.

³³ Там же, стр. 138.

³⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. I, стр. 73.

³⁵ Дмитрий Кедрин. Стихотворения и поэмы. М., 1959, стр. 78.

³⁶ Georg Wunderle. Um die Seele der heiligen Ikonen. Eine religions-psychologische Betrachtung. Würzburg, 1937, S. 43.

³⁷ Н. Виноградов-Мамонт. Кремль. — «Литературная Россия» 22 января 1965 г., № 4 (108), стр. 13.

На полюсах эстетического и религиозного мироощущений их диаметрально противоположность очевидна. Но нельзя забывать, что сами эти виды мироощущений находились в процессе исторического движения. Изменялись и не могли не изменяться значения, определяющие эстетические и религиозные ценности. В. И. Ленин, давая приведенную выше характеристику идее бога, как «явно реакционной», в то же время отмечал: «Было время в истории, когда несмотря на такое происхождение и такое действительное значение идеи бога, борьба демократии и пролетариата шла в форме борьбы *одной религиозной идеи* против другой». И далее: «Одно дело — идея бога у дикаря зырянина и т. п. (полудикаря тоже), другое — Струве и К^о»³⁸. Поэтому и взаимоотношение религии и искусства нельзя трактовать однозначно, вне исторического подхода, не учитывая эстетических корней тех или иных религиозных ценностей. Религиозное начало, включаясь в произведение искусства, может оказать отрицательное или положительное воздействие на его художественную ценность в зависимости от того, доминирует ли в этом начале **«выражение»** действительного убожества или же **«протест»** против этого убожества, **отчуждение** человеческого или же **человеческое**, выражающееся через отчуждение.

Аксиологический подход к взаимоотношению эстетических и религиозных ценностей позволяет выявить ряд важных структурных и функциональных различий между ними.

Религиозные ценности являются регуляторами поведения и обладают значимостью для локально-ограниченных общностей людей, исповедующих ту или другую религию. Поэтому история религии и церкви полна примеров того, как подвергаются преследованию и прямому уничтожению художественные ценности, не связанные с **данными** религиозными ценностями. Не случайно гибли произведения античного искусства. И то, что впоследствии некоторые из них попали даже в художественные собрания Ватикана, не говорит о большей терпимости христианства к языческому искусству, но показывает сужение сферы некогда безраздельного господства теологического мировоззрения, теснимого даже в сознании некоторых пап, эстетическим мироотношением. Раскол христианства, как и других религий, вызвал раскол и религиозных ценностей, и фанатичная нетерпимость сторонников одной церкви или секты к другой проявлялась не в последнюю очередь в запретах, гонениях, уничтожении произведений искусства, так или иначе связанного с неприемлемыми религиозными ценностями или же носящего светский, тем более антиклерикальный характер.

Выше мы стремились определить различие **значений** эстетических и религиозных ценностей. Но эти ценности отличны друг

³⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 232.

от друга и по **выражению** своих значений, по своей структуре. Хотя, конечно, далеко не всегда «личностный смысл» эстетических ценностей совпадает с их объективным значением, однако между ними существует несомненное соответствие. Если в объективном значении выражено реальное утверждение человека в действительности, то в субъективном значении — духовное. Что же касается религиозных ценностей, то их объективные и субъективные значения резко противостоят друг другу. Если их «личностный смысл» может вызывать в верующем человеке положительные эмоции, то в своем объективном значении эти ценности выражают отчуждение человека и превратность общественных отношений.

Имеется существенное различие и в предметном воплощении рассматриваемых видов ценностей. Эстетические ценности не мыслимы без конкретно-чувственного проявления. Эстетическая ценность, выражая утверждение человека и возможность его свободного развития, многозначна. Неповторимые комплексы значений объективируются в неповторимом своеобразии явлений, их чувственной фактуры. Объективное значение религиозной ценности тоже многозначно, но значение субъективное достаточно однолинейно: для верующего явление обладает ценностью, лишь поскольку оно соотносится со сверхъестественной силой, с божественным началом. Реально-чувственное не имеет поэтому самоценного значения. И более того, для религиозного мироотношения характерно даже аскетическое отношение к чувственной реальности. В Новом Завете написано: «Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей; Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира (сего)» (Первое соборное послание Св. апостола Иоанна Богослова, гл. 2, стих 15—16). Конечно, имеются различия между различными религиями, церквями, сектами в отношении к чувственно-конкретному воплощению религиозных ценностей. Одни течения более аскетичны, другие — менее. Но и в тех случаях, когда, например, в католичестве или православии, сам процесс богослужения искусно использует «похоть очей», природа религиозных ценностей не меняется. Их абстрактная чувственность и однолинейный символизм компенсируется ценностями эстетическими для более эффективного воздействия на духовный мир человека. И это подтверждается тем, что сами церкви вынуждены время от времени менять существующие предписания и каноны для впускаемого в храм искусства, в том числе для архитектуры самих храмов.

Любое ценностное отношение является полярным. В аксиологической литературе существуют различные мнения по поводу того, как называть объекты положительного и, в особенности, отрицательного ценностного отношения, но никто не выра-

жает сомнения по поводу того, что этот объект обладает диаметрально противоположными значениями. Объекты религиозного и эстетического отношений различаются по характеру своей ценностной полярности. Религиозная ценность и антиценность далеко не всегда совпадают с полюсами объекта эстетического сознания. Основную эстетическую ценность — прекрасное — теология определяла то как божественную по своей природе, то как дьявольское наваждение. С другой стороны, для поэта, ставящего вопрос:

Скажи, откуда ты приходишь, Красота?
Твой взор — лазурь небес иль порождение ада?
Ты бог иль Сатана? Ты Ангел иль Сирена?

ответ представляется следующим образом:

Не все ль равно: лишь ты, царица Красота,
Освобождаешь мир от тягостного плена,
Шлешь благовония и звуки и цвета!³⁹

Для религиозного сознания его объект обладает ярко и четко выраженной полярностью: Бог — Дьявол, Христос — Антихрист, Ангел — черт, святой — поганый, праведник — грешник и т. д. Полярно и эстетическое отношение, его объект имеет положительное или отрицательное значение, представляет собой ценность или антиценность: прекрасное — безобразное, возвышенное — низменное. Но поляризация в эстетической сфере проявляется более сложно, чем в религиозной. Образы, создаваемые искусством, далеко не всегда возможно разделить на агнцев и козлищ. Такие эстетические категории, как трагическое и комическое выражают подчас сложное переплетение ценностей и антиценностей, возникают как бы в поле напряжения между этими ценностными полюсами. Трагическое в определенной интерпретации еще может включаться в религиозные ценности, хотя именно эта интерпретация снимает порой подлинный трагизм.⁴⁰ На самом деле, о каком подлинном трагизме может идти речь, если сама смерть открывает райские врата. Адские же мучения с точки зрения религиозной ортодоксии являются справедливыми возмездиями за грехи, и, следовательно, не представляются трагическими. Только сила искусства, раскрывающего человеческое в божественном, способна была наполнить религиозные сюжеты действительно трагическим содержанием.

³⁹ Шарль Бодлер. Гимн Красоте. В сб.: Цветы зла. М., 1970, стр. 40—41.

⁴⁰ Тонкие наблюдения над деформацией трагического под влиянием религиозного мировосприятия содержатся в книге Ю. Борева «О трагическом». М., 1961, стр. 37—38, 64—67, 70.

Давно было замечено, что религия способна использовать все человеческие чувства, кроме юмора. Комическое же по самой своей сути противостоит религиозности. По блестящей формулировке А. И. Герцена, «заставить улыбнуться над богом Аписом значит расстричь его из священного сана в простые быки»⁴¹.

Различия в полярности ценностных объектов религиозного и эстетического отношений объясняет сковывающее воздействие на искусство церковной догматики и религиозной регламентации художественной деятельности.

Признание существования эстетических корней религиозных ценностей не означает какое бы то ни было приукрашивание религии, подобно тому, как выявление ее гносеологических корней отнюдь не предполагает утверждения познавательного значения религиозных представлений. Но точно также, как эти представления извращают познавательные способности человека, в религиозных ценностях эстетическое начало проявляется в превратном виде, а религиозное мироотношение в определенном смысле есть извращение эстетического. Без учета же эстетических корней религиозных ценностей не может быть действительной борьба с религиозным мировоззрением и, в особенности, мироощущением. М. И. Калинин рассказывал на 5-м съезде работников искусства (25 мая 1925 года) о своем разговоре с В. И. Лениным о взаимоотношении религии и театра: «Владимир Ильич мыслил так, что пожалуй, кроме театра нет ни одного института, ни одного органа, которым мы могли бы заменить религию. Ведь мало религию уничтожить и тем освободить человечество от страшнейших пут религиозности, надо религию эту чем-нибудь заменить, и тов. Ленин говорит, что место религии займует театр»⁴². Именно потому, что религия в своем воздействии на людей искусно использовала их эстетические потребности⁴³, она может быть заменена театром как синтетическим видом художественной деятельности и той театральностью, которая содержится в эстетически-значимых безрелигиозных обычаях и обрядах.

Замена искусством религии, о котором говорил В. И. Ленин, диаметрально противоположна каким бы то ни было попыткам превратить искусство в инобытие религии. На V Международном конгрессе по эстетике Леопольд Флам (Бельгия) выступил с докладом, основной тезис которого заключен в его названии:

⁴¹ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 13, М., 1958, стр. 190.

⁴² М. И. Калинин. Воспоминания о Ленине. М., 1934, стр. 49.

⁴³ Интересно отметить, что религия в борьбе с театром использовала театральные начала в своих целях. «Весьма примечательно, что еще в то время, когда церковь вела активную борьбу против скоморохов и их «игрищ», она одновременно начала вводить драматические элементы в богослужение». — М. И. Чудновцев. Церковь и театр. М., 1970, стр. 7.

«Искусство — религия современного человека»⁴⁴. Подобного рода концепции эстетического богоискательства исходят из утверждения религиозных корней эстетических ценностей. Но не эстетические ценности обладают религиозными корнями, а ценности религиозные имеют эстетические корни. Религия не может существовать без эстетического дополнения. Цепи должны быть покрыты цветами, хотя бы фальшивыми. И преодоление религии невозможно без всемерного удовлетворения и развития эстетических потребностей людей. Эта мысль была выражена в первых документах марксистской критики религии: «Критика сбросила с цепей украшавшие их фальшивые цветы — не для того, чтобы человечество продолжало носить эти цепи в их форме, лишенной всякой радости и всякого наслаждения, а для того, чтобы оно сбросило цепи и протянуло руку за живым цветком»⁴⁵.

Поступила в редакцию 10 октября 1974 г.

⁴⁴ Léopold Flam. L'art — religion de l'homme moderne. — «Actes du Cinquième Congrès International d'Esthétique. Amsterdam. 1964, La Haye — Paris, 1968, p. 812.

⁴⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 415.

ПРОБЛЕМА РЕВОЛЮЦИИ В РАННИХ РАБОТАХ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА (1840—1844 гг.)

Р. Н. Блюм

Нет нужды доказывать, что в марксизме проблемы революции играют определяющую роль. Эта роль вытекает не только из огромного значения революционных периодов в истории человечества, но и из самой сущности философии марксизма, основной чертой которой является активность, деятельность, революционная критичность, ориентация на радикальное преобразование окружающего мира. Отсюда прямо вытекает центральная задача философско-социологического учения Маркса — разработать научную теорию борьбы за революционное изменение общества, теорию революционной практики, ибо «философы лишь различным образом **объясняли** мир, но дело заключается в том, чтобы **изменить** его».

Мимо вопроса о создании марксистской теории революции не прошел, пожалуй, ни один исследователь, занимающийся изучением как процесса формирования марксизма в целом, так и отдельных его частей и сторон. Поэтому нам нет необходимости подробно останавливаться на деталях процесса складывания революционных взглядов Маркса и Энгельса. Они достаточно обстоятельно и всесторонне выяснены в работах марксистов-исследователей.¹ Хотя нельзя при этом не отметить, что

¹ Ф. Меринг. Карл Маркс. История его жизни. М., 1957; Д. Рязанов. Очерки по истории марксизма. М.—Л., 1928; М. В. Серебряков. Фридрих Энгельс в молодости. ЛГУ, 1958; Г. Менде. Путь Карла Маркса от революционного демократа к материалисту. М., 1957; Е. П. Кандель. Из истории борьбы Маркса и Энгельса с «истинным социализмом». Сб. «Из истории формирования и развития марксизма». М., 1959; О. Корню. К. Маркс и Ф. Энгельс. Жизнь и деятельность. Т. 1, М., 1959, т. 2, М., 1962, т. 3, М., 1968; Т. И. Ойзерман, Формирование философии марксизма. М., 1962; Л. Н. Пажитнов. У истоков революционного переворота в философии. М., 1960; Ю. Н. Давыдов. Труд и свобода. М., 1962; В. В. Кешелава. Миф о двух Марксах. М., 1963; Н. И. Лапин. Молодой Маркс. М., 1968; Карл Маркс. Биография. М., 1968; Фридрих Энгельс. Биография. М., 1970; Б. А. Чагин. Создание и развитие К. Марксом и Ф. Энгельсом теории научного коммунизма. Л., 1970; Г. А. Багатурия. Контуры грядущего. М., 1972. H. Ullrich. Der junge Engels. Bd. 1, Berlin, 1961, Bd. 2, Berlin, 1966.

работ, посвященных специально формированию теории революции, не так уже много.²

Задача предлагаемой читателю статьи состоит в выявлении отношения основоположников научного социализма к существовавшим в сороковых годах XIX столетия концепциям революционного процесса (политической и социальной концепциям революции) и в анализе основных положений **новой теории революции**, как теории, созданной в результате **диалектического преодоления односторонностей этих концепций**. Подробная характеристика названных концепций была сделана нами в статье «О понятиях «политическая» и «социальная» революция»,³ непосредственным продолжением которой и является данная работа.

Эволюция революционных идей Маркса и Энгельса неразрывно связана с формированием их философско-социологической теории, в первую очередь, с созданием материалистического понимания истории. Каждый этап в сложном, наполненном непрерывными исканиями, пути к созданию диалектико-материалистической философии и научного коммунизма был в то же время этапом развития новой теории революции.

Уже в студенческие годы проявился свойственный Марксу критицизм. Неудовлетворенность существующим общественным порядком, горячее желание его изменить, непринятие разного рода светских и религиозных богов характерны уже для первых шагов его творческой деятельности. Революционные настроения Маркса можно зафиксировать в первой его работе — диссертации (1840—41 гг.), где мы читаем: «Обыкновенные арфы звучат в любой руке; золотые арфы — лишь тогда, когда по их струнам ударяет буря. Не нужно приходить в смятение перед лицом этой бури, которая следует за великой, мировой философией».⁴ Революционное значение философии подчеркивается в книге Б. Бауэра «Трубный глас страшного суда над Гегелем, атеистом и Антихристом», в написании которой Маркс принимал самое деятельное участие: «Философия и в области поли-

² Можно указать на статью Т. И. Ойзермана, Проблема революции в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса периода формирования марксизма. «Уч. записки МГУ», вып. 169, Труды философского факультета, 1954. Работы западногерманских авторов носят либо поверхностный характер (D. Kramer. Reform und Revolution bei Marx und Engels. Köln, 1971.), либо грубо искажают действительный ход теоретического развития К. Маркса (H. J. Vagatin. Die Entwicklung der Revolutionstheorie bei Karl Marx bis zum «Jahre 1844». «Geschichte in Wissenschaft und Unterricht», Jg. 14, Hf. 6, Juni 1963»).

³ См. «Уч. зап. Тартуского ун-та», Вып. 324. Труды по философии XVII. 1974.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 196.

тики должна стать активной силой, решительно атаковать и расшатать существующий порядок, если он противоречит ее самосознанию».⁵ Н. И. Лапин, анализируя первую опубликованную статью Маркса «Дебаты о свободе печати...», указывает, что в ней он выступил уже как сложившийся революционный демократ.⁶

Очень рано сложились революционные убеждения и у Энгельса. В статье «Родина Зигфрида» (1840 г.) он воспевает бунтарский дух, активность, боевой пыл молодежи, у которой «бьется в груди еще не укрощенное условностями жизни сердце».⁷ Если в подцензурной печати Энгельс должен писать с известной осторожностью, то в письмах он, не стесняясь в выражениях, открыто высказывает ненависть к сильным мира сего. «От государя я жду чего-либо хорошего только тогда, когда у него гудит в голове от пощечин, которые он получил от народа, и когда стекла в его дворце выбиты революцией».⁸ М. В. Серебряков приходит к выводу, что уже в юности Энгельс «стремится к активной политической борьбе. Он тираноборец. В его сознании демократизм органически увязывается с революционным ниспровержением народом власти тиранов. Энгельс — революционный демократ».⁹

Изучение ранних работ Маркса показывает, что, по крайней мере, до середины 1843 г. он разделял (хотя далеко неортодоксально) основные положения политической концепции революции. Это доказывает, во-первых, несомненная ориентировка главным образом на собственно политические проблемы (государственная власть, демократия, политические свободы и т. п.), характерная для Маркса особенно в период работы в «Рейнской газете», во-вторых, рассмотрение революции, в первую очередь, как необходимого средства установления новой **государственной власти**¹⁰; она, собственно говоря, представляет собою право народа на установление нового **государственного строя**.¹¹ Нельзя забывать также, что в это время Маркс находился еще под влиянием гегелевских идей, в которых абсолю-

⁵ Б. Бауэр. Трубный глас страшного суда над Гегелем. М., 1933. стр. 83—84.

⁶ Н. И. Лапин. Молодой Маркс. М., 1968, стр. 69.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 41, стр. 115.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 338.

⁹ М. В. Серебряков. Фридрих Энгельс в молодости. Изд-во ЛГУ, 1958, стр. 58. Х. Ульрих указывает, что переход Энгельса на позиции революционного демократизма полностью завершился в период между ноябрем 1839 и мартом 1840 г. (H. Ullrich. Der junge Engels. Berlin, 1961, Bd. 1. S. 103, 104).

¹⁰ «Для установления **нового государственного строя** всегда требовалась настоящая революция». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 283.

¹¹ Там же, стр. 284.

тизация роли государства занимала центральное место.¹² Было бы неверным трактовать марксовскую революционную позицию как тривиальную позицию «политика». В его «политической» позиции содержались внутренние предпосылки разрыва с ней, и это потому, что Маркс был революционным демократом. А «революционный демократизм предполагает наличие политической программы, выражающей реальные материальные нужды широких трудящихся масс, высокую оценку их практической революционной борьбы».¹³ Отсюда уже в рукописи «Критика гегелевской философии права», знаменующей начало перехода Маркса к материализму и коммунизму, дается характеристика демократии как «разрешенной загадки всех форм государственного строя»,¹⁴ как такого устройства, где «политическое государство исчезает»,¹⁵ т. е. общественной форме, носящей уже не политический, а социальный характер.

Чрезвычайно важно для нашего анализа свидетельство Энгельса: «Уже осенью 1842 г. некоторые деятели партии пришли к выводу, что одних политических изменений недостаточно, и заявили, что только при **социальной** революции, основанной на коллективной собственности, установится общественный строй, отвечающий их абстрактным принципам. Но даже такие главари партии, как д-р Бруно Бауэр, д-р Фейербах, и д-р Руге, не были еще тогда подготовлены к этому решительному шагу... Однако коммунизм был столь **необходимым** следствием неогегельянской философии, что никакое противодействие не могло помешать его развитию, и в течение этого года первые его сторонники с удовлетворением отмечали, что республиканцы один за другим присоединялись к их рядам. Кроме д-ра Гесса, одного из редакторов ныне закрытой «Рейнской газеты», который фактически первым из этой партии стал коммунистом, теперь имеется уже большое число других, а именно: д-р Руге...; д-р Маркс...; Георг Гервег...»¹⁶

В словах молодого Энгельса обращает на себя внимание указание на связь «неогегельянской философии» с коммунизмом и социальной революцией. Проблема радикального изменения общества была остро поставлена в известной дискуссии конца

¹² «... средоточием всеобщих сущностных сил людей, воплощением их общественно развитой сущности Маркс все еще считал — исходя из Гегеля — именно государство, каково оно есть по своему понятию». История марксистской диалектики. М., 1971, стр. 126.

¹³ Т. И. Ойзерман. Формирование философии марксизма. М., 1962, стр. 96.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 252.

¹⁵ Там же, стр. 253. Поэтому далеки от истины утверждения, что Маркс в ранний период был буржуазно-либеральным демократом (Günter Nenning. Öffnung oder Untergang. Wien-F/M-Zürich, 1966, S. 16; David McLellan. The Young Hegelians and Karl Marx. London—Melbourne—Toronto, 1969, p. 23).

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 539—540.

30-х начала 40-х гг. XIX в. среди немецких младогегельянцев. «Своим требованием постоянного преобразования существующего посредством критики Бауэр вслед за Чешковским и Руге пролагал дорогу к революционной теории».¹⁷ Эта проблема имеет свое философское обоснование в противопоставлении самосознания субстанции. Как известно, противопоставление было результатом разложения гегелевской системы на составляющие ее и в ней совпадающие основные компоненты. Против субстанционального подхода к истории, исходящего из необходимости и закономерности общественного развития, выдвигался подход с позиции самосознания, исходящий из активности и творческой самодеятельности субъекта, критикующего и конструирующего действительность в соответствии со своим самосознанием, с принципом должного, активность, принимавшая очень часто абстрактный и оторванный от реальности характер. Попытка связать точку зрения самосознания с задачами социальной практики вела к убеждению в необходимости коренного преобразования окружающего мира, т. е. к концепции социальной революции. По такому пути пошли наиболее радикальные элементы из среды младогегельянцев, в том числе Маркс и Энгельс. С другой стороны, абстрактно понятая активность, замыкающаяся на сфере духа и оторванная от реальной жизни, неизбежно вела к отказу от действительной революции, к страху перед ней, к отрицанию любой «массовидной» деятельности, в том числе и политической, к уходу во внутренний мир критически мыслящей личности. Такой путь проделала основная группа младогегельянцев.¹⁸ Те из них, которые, подобно Максусу Штирнеру, провозгласили тотальный и бескомпромиссный разрыв самосознания с действительностью, смогли прийти лишь до проповеди индивидуалистического бунта.

Итак, есть прямая связь между философией самосознания (деятельности) в том виде, какой придало ей радикальное крыло младогегельянцев, и концепцией социальной революции. Философия деятельности в этом варианте не могла остаться на позициях политической революции, т. е. на позиции сохранения социально-экономического статус кво, на позициях революции, которая, в лучшем случае, могла бы обеспечить развитие **уже существующих** отношений и преобразовательная функция которой довольно ограничена. Неслучайно поэтому сторонники этой

¹⁷ О. Корню. К. Маркс и Ф. Энгельс. Жизнь и деятельность. т. 1, стр. 166.

¹⁸ Братья Бауэры, которые в начале 40-х гг. разделяли гегелевскую точку зрения на государство, с тем отличием, правда, что оно должно быть свободным народным государством, где «борьба между правительством и народом снимается». (Цит. по: G. Mayer. Die Anfänge des politischen Radikalismus im vormärzlichen Preußen. «Zeitschrift für Politik», Berlin, 1913, Bd. S. 63) в дальнейшем пришли к полному отрицанию государства и разрыву с политикой.

философии довольно решительно отвергали политическую революцию и заявляли себя адептами революции социальной.¹⁹ Именно социальная революция должна была обеспечить, во-первых, возможность коренного преобразования общества и создание строя, соответствующего целевым установкам и идеалам передовой части человечества. Во-вторых, в процессе социальной революции может быть раз навсегда преодолено отчуждение человека, между тем как политическая революция, уничтожая одни, создает иные формы отчуждения. Наконец, в-третьих, социальная революция есть процесс, в котором человек выступает как общественное, родовое существо, как участник массовой борьбы.

В таком понимании социальной революции имеется изрядная доля утопизма и идеализма. И вряд ли можно считать случайным, что большинство приверженцев философии деятельности избрали в дальнейшем либо путь идеалистических спекуляций (М. Гесс), либо анархический утопизм (М. Бакунин). Лишь Маркс и Энгельс, связывая философию деятельности с материализмом, с практической борьбой, с реальными социальными отношениями, сумели преодолеть ограниченность социальной концепции революции. Именно серьезное отношение молодого Маркса к революции и ее перспективам в Германии послужило важнейшим основанием для его разрыва с младогегельянцами.²⁰ Это в полной мере относится и к молодому Энгельсу.

Вернемся ко взглядам Маркса на революцию в крейцнахский период его жизни (май — октябрь 1843 г.) Итак, он разделял в это время в основных чертах политическую концеп-

¹⁹ Гесс, имея в виду французскую революцию, писал: «Ее свобода и равенство, ее абстрактные человеческие права были только другой формой рабства... Тираны сменились, тирания осталась» (Moses Hess. Philosophische und sozialistische Schriften (1837—1850). Berlin, 1961, S. 217.) Основываясь на этих уроках, он считал, что будущая революция должна иметь не политический, а социальный характер. Тем самым «он предупреждал будущие воззрения части младогегельянцев и прокладывал дорогу, которая должна была привести к гуманизму и коммунизму» (О. Корню. Указ. соч., т. 1, стр. 236). Близок к Гессу был и М. А. Бакунин, выступавший под псевдонимом Жюль Элиазар на страницах «Немецкого ежегодника». (Там же, стр. 302—303). Подробное рассмотрение вопроса об отношении отдельных групп младогегельянцев к революции должно стать делом специального углубленного исследования.

²⁰ Маркс не сомневается в том, что страна движется прямо к революции (в отличие от своего корреспондента Руге). «Государство — слишком серьезная вещь, чтобы можно было превратить его в какую-то арлекинаду. Судно, полное глупцов, можно было бы еще, пожалуй, предоставить на некоторое время воле ветра, но оно плыло бы навстречу своей неминуемой судьбе именно потому, что глупцы этого и не подозревают. И эта судьба — предстоящая нам революция». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 372.

цию революции, хотя отнюдь не в ее ортодоксальном варианте. Об этом свидетельствует, наряду с рассмотренной выше «Критикой гегелевской философии права», переписка Маркса с Руге. В письме, написанном в мае 1843 г., имеются указания на то, что высшей целью общества является создание демократического государства, что «свободный человек — это республиканец»,²¹ что «всякое движение вперед может заключаться только в том, что будет оставлена позади основа этого мира и будет осуществлен переход к человеческому миру демократии»²². Содержание следующего письма, которое отделяет от предыдущего всего четыре месяца, позволяет, на наш взгляд, предположить, что Маркс находился на пути от политической к социальной концепции. Здесь, с одной стороны, сохраняются и развиваются такие важные принципы политической концепции, как реализм²³, опора на действительную борьбу, на сущее²⁴, стремление к разрешению политических вопросов²⁵. Именно эти моменты марксовой программы сделали возможным временный союз с Руге²⁶, они же в значительной мере предопределили стремление привлечь к совместной работе Л. Фейербаха²⁷. В письме высказывается несогласие с позицией

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, стр. 373.

²² Там же, стр. 376.

²³ «Мы не стремимся догматически предвосхитить будущее, а желаем только посредством критики старого мира найти новый мир». Там же, стр. 379.

²⁴ «Ничто не мешает нам... связать нашу критику с критикой политики, с определенной партийной позицией в политике, а стало быть, связать и отождествить нашу критику с действительной борьбой». Там же, стр. 381.

²⁵ «Критик не только может, но и должен касаться этих политических вопросов (которые завязанному социалисту кажутся не стоящими никакого внимания). Там же, стр. 380.

²⁶ Руге так определял революцию: «Я называю революцией перерождение всех сердец и всеобщую борьбу за честь свободного человека, за свободное государство, не принадлежащее никакому господину, принадлежащее себе самому». (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, изд. I, стр. 350). «Рука об руку с реалистическим путем в философии и в понимании истории... развивался у него социальный радикализм, который особенно проявился при анализе проблемы государства». (D. Koigen. Zur Vorgeschichte des modernen philosophischen Sozialismus in Deutschland. «Berner Studien zur Philosophie und ihrer Geschichte», Bd. XXVI, 1901, S. 301).

²⁷ Прямым следствием материализма Фейербаха была ориентация на сущее, на реализм, на политику. «Дух времени и будущее принадлежит реализму» (Избр. философские произвед., т. I. М., 1955, стр. 113). Германия, с его точки зрения, стоит перед новой эпохой, в которой будет осуществлена «насаждающая потребность современного государства» — политическая свобода. «Практическое стремление человечества есть стремление политическое, стремление к активному участию в государственных делах, стремление к ликвидации политической иерархии...» (Там же, стр. 112). Но в том-то и дело, что само участие народа в государственных делах, в качестве активного деятеля, невозможно без того, что называется социальным преобразованием. Ограниченность и созерцательность фейербаховского материализма отчетливо выступает и в его понимании революции.

утопического коммунизма (Кабе, Дезами, Вейтлинг) и социализма (Прудон, Фурье), которые, как известно, резко отрицательно относились к политике, и прямо критикуется «завязтый социалист» за пренебрежение к политическим вопросам. Сохраняются еще и гегелевские мотивы о государстве, которое «содержит во всех своих **современных** формах требования разума», об его идеальном назначении²⁸. С другой стороны, основная направленность и главные акценты письма носят уже явно социальный характер. Это видно из того, что самой важной задачей Маркс считает «из **собственных** форм существующей действительности развить истинную действительность, как ее должностное и конечную цель»²⁹. Более того, сама политика рассматривается не как цель, а как средство, как необходимая ступень перехода к социальным проблемам³⁰.

Но наиболее важным, пожалуй, в письмах Маркса к Руге являются элементы совершенно нового подхода к проблемам революции, те элементы, из которых вырастет собственно **марксистская теория революции**. Так, Маркс считает необходимым искать корни революции в противоречиях промышленного производства и экономической структуры. «Система промышленности и торговли, система собственности и эксплуатации людей ведет ... к расколу внутри теперешнего общества, — к расколу, от которого старая система не в состоянии исцелить»³¹. Несомненно, что этот новый подход отражал совершавшийся именно в то время процесс выработки основных принципов материалистического понимания истории. Если корни революции лежат в объективных исторических условиях, то научно мыслящий революционер не должен исходить из какой-либо заранее готовой схемы общества, а, во-первых, подвергнуть беспощадной критике все существующее, «беспощадной в двух смыслах: эта критика не страшится собственных выводов и не отступает перед столкновением с властями предрешающими»³², и во-вторых, отождествить критику с действительной борьбой. «В таком случае мы выступим перед миром не как доктринеры с готовым новым принципом: тут истина, на колени перед ней! — Мы развиваем миру новые принципы из его же собственных принципов. Мы не говорим миру: «перестань бороться; вся твоя борьба — пустяки», мы даем ему истинный лозунг борьбы»³³.

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. I, стр. 380. См. об этом Т. И. Ойзерман. Формирование философии марксизма, стр. 219.

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. I, стр. 380.

³⁰ «Из этого конфликта политического государства с самим собой можно поэтому развить социальную истину... Политическое государство выражает в пределах своей формы *sub specie rei publicae* все социальные битвы, потребности, истины» (Там же).

³¹ Там же, стр. 377—378.

³² Там же, стр. 379.

³³ Там же, стр. 381.

По-новому решается Марксом вопрос и о силах, способных совершить революцию. Этими силами являются по его тогдашней терминологии мыслящее и страдающее человечество. Под первым понимаются те, кто в состоянии раскрыть сущность общественных отношений и дать истинный лозунг борьбы. Что касается второго, то здесь, по-видимому, дело идет о страдающих, угнетенных, но уже порвавших с мещанской покорностью массам. «Чем больше времени будет предоставлено ходом событий мыслящему человечеству, чтобы осознать свое положение, а человечеству страдающему, чтобы сплотиться, — тем совершеннее будет плод, который зреет в недрах настоящего»³⁴.

Дальнейший шаг вперед в сторону социальной концепции революции сделан Марксом в его статьях из «Немецко-французского ежегодника». В них обращается особое внимание на соотношение между политической и человеческой эмансипацией. Не подлежит сомнению, что выделение двух видов эмансипации соответствует распространенному тогда делению на политическую и социальную революцию. Политическая эмансипация (политическая революция) есть революция гражданского (буржуазного) общества, она направлена против феодализма, гражданское общество которого (т. е., по существу, социально-экономические отношения) **«непосредственно имело политический характер»**³⁵. Эта революция оставила в неприкосновенности частную собственность и эксплуатацию, основы «существующего до сих пор миропорядка». Поэтому, хотя она и «представляет собой большой прогресс», тем не менее не «является последней формой человеческой эмансипации»³⁶. Человеческая эмансипация по своей сущности противоположна политической — она упраздняет частную собственность как таковую, освобождает человека, дает ему возможность познавать и организовывать свои «собственные» силы как **общественные силы**³⁷. Это и есть социальная революция — глубокая,

³⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 378.

³⁵ Там же, стр. 403.

³⁶ Там же, стр. 392. Политическая эмансипация, отмечает Маркс, определенно имея в виду французскую революцию 1789—94 гг., может пойти значительно дальше, чем это требуют ее предпосылки (гражданское общество и его элементы). Народные массы — основная сила революции — стремятся добиться свободы и равенства для себя («конституироваться в виде действительной, свободной от противоречий, родовой жизни человека»), т. е. поднимают руку на частную собственность. В таком случае революция становится непрерывной. Конечным итогом революции, которая перерастает свои цели, в которой средства и цели вступают в резкое противоречие, является поражение. «Политическая драма с такой же необходимостью заканчивается восстановлением религии, частной собственности, всех элементов гражданского общества, с какой война заканчивается миром». Там же, стр. 393.

³⁷ Там же, стр. 406. Нельзя согласиться с Г. Попитц, который утверждает, что отрицание Марксом политической революции ведет к отказу от критики общественной структуры и выдвиганию на первый план критики

всеохватывающая, народная, гуманистическая революция. Совершить ее способен только класс, который «не может себя эмансипировать, не эмансипируя себя от всех других сфер общества и не эмансипируя, вместе с этим, все другие сферы общества»³⁸. Таким классом является пролетариат. Вместе с тем Маркс уточняет свой тезис о мыслящем и страдающем человечестве. Мыслящее человечество олицетворяется в философии, страдающее человечество — в пролетариате. «Подобно тому как философия находит в пролетариате свое **материальное** оружие, так и пролетариат находит в философии свое **духовное** оружие»³⁹.

По нашему мнению, обе статьи свидетельствуют, о том, что в конце 1843 и первой половине 1844 г. Маркс был сторонником социальной концепции революции. Это подтверждается, в первую очередь, бросающимся в глаза противопоставлением двух видов эмансипации, т. е. противопоставлением политической и социальной революций. И дело не только в недостаточности и незавершенности политической эмансипации, дело в том, что она уже в прошлом. Даже в Германии, которая еще не знала политической революции, будущая революция должна быть не политической, а социальной. «Утопической мечтой для Германии является не **радикальная** революция, не **общечеловеческая** эмансипация, а скорее, частичная, **только** политическая революция, — революция, оставляющая нетронутыми самые устойчивые здания»⁴⁰. Там же, где, например, как во Франции, политическая революция сделала свое дело, она тем самым не только уничтожила феодализм, но вместе с ним уничтожила «политический характер гражданского общества»⁴¹, а это означает, что и в развитых странах оказывается возможной не политическая, а социальная революция (человеческая эмансипация). Таким образом, противопоставление политической и социальной революций, являющееся важнейшим признаком социальной концепции революции, здесь налицо⁴². Прибавив к этому не-

человека (Н. Popitz. Der entfremdete Mensch. Basel, 1953, S. 93). Социальное у Маркса является единством общественного и человеческого.

³⁸ Там же, стр. 428.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же, стр. 425.

⁴¹ Там же, стр. 404.

⁴² По вопросу о понимании Марксом соотношения политической и социальной революции в рассматриваемый период среди авторов-марксистов имеются расхождения. В содержательной книге Н. И. Лапина отрицается даже сам факт противопоставления Марксом этих двух революций («Молодой Маркс», М., 1968, стр. 224). С другой стороны, Т. И. Ойзерман, точка зрения которого нами разделяется, четко фиксирует это противопоставление («Формирование философии марксизма», стр. 235). Примерно такого же взгляда (хотя он и не совсем ясно выражен) придерживаются О. Корню (Указ. соч., т. 1, стр. 493), Цанн-Кай-Си («Проблема человека в работах Маркса 40-х годов XIX века», Владимир, 1973, стр. 109).

сомненную ориентацию на должное, на будущее человеческое состояние общества, постановку в центр внимания проблемы отчуждения человека и борьбы за снятие его, можно констатировать наличие и других важнейших элементов социальной концепции революции⁴³.

Конечно, подход Маркса к проблемам революции достаточно резко отличался от ортодоксальных «социальщиков» типа Гесса. Это видно прежде всего из отношения к политическим преобразованиям. Марксу никогда не был свойственен нигилизм в отношении политики, столь характерный для «социальщиков»⁴⁴. Абсолютно чужды были Марксу анархические элементы, столь заметные у Гесса⁴⁵. И самое главное — революционные взгляды Маркса составляли неразрывную часть формирующегося нового учения, философской основой которого все определеннее становился диалектический материализм, в то время как «социальщики» все больше связывали свои взгляды с откровенным идеализмом⁴⁶. Также не подлежит сомнению, что переход Маркса на позиции социальной концепции революции тесно связан с окончательным переходом к коммунизму, совершившемуся в это время⁴⁷.

Обратимся к рассмотрению эволюции взглядов Энгельса на соотношение социальной и политической революций. В этой эволюции, на наш взгляд, можно выделить следующие два этапа: первый — до осени 1842 г. — «политический» этап, второй — с конца 1842 г. до лета 1844 г. — «социальный» этап. Следует сказать, что в отличие от Маркса эти этапы можно зафиксировать с большей точностью и определенностью.

⁴³ Любопытно в этой связи свидетельство Руге о Марксе этого периода: «Мой соредактор... внезапно объявил мне, что не может больше работать совместно со мной, ибо я только политик, а он — коммунист. С сентября 1843 по март 1844-го года он успешно проделал путь к тому «грубому социализму», против которого очень разумно высказывался еще в своем письме». (Цит. по: В. М. Серебряков. Поэт Гервег и Маркс. ЛГУ, 1948, стр. 46). Обращает на себя внимание противопоставление «политика» и «коммуниста» (т. е. «социальщика»).

⁴⁴ «Болтовня о свободе и политических реформах — это старый хлам. С республикой, присяжными заседателями и свободной прессой никогда не приходят ни к чему, кроме тирании имущих и рабства большинства. Все, даже самые радикальные, политические реформы бессильны против коренного общественного зла и больше не интересуют мир». (Цит. по: О. Корню. Указ. соч., т. 1, стр. 521 (примечание).

⁴⁵ «Труд, общество вообще не должны быть организованы», так как «они организуют сами себя» (Цит. по: David Koigen. Указ. соч., S. 190.)

⁴⁶ «В противоположность Марксу, все больше понимавшему, что историческое развитие определяется социально-экономическими факторами, Гесс оставался идеалистом и, как и раньше, считал, что оно является результатом духовного развития» (О. Корню. Указ. соч., стр. 388 (примечание).

⁴⁷ В. И. Ленин указывает, что окончательный переход к коммунизму был совершен Марксом в «Немецко-французском ежегоднике». (См. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 82).

Исследователи-марксисты единодушны в определении первого этапа творческой деятельности Энгельса как этапа революционного демократизма и политического радикализма. Нетрудно, по-видимому, доказать, что это был период, когда Энгельс разделял основные принципы политической концепции революции. Об этом говорят следующие факты. Во-первых, те преобразования, которые, с его точки зрения, настоятельно необходимы для Германии, должны иметь **чисто** политический характер. «Для нас ... незыблемо, что отношения между правящими и управляемыми должны быть установлены на почве **права**» ... и далее, «мы остаемся при нашем требовании: никаких сословий, а лишь великая, единая, равноправная нация граждан»⁴⁸. Необходимо, чтобы Пруссия стала образцовым государством для Европы, чтобы она воплотила «в своих установлениях законное государственное сознание своего века»⁴⁹. Как истый «политик», Энгельс одобряет Гегеля за объективность, за «подчинение субъекта всеобщему разуму»⁵⁰. Указав, что «по всей Германии раздается боевой клич», он связывает его с политическим движением, которое «заполняет собой все»⁵¹. Во-вторых, образцом для Энгельса является французская революция 1830 г., восторженные оценки которой разбросаны по многим его статьям и письмам.⁵² И эта восторженная оценка не есть только дань уважения к ушедшим вперед соседям, она, несомненно, отражает надежды молодого революционера на то, что предстоящая Германии революция должна выполнить те же самые задачи. Ведь он убежден, что современное положение Пруссии очень напоминает состояние Франции перед революцией.⁵³ Сам же Энгельс безоговорочно зачисляет себя и своих друзей из числа «Свободных» в последователей якобинцев. Наконец, в-третьих, отношение Энгельса к Бёрне — этому безусловному республиканцу, горячему стороннику политической революции.⁵⁴ Для Энгельса, Бёрне — «человек политической практики, и историческое его значение в том и заключается, что он вполне осуществил это призвание»⁵⁵; он — «знаменосец немецкой свободы»⁵⁶, «титанический борец за свободу и право»⁵⁷. Отсюда понятно, почему

⁴⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 41, стр. 125, 127.

⁴⁹ Там же, стр. 257.

⁵⁰ Там же, т. 1, стр. 476.

⁵¹ Там же, стр. 474—475.

⁵² Там же, т. 41, стр. 122, 176, 372, 414.

⁵³ Там же, т. 1, стр. 495.

⁵⁴ «Всепоглощающей думой, пламенной страстью, которая изгрызла и сожгла душу Бёрне, была политика. Публицист первого ранга, он сознательно ограничился в конце концов политической областью» (М. В. Серебряков. Молодой Энгельс, стр. 48).

⁵⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 41, стр. 122.

⁵⁶ Там же, т. 1, стр. 479.

⁵⁷ Там же, т. 41, стр. 399.

Энгельс решительно встает на сторону Бёрне против Гейне, на сторону «политика» против «социальщика». И, на первый взгляд, малопонятное стремление Энгельса объединить Бёрне и Гегеля, можно, видимо, объяснить тем, что при всем различии взглядов этих двух мыслителей у них все же была общность политической платформы, вытекающая из важнейших принципов политической концепции революции.⁵⁸

Переход ко второму этапу, разрыв с политической концепцией и принятие концепции социальной произошел у Энгельса относительно резко. Если летом 1842 г. он еще стоит на старой позиции, то уже в сентябре обнаруживается первый ясный намек на разрыв с нею,⁵⁹ а в ноябре совершенно определенно можно констатировать переход к новой точке зрения, к точке зрения социальной революции, к точке зрения коммунизма. В статье «Внутренние кризисы», которую многие авторы (М. В. Серебряков, Х. Ульрих, Г. А. Багатурия) с достаточным основанием считают первым показателем качественно нового этапа в творческой эволюции Энгельса, он впервые определенно говорит о зреющей в Англии **социальной** революции и противопоставляет эту революцию революции политической. «Эта революция неизбежна для Англии, но как во всем, что происходит в Англии эта революция будет начата и проведена ради интересов, а не ради принципов; лишь из интересов могут развиться принципы, т. е. революция будет не политической, а социальной»⁶⁰. Ориентация на социальную революцию и резко критическое отношение к ограниченным политическим изменениям определили общий характер взглядов Энгельса, начиная со времени его переезда в Англию поздней осенью 1842 г. вплоть до 1844 г. Именно эта ориентация, по словам самого Энгельса, и была решающим моментом в переходе группы радикально настроенных младогегельянцев к коммунизму.⁶¹ Нельзя не согласиться с Г. А. Багатурия, который пишет, что «противопоставление социальной революции политической является, пожалуй, наиболее характерным показателем перехода Энгельса на позиции коммунизма».⁶²

Каковы же причины столь резкого изменения позиции и перехода к противоположной точке зрения? Думается, что

⁵⁸ Поэтому мы не можем согласиться с М. В. Серебряковым, который характеризует стремление поставить Бёрне на одну доску с Гегелем как юношескую склонность Энгельса к преувеличению (Указ. соч., стр. 49).

⁵⁹ «Государство — это не реализация **абсолютной** свободы, ... оно лишь объективная свобода. Истинная **субъективная** свобода, которая равносильная абсолютной свободе требует для своего осуществления иных форм, чем государство». К. Маркс и Энгельс. Соч., т. 41, стр. 326. См. Г. А. Багатурия. Контуры грядущего. Энгельс о коммунистическом обществе. М., 1972, стр. 13.

⁶⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 503.

⁶¹ Там же, стр. 539.

⁶² Г. А. Багатурия. Указ. соч., стр. 15.

ответ на этот вопрос следует искать, в первую очередь, в некоторых особенностях подхода юного Энгельса к проблемам революции еще на «политическом» этапе. Он, как и Маркс, не был ортодоксальным «политиком», для которого народные массы в лучшем случае лишь средство. Он был революционером-демократом и поэтому постоянно обращал внимание на роль народа и, что особенно для нас важно, он рассматривал народ как великую творческую силу, который выступает на историческую арену, побуждаемый своими нуждами и потребностями и борется за свое освобождение. Бескомпромиссная революционность и рассмотрение народа как творческой силы исторического процесса уже на первом этапе выделяли его из среды младогегельянцев⁶³. Несомненно, что эти черты и оказались необходимым условием для перехода к новому кругу идей. С другой стороны, большое значение имела политическая практика и жизненный опыт юного революционера. Он воочию убедился, оказавшись в Англии, что буржуазная демократия, весь буржуазный политический порядок являются насквозь фальшивыми и лицемерными, что он не в состоянии обеспечить свободу неимущим классам. Несомненно, определенную роль сыграли и идейные влияния (М. Гесс, Л. Фейербах).

Что же понимал Энгельс в это время под социальным преобразованием, социальной революцией? На этот счет он высказался вполне определенно и достаточно конкретно — «радикальная революция в общественном устройстве, имеющая своей основой коллективную собственность, стала теперь настоятельной и неотвратимой необходимостью», причем неизбежность ее определяется предпосылками, заложенными «в общих условиях современной цивилизации»⁶⁴. Эта революция совершится руками низшего класса, руками пролетариата, единственного класса, который представляет «собой пригодный для творчества материал»⁶⁵. Интересна мысль Энгельса, предвосхищающая, по-существу, идею зрелого марксизма о социальной революции: «...социальная революция в Англии совершается уже в течение семидесяти или восьмидесяти лет и именно теперь движется быстрыми шагами навстречу своему кризису»⁶⁶. В таком широком смысле под социальной революцией понимаются коренные изменения во всех сферах человеческого знания и человеческих жизненных отношений, базой которых является «революционизирование английской промышленности — основа всех современных английских отношений, движущая сила всего социального развития»⁶⁷. В узком смысле —

⁶³ H. Ullrich. Der junge Engels, Bd. 1, S. 188, Bd. 2, S. 38.

⁶⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 525.

⁶⁵ Там же, стр. 574.

⁶⁶ Там же, стр. 598.

⁶⁷ Там же, стр. 615.

социальная революция рассматривается как **кризис**, как кульминация социального процесса. (Ответа на вопрос о характере и механизме такого кризиса мы еще не находим). В приведенных положениях нельзя не видеть элементов совершенно нового, материалистического подхода к проблемам революции. Но не забудем, что это был период интенсивного формирования нового мировоззрения, период, когда элементы новой теории лишь начинали выкристаллизовываться из старых социальных схем и взглядов.

Рассмотрим характерные особенности интерпретации Энгельсом социальной концепции революции. Общее для всех «социальщиков» негативное отношение к политике вообще, к республиканскому демократическому политическому устройству в частности, можно легко обнаружить и в статьях 1843—44 гг. Так, рисуя деятельность английских социалистов, Энгельс с одобрением замечает: «Они смеются над чистыми республиканцами, ибо республика была бы так же лицемерна, так же проникнута теологией, так же несправедлива в своих законах, как и монархия; но для социального преобразования они готовы отдать всё: жену и детей, свое добро и свою жизнь»⁶⁸. В другом месте еще более определенно: «Демократия, в конечном счете, как и всякая другая форма правления, есть, на мой взгляд, противоречие в себе самой, ложь, не что иное, как лицемерие... Политическая свобода есть мнимая свобода, худший вид рабства; она лишь видимость свободы и поэтому в действительности — рабство. То же и с политическим равенством; поэтому демократия, как и всякая другая форма правления, должна в конечном итоге распасться: лицемерие не может быть долговечным, скрытое в нем противоречие неизбежно выступит наружу; либо настоящее рабство, то есть непрекрытый деспотизм, либо действительная свобода, и действительное равенство, то есть коммунизм»⁶⁹. В последней фразе обращает на себя внимание резкое противопоставление либо — либо, либо политическая свобода, либо — коммунизм. Даже во Франции, где коммунизм в отличие от Англии и Германии, имеет политическое происхождение, рабочие убедились, по словам Энгельса, «что демократия не может создать подлинного равенства» и что «никакими политическими изменениями нельзя улучшить их социальное положение»⁷⁰. Все же большая часть французских коммунистов остается республиканцами и, по-видимому, к этому Энгельс относится критически (хотя и не высказывается прямо).⁷¹ Это видно уже из того, что он указывает на большую

⁶⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 521.

⁶⁹ Там же, стр. 526—527.

⁷⁰ Там же, стр. 530.

⁷¹ Т. И. Ойзерман полагает, что Энгельс просто пересказывает взгляды коммунистов различных стран, не вступая с ними в полемику (Указ. соч.,

близость немецких коммунистов к англичанам, чем к французам. Энгельс в это время разделяет и другое убеждение «социальщиков», что политические свободы действуют развращающе на людей и тем самым не приближают, а отдаляют социальные преобразования. Неизбежным следствием такого политического негативизма является резко критическое отношение к государству, как злу, как форме отчуждения человеческой сущности. «Сущность государства, как и религии, заключается в страхе человечества перед самим собой», а «само государство является причиной всех... бесчеловечностей и само бесчеловечно...»⁷². Правда, политический негативизм, логически вытекающий из основных положений социальной концепции революции, был лишь эпизодом в эволюции взглядов Энгельса, ибо он вступил в противоречие с ведущей материалистической тенденцией, все усиливающейся в идейном багаже молодого революционера. Материализм как метод изучения социально-экономической действительности с необходимостью вел к элиминации ненаучных, утопических влияний. Наиболее рельефно новый реалистический подход виден в последней статье из цикла «Положение в Англии», написанной в марте 1844 г. В ней мы читаем, что целью социальной революции должна быть **социальная** демократия, которая противоположна политической демократии, так же как буржуазии и собственности. Но Энгельс здесь уже не отрицает роли политики и политических средств, рассматривая их как ступень, как переход к решению социальных задач. «Простая демократия не способна исцелить социальные недуги. Демократическое равенство есть химера, борьба бедных против богатых не может быть завершена на почве демократии или политики вообще. И эта ступень есть, следовательно, только переход, последнее чисто политическое средство, которое еще следует испробовать и из которого тотчас же должен развиваться новый элемент, принцип, выходящий за пределы существующей политики»⁷³.

Довольно значительное место в статьях Энгельса 1843—44 годов занимает проблема соотношения принципов и интересов, соотношения революции принципов и революции интересов. В статье «Внутренние кризисы», где впервые поставлен такой вопрос, на первый взгляд имеется противоречие — вначале Энгельс утверждает, что «так называемые материальные интересы никогда не могут выступить в истории в качестве самостоятельных, руководящих целей, но что они всегда, сознательно или бессознательно, служат принципу, направляющему нити исто-

стр. 200). Нам кажется, что такое утверждение противоречит самому духу статьи Энгельса и не согласуется с его ярко выраженной «социальной» позицией.

⁷² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, стр. 620—621.

⁷³ Там же, стр. 642.

рического прогресса», а в конце той же статьи говорит обратное — «лишь из интересов могут развиваться принципы»⁷⁴. М. В. Серебряков считает, что Энгельс не замечает этого противоречия⁷⁵. Мы думаем, что это не так. Не лежит ли ключ к разрешению этого противоречия в различении политической революции как революции принципов от социальной, как революции интересов? В таком случае противоречие снимается, так как в первом случае речь о Германии, а во втором — об Англии. Правда, через год Энгельс приходит к выводу, что социальная революция является «настоятельной и неотвратимой необходимостью» для всех трех цивилизованных европейских стран, причем французы и немцы пришли к идее социальной революции от принципов, первые политическим путем, вторые — философским⁷⁶. Но все же «на континенте социальный момент еще совершенно скрыт под политическим, еще совершенно не отделен от него, тогда как в Англии политический момент был постепенно преодолен социальным и поставлен ему на службу»⁷⁷. Итак, задача социальной революции в Англии состоит в том, чтобы превратить частный, субъективный интерес, который порождается частной собственностью, во всеобщий человеческий интерес, снять отчуждение и таким образом прийти к новому принципу — принципу социализма. Что касается французов и немцев, то точка зрения Энгельса на механизм социальной революции на континенте недостаточно ясна. С одной стороны, утверждается, о чем уже шла речь выше, что и на континенте политическая революция — пройденный этап, с другой, — обращается внимание на нерешенность там политических задач, поскольку не осуществлен еще переход от принципов к интересам⁷⁸. Нельзя при этом не подчеркнуть, что последний тезис высказан в конце рассматриваемого нами «социального» периода во взглядах Энгельса на революцию, и поэтому должен рассматриваться как одно из свидетельств интенсивно идущей тогда выработки новой теоретической позиции.

Подводя итоги анализу «социального» этапа развития взглядов молодого Энгельса на революцию, следует сказать, что они были как важнейшей составной частью становящегося общего коммунистического и диалектико-материалистического мировоззрения (может быть даже центральным пунктом его), так и точным показателем непрерывно совершающегося процесса уточнения, совершенствования и развития теории. Анализ показывает, что с конца 1842 года по 1844 г. Энгельс совершал

⁷⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 499, 503.

⁷⁵ М. В. Серебряков. Молодой Энгельс, стр. 206.

⁷⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 525.

⁷⁷ Там же, стр. 603.

⁷⁸ «Французы и немцы так же постепенно приходят к социальной истории, но ее у них еще нет». К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 1, стр. 603.

переход от революционного коммунизма, носящего еще в целом утопический характер⁷⁹, к научному коммунизму.⁸⁰

Коренное изменение во взглядах Маркса и Энгельса на революцию произошло в середине 1844 г. В этой связи огромный интерес представляет статья Маркса «Критические заметки к статье «Пруссак» «Король прусский и социальная реформа», написанная 31 июля 1844 г. Именно в этой статье Маркс впервые формулирует основополагающий тезис о диалектическом единстве политической и социальной революций. «Каждая революция разрушает **старое общество**, и постольку она социальна. Каждая революция низвергает **старую власть**, и постольку она имеет **политический характер**»⁸¹. Итак, Маркс совершенно определенно отказывается от резкого противопоставления социальных и политических преобразований, характерного для, хотя и кратковременного, но важного этапа в развитии его революционных взглядов.⁸² В то же время он существенно уточняет понятия «социальная» и «политическая» революция. Если раньше под социальной революцией понималась только «человеческая эмансипация», что в сущности, означало социалистическое (коммунистическое) преобразование, то теперь она рассматривается значительно шире, как разрушение **вообще** старого общества, старых социально-экономических отношений. Такой новый подход к социальной революции — прямое следствие сформулированного в то же время фундаментального положения, «что все революционное движение находит себе как эмпирическую, так и теоретическую основу в движении **частной собственности**, в экономике»⁸³. С этой точки французская революция XVIII века, а также другие, подобные ей революции, которые «социальщики» считают типичными политическими революциями, являются революциями социальными, поскольку они представляют собой победу **«капиталиста, т. е. высокоразвитой частной собственности, над неразвитой, половинчатой частной собственностью»**⁸⁴. В этих положениях нетрудно увидеть уже сложившиеся элементы новой, собственно марксистской, теории социальной революции.

Что касается понятия «политическая революция», то в статье «Критические заметки к статье «Пруссак» можно встре-

⁷⁹ «Это был коммунизм донаучный, в целом еще утопический, однако революционный». Г. А. Багатурия, *Контуры грядущего*, стр. 16—17.

⁸⁰ «Социалистом Энгельс сделался только в Англии». В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 9.

⁸¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 448.

⁸² Кажется, Ф. Мерингу изменяет его обычная точность, когда он пишет, что в статье против «Пруссака» Маркс повторяет свои высказывания в статье по еврейскому вопросу. — К. Маркс. *История его жизни*. Пб., 1920, стр. 66.

⁸³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 588.

⁸⁴ Там же, стр. 579.

тить два значения этого понятия. Одно — традиционное, политическая революция рассматривается как синоним революции буржуазной⁸⁵. Можно предположить, что в момент написания статьи Маркс, окончательно порывая с «социальщиками», искал новую терминологию для новых идей. Это обнаруживается в самом тексте статьи, где для обозначения буржуазной революции вводится другой, более адекватный термин — **«социальная революция с политической душой»**⁸⁶. Заметим, кстати, что в дальнейшем термин «политическая революция» в таком смысле у Маркса и Энгельса больше не используется⁸⁷. Второе значение — новое, политическая революция рассматривается как необходимый составной элемент всякой социальной революции. **«Революция вообще — ниспровержение существующей власти и разрушение старых отношений — есть политический акт»**⁸⁸. В этом новом значении, выражающем диалектическое понимание социальной революции, как комплексного общественного преобразования, политическая революция играет роль разрушителя старой власти и старых отношений, социальная же революция выполняет функции созидания, творчества и организации. (Разрушение старого общества немислимо без создания на его месте нового). Эти два аспекта единой революции особенно отчетливо выступают в социалистическом преобразовании. **«Социализм не может быть осуществлен без революции. Он нуждается в этом политическом акте, поскольку он нуждается в уничтожении и разрушении старого. Но там, где выступает вперед его самоцель, его душа, — там, социализм отбрасывает политическую оболочку»**⁸⁹. Точка зрения на соотношение политических и социальных задач в социалистическом преобразовании в дальнейшем подверглась корректировке в направлении признания за «политической оболочкой» (диктатурой пролетариата) важнейшей роли в переходе к коммунистическому обществу,⁹⁰ в то же время основное ядро проанализированных выше тезисов вошло основной частью в общую концепцию зрелого марксизма. Наконец, нужно отметить и третье значение понятия «политическая революция», встречающееся в работах

⁸⁵ «Германия в такой же мере обладает классическим призванием к социальной революции, в какой она не способна к революции политической. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 444.

⁸⁶ Там же, стр. 448.

⁸⁷ Традиция противопоставлять политическую и социальную революцию как буржуазную социалистической сохранялась в социалистической литературе (в том числе и марксистской) на протяжении всего 19 и начала 20 веков.

⁸⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 448.

⁸⁹ Там же, стр. 448.

⁹⁰ Т. И. Ойзерман обратил внимание на тот факт, что в идее объединения социальной и политической революции имплицитно содержится идея диктатуры пролетариата. — Формирование философии марксизма, стр. 235—236.

молодого Маркса. Иногда под политической революцией понимается революция, имеющая целью лишь захват власти, устранение устаревшего государственного строя, не решающая сколько-нибудь существенных социально-экономических задач.

Отметив различные аспекты 2-х сторон революционного процесса, Маркс с этого времени начинает подчеркивать их единство. Единство это — следствие тесной, неразрывной связи всех общественных структур, связи политики и экономики, их взаимодействия и взаимопроникновения, при определяющей роли экономики (социального). Поэтому буржуазная революция тоже социальна, только в ней (как во французской революции XVIII века) социальный переворот получает «официальное выражение в виде борьбы за государственный строй».⁹¹ И вообще «никогда не бывает политического движения, которое не было бы в то же время и социальным».⁹²

Изменения во взглядах Маркса и Энгельса на революцию носили фундаментальный характер. В сущности говоря, политическая и социальная революция олицетворяют два различных, но тесно связанных и переплетенных друг с другом, взаимопроникающих общественных процесса, два различных вида социальной практики. Один, в котором **преобладает**, так сказать, «субстанциональный» элемент, устремлен в настоящее, он занят разрешением уже созревших противоречий, освобождением наличных общественных сил, исходит из имеющихся на лицо условий, он ориентирован на сущее⁹³. Другой, в котором **преобладает** момент того, что тогда называли «самосознанием» («субъектом»), момент конструктивной творческой стороны, направленной, главным образом, в будущее, стремится претворить в действительность существующие в виде реальных возможностей тенденции, создает новые условия жизни и борьбы, он ориентирован на должное.

При этом нужно еще раз указать на **диалектическое единство** этих двух сторон революционного процесса, нашедшее свое адекватное отражение в марксистской теории революции. Именно в этой теории снята противоположность социальной и политической концепций революции, а, следовательно, снята великая противоположность субстанции и субъекта, необходимости

⁹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 378. Точно такая же характеристика дается немецкой революции 1848 г.: «Это был **конфликт между двумя обществами**, социальный конфликт, принявший политическую форму, — это была **борьба старого феодально-бюрократического общества с современным буржуазным обществом**» (Там же, т. 6; стр. 267).

⁹² Там же, т. 4, стр. 185, см. также стр. 301.

⁹³ «Та сумма производительных сил, капиталов и социальных форм общения, которую каждый индивид и каждое поколение застают как нечто данное, есть реальная основа того, что философы представляли себе в виде «субстанции» и в виде «сущности человека»...» (Там же, т. 3, стр. 37.).

и свободы, издавна занимавшая, по словам Энгельса, историю и заполнявшая ее своим развитием.⁹⁴ Маркс поставил на место субстанции и самосознания реального субъекта — деятельного человека, человеческую предметную деятельность.⁹⁵ Но революция и есть подлинная, направленная на радикальное изменение мира, человеческая предметная деятельность, истинная движущая сила истории,⁹⁶ служащая «представительницей всех великих исторических дел»⁹⁷.

Поскольку это так, то в революции особенно ясно и резко выступают и разрешаются основные противоречия общественной жизни, особенно ярко выступает диалектика исторического развития. Революция есть единый процесс, в котором, «с одной стороны, низвергается власть прежнего способа производства и общения, а также прежней структуры общества, с другой — развивается универсальный характер пролетариата и энергия, необходимая ему»⁹⁸. Более того. Революционный процесс есть тот единственный вид революционной практики («совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности или самоизменения»)⁹⁹, в котором возможно **массовое** изменение людей.

Самая глубокая социальная революция в истории человечества — коммунистическая революция. В отличие от всех прошлых революций, которые оставляли почву для новых, еще более сильных общественных потрясений, она разрешает самое коренное противоречие «предыстории человечества» — устраняет раз и навсегда основную причину социальных конфликтов — частную собственность, классовое и политическое господство. Тем самым, в коммунистической революции социальная и политическая революции сами себя преодолевают. «Только при таком порядке вещей, когда не будет больше классов и классового антагонизма, социальные **эволюции** перестанут быть **политическими революциями**»¹⁰⁰.

⁹⁴ «Восемнадцатый век, следовательно, не разрешил великой противоположности, издавна занимавшей историю и заполнявшей её своим развитием, а именно: противоположности субстанции и субъекта, природы и духа, необходимости и свободы; но он противопоставил друг другу обе стороны противоположности во всей их остроте и полноте развития и тем самым сделал необходимым уничтожение этой противоположности» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 600).

⁹⁵ Подробно об этом см. «Проблема человека в современной философии». М., 1969, (статьи Г. С. Батищева и А. К. Можеевой).

⁹⁶ «...не критика, а революция является движущей силой истории». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 37.

⁹⁷ Там же, т. 2, стр. 89.

⁹⁸ Там же, т. 3, стр. 68.

⁹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. М., 1966, стр. 103.

¹⁰⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 185. Кстати говоря, эти слова Маркса показывают насколько несостоятельными являются утверждения, встречающиеся в буржуазной «марксологической» литературе,

Из этих фундаментальных положений вытекает, по крайней мере, три вывода. Первый — всякая революция, в первую очередь разрешает такие противоречия, которые порождены «субстанциональным» развитием, и она никак не может, без риска потерпеть крах, «выскочить» из реальной действительности. Из характера «субстанционального» развития вытекает и растущая от этапа к этапу основательность исторического действия, а, следовательно, и «объем массы, делом которой оно является»¹⁰¹. В то же время реалистический подход к революции требует отчетливого понимания того, что ее успех зависит самым непосредственным образом от решения именно политических задач. Второй — поскольку революционная деятельность есть деятельность масс. людей, которых следует рассматривать одновременно «как авторов и как действующих лиц их собственной драмы»¹⁰², то революционная практика выступает как сфера творчества, где реализуются имеющиеся налицо тенденции, осуществляется активный выбор пути развития, где воедино сливаются сущее и должное. Третий — понятый таким образом процесс революции ставит перед теорией, а, следовательно, и перед партией, ею руководящейся, ответственнейшую задачу — раскрыть путем научного анализа действительности необходимость революционного преобразования, обнаружить классовую силу, которая в силу своего бытия выступает как главный агент этого преобразования, максимально развить революционную активность и энергию всех участников революционного процесса. Именно такой теорией является марксизм, который, по словам Ленина, «отличается от всех других социалистических теорий замечательным соединением полной научной трезвости в анализе объективного положения вещей и объективного хода эволюции с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс, — а также, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий, умеющих нащупать и реализовать связь с теми или иными классами»¹⁰³.

Резюмируя, отметим следующее: марксистская теория революции базируется на материалистическом понимании истории, и, пожалуй, без преувеличения является наиболее определенным его выражением и прямым выводом из него. Философия марксизма вообще, исторический материализм в частности, содержат два важнейших основополагающих момента, неразрыв-

что социалистическая революция в смысле Маркса уже не нужна, так как такие права как политическая демократия, система социального обеспечения, увеличение экономического влияния правительства дали буржуазные революции. (T. B. Bottomore. Die sozialen Klassen in der modernen Gesellschaft. München, 1967, S. 101).

¹⁰¹ Там же, т. 2, стр. 90.

¹⁰² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 138.

¹⁰³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 23.

но связанных друг с другом, взаимопроникающих и взаимообуславливающих. Это, во-первых, принцип объективности общественного развития, экономической детерминации социальных процессов, и, во-вторых, принцип революционной активности, принцип деятельности, свободы воли человека, познавшего историческую необходимость, преобразующего действительность, осуществляющего активный поиск реальных возможностей развития и борьбы и не уповающего на автоматизм окружающего мира. Марксистская теория революции представляет собой конкретизацию этих общих философско-социологических принципов. Революция, с ее точки зрения, — это органическое слияние объективного и субъективного, стихийного исторического процесса и сознательной деятельности определенных политических и социальных групп и классов, необходимости и свободы, разрушения и творчества, сущего и должного, социального и политического.

Поступила в редакцию 10 октября 1974 г.

СВОБОДА И САМООГРАНИЧЕНИЕ

У. О. Ури

§ 1. Свобода как реальная возможность обладания предметом потребности

В советской философской литературе все более утверждается примерно следующее исходное определение понятия свободы: «В самом общем смысле свободой называется возможность поступать согласно своей воле, своим целям, а не по внешнему принуждению или ограничению».¹ При этом подчеркивается, что такое определение является только «логической сердцевинкой понятия свободы»², что в это понятие различные науки и общественные силы вкладывают различное содержание. Это определение принимается и автором данной статьи, но с некоторыми уточнениями.

Размышление над изучаемым определением на основе текстов отмеченных авторов позволяет уточнить, что понятие «свобода» на деле определяется ими через понятие «желание», что слова «воля», «хотение», «цель» используются как синонимы слова «желание». Это, конечно, вполне допустимо в научно-популярной литературе, но вряд ли целесообразно в научной литературе, где каждое из них имеет свое специфическое значение.

Предполагается, что субъект желания либо имеет возможность действовать по собственному желанию, либо, наоборот, такой возможности не имеет. В первом случае он является свободным, во втором нет. И это, на наш взгляд, требует уточнения. Ведь человек может иметь возможность действовать по собственному желанию, но желаемого результата не достигает. По-видимому, необходимо уточнить, что свобода — это не только возможность действовать по собственному желанию, но

¹ В. П. Тургаринов. О ценностях жизни и культуры. Л., 1960, стр. 65; См. также: К. М. Никонов. Свобода и ее содержание. В сб.: Свобода и ее содержание. Волгоград, 1972, стр. 36 и др.

² См. В. Тургаринов. Личность и общество. М., 1965, стр. 61.

реальная возможность обладания предметом желания. Подчеркнуть это тем более важно, что с самого начала необходимо отмежеваться от известного положения Т. Гоббса, согласно которому: «... свобода есть отсутствие всяких препятствий к действию, поскольку они не содержатся в природе и во внутренних качествах действующего субъекта», и дальше: «Таким же образом мы говорим, что связанный человек не обладает свободой ходить, потому что препятствие заключается не в нем, а в его узах; но мы не говорим так о больном или увечном, потому что препятствие заключается в них самих.»³ Это положение, во-первых, ошибочно, поскольку свобода есть власть, господство «над обстоятельствами и отношениями, в которых живет индивид»⁴, а власть есть отношение. Чем более дееспособным становится субъект деятельности, тем шире область его свободы, и *vice versa*. К. Маркс с самого начала своей теоретической деятельности отвергает критикуемую концепцию: «Что такое болезнь, как не стесненная в своей свободе жизнь?»⁵ Рост свободы человечества есть рост его производительных сил, а не уменьшение могущества природных сил. Во-вторых, это общее философское положение Гоббса представляет собой основу буржуазных социально-политических учений, согласно которым политическая свобода есть лишь разрешение пользоваться определенными правами. То обстоятельство, что некоторые имеют материальные средства, обеспечивающие реальную возможность использования этих прав, а другие этих средств не имеют, уже не есть вопрос о политических свободах, поскольку это зависит «от природы субъекта»⁶.

³ Томас Гоббс. Избр. произв. в двух томах, т. 1. М., 1964, стр. 555—556.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 292.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 64.

⁶ «Утверждают, и очень правдоподобно, что, если человек слишком беден для того, чтобы позволить себе что-либо, на что нет юридического запрета — буханку хлеба, кругосветное путешествие, обращение в суд — то он ровно на столько же несвободен, как если бы это было бы запрещено законом. Если бы моя бедность была видом болезни, которая не дает возможности купить хлеба или заплатить за кругосветное путешествие, или обратиться в суд, так же, как хромота не позволяет бегать, тогда, разумеется, эта невозможность не могла бы быть интерпретирована как отсутствие свободы вообще и меньше всего как отсутствие политической свободы. Только потому, что я верю, что невозможность получить желаемое обусловлено тем фактом, что другие люди установили такой порядок, что мне затруднительно (а другим нет) иметь достаточно денег, чтобы заплатить за все это, только потому я воображаю себя жертвой принуждения или рабства. Другими словами, такое употребление понятия зависит от определенной социально-экономической теории о причинах моей бедности и слабости. Если отсутствие средств обусловлено недостаточным развитием моих духовных и физических способностей, тогда я говорю, что у меня отняли свободу (а не просто о бедности) только в том случае, если я принимаю определенную теорию» (Isaiah Berlin. Two Concepts of Liberty. Oxford, 1958, pp. 79—80.). Проф. Берлин подменяет вопрос о действительном положении вещей

Итак, свобода — это реальная возможность обладать предметом желания и, наоборот, несвобода есть отсутствие такой возможности. Разумеется, конечно, что человек есть субъект желания, а не средство реализации воли другого; *instrumentum vocale* свободой не обладает.

Желание — это отражение в сознании субъекта объекта потребности. Этим и объясняется, почему в истории философии понятие «свобода» определялось не только через понятия «желание», что более свойственно обыденному сознанию, но и через понятие «потребность».

Потребность — это состояние субъекта, вызванное отсутствием условий, необходимых для поддержания его существования и развития. «... если мы говорим, что X имеет потребность в Y (напр., в пище), то это означает только то, что если Y (пища) недоступна для X, то наступает колебание равновесия системы, которая является основой правильного функционирования X»⁷.

Потребность характеризуется повышенной раздражимостью, активно-побудительным состоянием субъекта и направленностью этого состояния на какой-либо предмет или вид деятельности. Марксизму свойственно рассматривать потребность как первичный источник активности человека. «Люди привыкли объяснять свои действия из своего мышления, вместо того, чтобы объяснить их из своих потребностей (которые при этом, конечно, отражаются в голове, осознаются)...»⁸

Итак, во внутреннем аспекте желание является порождением потребности, а во внешнем плане отражением какого-то явления объективного мира. Когда существует потребность, тогда появляется и желание и возникает вопрос о возможности достижения предмета желания, т. е. проблема свободы.

Вывод о том, что свобода во внутреннем плане равна возможности удовлетворения потребности, составлял неотъемлемую составную часть понимания свободы социалистами-утопистами. Так, например, Дж. Уинстенли писал в середине XVII в.: «Истинная свобода там, где человек получает пищу и средства для поддержания жизни...». Т. Дезами в своем памфлете «Господин Ламеннэ, опровергнутый им самим», опубликованном в 1841 г., отмечает: «Но в действительности свобода — это счастье, то есть нестесняемое развитие всего нашего существа и полное удовлетворение всех наших потребностей. Только наши

вопросом, почему один нуждающийся думает, что он лишен свободы, а другой нет. Но фактическая сторона дела от этого убеждения не изменяется — денег нет и желание путешествовать или желание подавать дело в суд так и остается лишь желанием.

⁷ К. Обуховский. Психология влечений человека. М., 1971, стр. 74—75.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 493.

потребности могут служить пределами истинной свободы, и в зависимости от них свобода будет ограниченной или безграничной».

Марксистско-ленинское понимание свободы является развитием концепции социалистов-утопистов. Более оживленная разработка именно этого аспекта проблемы начиналась после теоретической конференции в Берлине по проблеме свободы, где Клаус Цвейлинг определил сущность свободы как «возможность для человека собственными действиями достигать удовлетворения своих действительных человеческих потребностей».⁹ В работах советских философов Ф. С. Хидушина, Г. Г. Голикова и др. понятие свободы определяется приблизительно так же, а в понимании свободы Р. И. Косолаповым, В. Давидовичем и др. эта мысль содержится в качестве одного из существенных моментов.

Приведенное положение в косвенной форме выражено также в отчетном докладе ЦК КПСС XXII съезду партии: «Идеологи империализма называют «свободным миром» мир капитализма. Но что может противопоставить капитализм подлинной свободе, росту экономики, материального благосостояния, культуры, расцвету личности в Советском Союзе?»¹⁰

Подведем некоторые итоги. Свобода — это реальная возможность обладания предметом потребности, и, *vice versa*, несвобода есть отсутствие такой возможности. Существенным является и указание на то, что реализация возможностей должна осуществляться собственными силами субъекта — ведь в этом основа его автономии.

Это определение, разумеется, характеризует только один из аспектов рассматриваемого нами столь многогранного явления. Определение понятия «свобода» через понятие «потребность» обращено «вовнутрь», акцентирует наше внимание на субъективной стороне свободы, т. е. на том, при каком условии субъект ощущает себя свободным. Рассмотрение этого аспекта является необходимым условием понимания проблемы, но это еще не достаточное условие. Такое понимание свободы не характеризует основ достижения цели, остается открытым, на чем базируется сама возможность удовлетворения потребностей. Отношение человек — среда остается как бы в тени, но именно это отношение составляет сущность проблемы свободы, и элиминировать его никак нельзя. Свобода — это прежде всего объективное состояние активно и сознательно действующего субъекта, отношение его к необходимым объективному миру, заключающееся в основанном на познании их господстве над

⁹ См. В. Л. Михеев. Теоретическая конференция в Берлине по проблеме свободы. «Вопросы философии», 1956, № 4, стр. 224.

¹⁰ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. I. М., 1962, стр. 48.

ними, подчинение объективных процессов целям человека. Но задачей данной статьи не является изучение объективного аспекта свободы. Нас интересует соотношение субъективного аспекта свободы (определяемой как возможность удовлетворения потребности) и самоограничения. Самоограничение — это добровольное ограничение своих потребностей самим субъектом. Ограничивать — это значит «удерживать в известных границах, умерять, обуздывать, останавливать»¹¹. На первый взгляд представляется, что свобода и самоограничение суть исключаящие друг друга явления. Проблема обостряется еще и тем, что тысячелетиями существует философская концепция, утверждающая, что свобода не есть возможность обладания предметом потребности, которая достигается в активной преобразующей внешнюю среду деятельности, а, наоборот, сущностью свободы является именно и только самоограничение.

§ 2. Неудовлетворенность — явление негативное и только негативное?

Общим результатом достижения предмета потребности является состояние удовлетворенности. Можно ли заключить, что состояние удовлетворенности есть явление позитивное и только позитивное, тем более, что к нему стремятся все живые существа? И, наоборот, является ли неудовлетворенность абсолютно негативным явлением, ведь каждый старается выйти из этого состояния?

Но уже давно известно, что гармония мира зиждется на противоречиях. Ведь состояние полной удовлетворенности лишено источника активности. Удовлетворенный самим собою индивид не так уж редок, и он, по образному выражению Ибсена, «труп давно, хотя и не умер». Только состояние неудовлетворенности ведет к деятельности по преобразованию мира: «... мир не удовлетворяет человека, и человек своим действием решает изменить его»¹².

К счастью человечества неудовлетворенность неуничтожима: после сгорания в нежном пламени употребления, она подобно мифическому фениксу, возрождается вновь. И это не бесконечный ряд актов возрождения того же самого, а постоянный процесс становления качественных изменений. «... сама удовлетворенная первая потребность, действие удовлетворения и уже приобретенное оружие удовлетворения ведут к новым потребностям, ...»¹³.

¹¹ Вл. Даль. Толковый словарь, т. III. М., 1956, стр. 647—648.

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 195.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 27.

В отличие от животных, удовлетворяющих свои потребности исключительно предметами природы, имеющимися в окружающей среде в готовом виде, люди сами производят в процессе труда предметы, которые могут удовлетворять их потребности. Будучи в одном аспекте общей причиной производственной деятельности, потребности человека в другом аспекте являются и продуктом его производственной деятельности.

К. Маркс указывал, что производство создает потребление: «1) производя для него материал, 2) определяя способ потребления, 3) возбуждая в потребителе потребность, предметом которой является созданный им продукт. Оно производит поэтому предмет потребления, способ потребления и побуждение к потреблению»¹⁴. Поскольку производство находится в постоянном изменении, то изменяются также потребности человека. О преобладающей части того продукта, который производится современной промышленностью и составляет предметное содержание потребностей современного человека, наши прародители в конце прошлого столетия не имели ни малейшего представления.

Таким образом, неудовлетворенность (есть, конечно, разница между неудовлетворенностью, которая оборачивается недееспособным хныканьем, и неудовлетворенностью, которая реализуется в активных действиях) является неотделимым попутчиком человечества и источником прогресса. Но из этого не вытекает, что борьба за удовлетворение все растущих потребностей человека является бессмыслицей, своеобразным сизифовым трудом. Совсем не одно и то же, идет ли борьба за средства элементарного биологического существования, или эта проблема решена и «высшим из известных нам наслаждений...»¹⁵ станет свободный творческий труд, «развитие человеческой силы, которое является самоцелью, ...»¹⁶.

§ 3. Достигается ли освобождение только путем подавления собственных потребностей?

Идеалистические направления в философии, а также религия считают основой освобождения не преобразование внешней среды, а подавление своих собственных потребностей, т. е. самоограничение. «Свобода определялась до сих пор философами двояким образом. ... С другой стороны, она рассматривалась как самоопределение, как избавление от действительного мира, как мнимая только свобода духа: так она определялась всеми идеалистами, особенно немецкими».¹⁷

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 718.

¹⁵ Там же, т. 2, стр. 351.

¹⁶ Там же, т. 25, ч. II, стр. 387.

¹⁷ Там же, т. 3, стр. 292.

Эта концепция достаточно ясно вырисовывалась уже в древнегреческой философии. Наиболее известный представитель киников Диоген Синопский проповедывал автаркию. Свои идеи он пытался осуществить в личной жизни.

Эти идеи были восприняты и стоиками. Их последний видный представитель, римский император Марк Аврелий писал: «Когда, наконец, душа моя, ты будешь доброй, простой, единой, обнаженной и светлее окружающего тебя тела? Когда ты будешь любящей и благочестивой? Когда будешь довольна и не будешь ни в чем нуждаться, ничего желать, ни к чему не стремиться ради удовольствия? Когда будешь свободна и независима от времени, места и страны, от приятного воздуха и от одобрения людей? Когда будешь довольна настоящим и удовлетворишься, что все, с тобой случающееся, — благо, и ниспосылается оно богами для счастья совершенного существа, благого, справедливого, прекрасного, все производящего и все содержащего?»¹⁸

Стоицизм был одним из источников христианства. Ф. Энгельс назвал видного представителя римского стоицизма Сенеку дедушкой христианства.

Упомянутое положение присуще и другим религиям, особенно буддизму. Янагида Кендзюро характеризует буддистское учение о свободе следующим образом: «Но если мы оставим, как пустую оболочку, свои дурные наклонности, приводящие нас к заблуждениям, и познаем свое первоначальное «я», то мир, не подвергаясь изменениям, сразу превратится в нирвану. Такова мудрость и можно сказать, общая точка зрения всех последователей секты Дзэн. И в моросящем дожде в горах Лушань, и в приливах и отливах реки Чжецзян (Цзяньтан) — во всем, пока мы не достигаем того самосознания, мы найдем повод для недовольства, неудовлетворенности и бесконечного возмущения. Но если попытаемся вернуться к первоначальному «я», то тот же моросящий дождь в горах Лушань и те же приливы и отливы реки Чжецзян станут для нас прекрасным миром гармонии и духовного пробуждения. Нет никакой необходимости бороться, что-то менять во внешней природе и в обществе. Сколько бы мы ни изменяли внешний мир, но, не изменив своей души, мы не погасим своего недовольства»¹⁹.

В более утонченной форме критикуемая концепция свойственна и идеалистической философии: от киников до современного экзистенциализма. Линия ее преемственности особенно ясно прослеживается в работах Кьеркегора, Хайдеггера, Ясперса. Экзистенциалистская концепция свободы своими корнями ухо-

¹⁸ Цит. по кн.: Невзоров. Мораль стоицизма и христианское правоучение. Казань, 1862, стр. 49.

¹⁹ Янагида Кендзюро. Философия свободы. М., 1968, стр. 123—124.

дит в реальные противоречия буржуазной действительности, которая оказывает губительное воздействие на личность и ее свободу. Проблема отчуждения занимает поэтому в экзистенциализме центральное место. Но выдвигаемая экзистенциализмом концепция внутренней свободы характеризует сущность свободы как негативную способность человека отказываться от всего внешнего. Такая свобода, конечно, не имеет ничего общего с деятельно-творческим проявлением человеческой сущности.²⁰

Из рассматриваемой концепции логически неизбежно вытекает пассивное отношение к окружающей действительности. Сама жизнь кажется бессмысленной или же приобретает смысл только как подготовка к загробному бытию. Проповедь этой концепции используется в целях воспитания эксплуатируемых масс в духе покорности, в этом классовые корни ее живучести.²¹

Подобное отношение к жизни неприемлемо для революционного класса. Теоретическое мировоззрение пролетариата есть философия активного отношения к жизни, оно представляет собой учение о преобразовании мира в целях все более всестороннего удовлетворения все растущих потребностей человека. Оно подчеркивает, что свобода — это не «мнимая только свобода духа», достигаемая путем избавления от действительного мира, а «господство над обстоятельствами и отношениями, в которых живет индивид».²²

§ 4. Роль самоограничения в процессе освобождения

Гармония свободы противоречива. Нам уже известно, что освобождение предполагает достижение удовлетворенности и, тем не менее, неудовлетворенность является источником прогресса свободы. Теперь можно констатировать, что на первый взгляд как бы исключающие друг друга определения (свобода как возможность удовлетворения потребностей и свобода как способность человека к самоограничению) тяготеют друг к другу. Только их объединение в диалектическое целое устраняет опасность метафизики.

Классики марксизма-ленинизма и говорят о свободе как о возможности «... планомерно заставлять законы природы дей-

²⁰ Более подробно см.; А. Г. Мысливченко. Проблемы свободы в экзистенциализме. В сб.: Философия марксизма и экзистенциализм. М., 1971.

²¹ Примерами именно такого использования рассматриваемой концепции могут служить книги: Ф. Бинде. Да здравствует свобода! Но что такое истинная свобода? СПб., 1909 и М. И. Тимофеевский. Свобода личности. Петроград, 1918.

²² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 292.

ствовать для определенных целей»²³ и как о «... господстве над нами самими...»²⁴ Основной, определяющей стороной их диалектического единства является достижение цели.

А. Проповедуемый идеализмом и религией аскетизм как благо сам по себе для марксизма-ленинизма неприемлем, однако отказ от удовлетворения тех или иных потребностей или их ограничение нередко бывают неизбежны. Приведенное религиозно-идеалистическое понимание свободы не один сплошной абсурд; в его основе лежит абстрагирование и гипертрофирование одной из действительно важных черт свободы.

Отречение от чего-то неизбежно уже на стадии выбора. Превращение в цель одного из альтернативных желаний означает отказ от остальных желанных вещей.

Далее — деятельность по реализации цели также связана с самоотречением, расходом психической и физической энергии, преодолением трудностей. Сознательная цель человека, как указывает К. Маркс, определяет как закон способ и характер его действий, и цели этой человек должен подчинять свою волю²⁵. Блокада может быть и внешней (например, холодная и дождливая погода во время уборки урожая) и внутренней (страх, лень и т. п.). В таких ситуациях решает воля как внутреннее условие преодоления блокад. Это и есть господство над самим собой. Господствовать над самим собой необходимо, но не для достижения «мнимой свободы духа», а для достижения господства над средой, которая является ареной удовлетворения потребностей.

Если мы можем констатировать, что все действия всех животных не сумели наложить на природу печать их воли и что это мог сделать только человек²⁶, то это вытекает и из того, что человек способен подчинить свою волю далеким целям. По мнению А. Н. Леонтьева «... подлинно человеческое в человеке выражается в том, что у него формируются высшие жизненные мотивы (цели), которые подчиняют себе все остальные, и ради этих высших жизненных целей человек способен жертвовать всем, даже самой своей жизнью, своим существованием»²⁷.

Итак, удовлетворение какой-то одной потребности неизбежно приносит с собой ограничение других потребностей, и чем крупнее цель, тем больше отречений требует ее достижение.

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XX, стр. 116.

²⁴ Там же.

²⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 189.

²⁶ См. там же, т. 20, стр. 495.

²⁷ А. Н. Леонтьев. Некоторые психологические вопросы воздействия на личность. В сб.: Проблемы научного коммунизма. Вып. 2. М., 1968, стр. 32.

Б. Человек необходимо должен противостоять натиску потребностей и потому, что у него могут возникать потребности, удовлетворение которых, хотя и субъективно переживается как наслаждение, объективно причиняет вред. Извращенное развитие потребностей и возникновение так называемых квазипотребностей является распространенным явлением.

В основном человек наслаждается тем, что ему объективно полезно. То, что объективно вредно для человека, вызывает отвращение. Только так он и мог сохраняться и развиваться. Но до некоторой степени чувства можно обмануть и «король природы» не замедлил использовать эту возможность — во вред себе самому. Ведь наркомания, например, явление очень древнее. Но свободен ли наркоман? Удовлетворение таких потребностей — не свобода, а рабство. «Человеческое бессилие в укрощении и ограничении аффектов я называю **рабством**. Ибо человек, подверженный аффектации, уже не владеет сам собой, но находится в руках фортуны, и притом в такой степени, что он, хотя и видит перед собой лучшее, однако принужден следовать худшему»²⁸. В таком рабстве есть момент свободы, ведь цель оказалась достигнутой. Но такой акт «мимолетной свободы» уничижает возможность дальнейшего развития. Определение свободы приобретает дополнительную окраску: единичный акт достижения цели является свободой только тогда, когда он способствует сохранению и дальнейшему развитию субъекта. В противном случае это псевдосвобода.

На что опираться, чтобы отличать свободу от псевдосвободы? Спиноза отвечает: «Свободным я называю того, кто руководствуется одним только разумом»²⁹. В главном это правильный ответ. И более глубокое содержание он приобрел, когда материализм перестал быть созерцательным, когда К. Маркс доказал, что: «Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, — вовсе не вопрос теории, а практический вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, посясторонность своего мышления»³⁰.

Итак, сознание, пробуждаемое и проверяемое практикой, должно нам сказать, является ли исполнение данного желания свободой или псевдосвободой. Причем регулирующая роль сознания, из-за все более быстрого изменения так называемой второй природы, непрерывно растет. Создано множество вещей, об объективной полезности (или наоборот) которых чувства нас не информируют. В условиях растущего благосостояния требуется контроль даже над удовлетворением фундаментальных биологических потребностей (намеком хотя бы на ожирение). Значит,

²⁸ В. Спиноза. Избр. произведения, т. 1. М., 1967, стр. 521.

²⁹ Там же, стр. 576.

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 1.

если мы определяем свободу как возможность обладать предметом потребности, то надо иметь в виду, что потребление имеет определенную меру и преодоление ее границ превращает свободу в псевдосвободу.

Мы за человека с большими потребностями, мы и за полное удовлетворение его потребностей. Но нам не безразлично, каковы эти потребности. Марксизм-ленинизм считает одной из своих целей создание такого изобилия материальных и духовных благ, при котором возможно было бы пользоваться ими по потребностям. Но марксизм-ленинизм не сводится к гедонизму. Требование «властвуй над самим собой!» остается в силе и в коммунистическом обществе.

В. Человек необходимо должен быть «господином самого себя» и потому, что его деятельность имеет общественное значение. Стремления человека могут и должны соответствовать интересам определенного коллектива. Но его стремления могут также вести к действиям, которые вредны для коллектива или другого человека. Человек должен подниматься выше таких стремлений, подавлять их³¹. Это утверждение — отнюдь не проповедь только морального порядка; это констатирование необходимости. Общество не может существовать без регламентации поведения индивидуумов, без социальных норм. Для индивидуума эти нормы суть объективная реальность и объективно-реальными являются и санкции. Личная свобода, если бы она была неограниченной, аннулирует самое себя: 1) В плане уничтожения своей базы, ведь она может процветать только на основе коллективной деятельности. 2) В плане ликвидации основ совместной жизни — абсолютная свобода каждого неизбежно превращается в абсолютную несвободу для всех. Поэтому личная свобода возможна только в рамках определяемых интересами совместной деятельности (прежде всего производственной) и жизни.

Г. Вышеизложенное приводит нас к вопросу о сущности воли. Но мы не так уж много об этом знаем. «Вопрос о специфике воли как психологического явления наиболее сложен и мало исследован. Одни сближают ее и даже отождествляют со стремлениями, другие с мышлением, третьи объявляют волю

³¹ Буржуа, конечно, не может с этим согласиться. Поэтому возникают теории, пропагандирующие приоритет личного интереса. Профессор Оксфордского университета И. Берлин выражает это следующим образом: «Негативная» свобода (т. е. точка зрения, согласно которой свобода индивида должна быть защищена от вмешательства. Примечание мое — У. У.), которую они стараются реализовать, кажется мне более инстинктивной и гуманной, чем цели тех, кто ищет свой идеал в «позитивном» самообладании внутри юльших дисциплинированных структур, вроде классов, или народов, или еловечества в целом» (I. Berlin. Two Concepts of Liberty. Oxford, 1956, . 56). Внутренние студентам такого взгляда вполне нормально в учебном заведении, где учатся сыновья и дочери буржуазной верхушки.

специфическим и самостоятельным явлением, однако не могут определить, что же она такое»³². Мы можем перечислить и описывать волевые свойства человека: целенаправленность, стойкость, решительность, смелость, выдержка, самообладание и т. п. Мы можем волю на основе ее проявления определить: «Воля — сознательное и целенаправленное регулирование человеком своей деятельности»³³. Но это лишь одно из существующих определений и для понимания сущности воли предстоит еще длительная работа.

Интересную гипотезу о сущности воли выдвигает П. В. Симонов. Он констатирует, что волевое поведение обнаруживается при наличии минимум двух факторов: потребности и преграды на пути к ее удовлетворению. Блокада может быть или внешней, или внутренней (конкурирующая потребность). Далее П. В. Симонов напоминает, что И. П. Павлов увидел в том, что животное сопротивляется попыткам ограничить его двигательную активность несравненно больше, нежели это представляло бы только разновидность защитной реакции. «Рефлекс свободы — это **самостоятельная** форма поведения, для которой **препятствие** служит не менее адекватным стимулом, чем корм для пищедобывательного поиска, боль для оборонительной реакции, а новый неожиданный сигнал для ориентировочной». «Не будь его (рефлекса свободы), — писал И. Павлов, — всякое малейшее препятствие, которое встречало бы животное на своем пути, совершенно прерывало бы течение его жизни»³⁴. Далее П. В. Симонов предполагает по аналогии, что и человек имеет потребность в преодолении препятствия, выступающего как дополнительный источник активности в процессе реализации цели: «...воля есть активность, обусловленная потребностью преодолеть препятствие, — потребностью, относительно самостоятельной и дополнительной к мотиву, первично инициировавшему поведение»³⁵.

Если это так, то станет более понятным и отношение свободы и счастья. Философы уже давно видят некоторое сходство между этими явлениями: «Но свобода без счастья... Такая свобода является пустым и лишенным смысла словом»³⁶. Оба явления предполагают общим моментом состояние удовлетворенности, которое является результатом обладания пред-

³² А. К. Ковалев, К. Стоянов. Волевая регуляция потребности. Материалы IV Всесоюзного съезда общества психологов. Тбилиси, 1974, стр. 142.

³³ Философская энциклопедия, т. 1. М., 1960, стр. 284.

³⁴ И. П. Павлов. Рефлекс свободы. Полн. собр. соч., т. 3, кн. 1. 1951, стр. 343.

³⁵ П. В. Симонов. О филогенетических предпосылках воли. — «Вопросы психологии», 1971, № 4, стр. 88.

³⁶ Л. Фейербах. Избр. философские произведения, т. 1. М., 1955, стр. 580.

метом потребности. Но мы знаем также, что социально активные люди очень редко понимают счастье как изобилие готовых материальных благ и характеризуют такое понимание счастья как мещанское. В свое время К. Маркс характеризовал понятие счастье одним словом: «борьба». Если предположить, что преодоление блокады есть относительно самостоятельная потребность, то сущность ответа К. Маркса станет нам более понятна.

Но воля выступает не только в гармоническом сочетании с потребностью как дополнительный источник энергии ее удовлетворения. В отношении других потребностей она выступает как сила, сдерживающая их проявления. Она, несомненно, связана сознанием и является средством контроля потребностей. И каким бы ни был конкретный механизм контроля сознания над потребностями, в социальном аспекте ясно одно — общество вправе требовать от человека, чтобы этот контроль был сильнее инстинкта самосохранения. Мы, например, убеждены, что наличие приказа не освобождает от вины солдата фашистского карательного отряда. Этим самым уже предполагается, что он должен был отказаться от выполнения приказа, хотя это и стоило бы ему жизни.

* *
*

К. Маркс писал: «Если человек отличается от всех остальных животных безграничностью своих потребностей и способностью к их расширению, то, с другой стороны, нет ни одного животного, которое было бы способно до такой невероятной степени сокращать свои потребности и ограничиваться таким минимумом условий своей жизни...»³⁷ И то и другое является необходимым условием прогресса: если безграничное расширение потребностей как бы толкает человечество к преодолению все новых и новых рубежей, то способность к самоограничению делает это преодоление возможным. Самоограничение не отрицает свободу, ей противостоит лишь метафизическое, гипертрофированное самоограничение, аскетизм как самоцель. Таким же образом противостоит свободе и необузданный поток желаний. Свобода и самоограничение суть диалектические противоположности, которые взаимообуславливают и в то же время взаимоисключают друг друга.

Поступила в редакцию 10 октября 1974 г.

³⁷ Архив Маркса и Энгельса, т. II (VII). М., 1933, стр. 235.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ СТРУКТУРЫ ПОЗНАНИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ ИСТОРИИ

Э. Н. Лооне

Введение

Дискуссия о существенных характеристиках исторического знания, развернувшаяся преимущественно в англоязычной немарксистской философской литературе в середине XX в.¹, не учитывает (применяя несколько метафоричное выражение) истории самой истории, т. е. эволюции и развития историографии — не говоря уже о многообразии современных исторических исследований. В то же время вопросы о применении историками «научных» объяснений, о роли повествования и т. п. не могут получить адекватных ответов без учета последовательности возникновения разных типов историографии, а также, естественно, без учета наличия в настоящее время разных типов историографии, в условиях сосуществования и соперничества различающихся по месту в эволюционной последовательности типов исторической мысли².

Следует заметить, что вышеприведенные упреки применимы даже к Коллингвуду. Конечно, он старался обосновать свою концепцию своеобразия исторического метода применением ее к изучению эволюции исторической мысли. В этом заслуга Коллингвуда неоспорима. Однако знаменитый его очерк истории историографии³ страдает важным недостатком. Все развитие исторических исследований Коллингвуд рассматривает с точки зрения своих предубеждений. Результатом являются, во-первых, спекулятивная схема, и, во-вторых, часто в высшей степени спорные или просто ошибочные конкретные положения, идет ли речь о Фукидиде или же о Марксе.

¹ Подробнее о ней см. статью автора: Возникновение и развитие аналитической философии истории. — «Вопросы философии», 1974, № 6.

² Наличие такого развития пока нами принималось доказанным. Однако, строго говоря, здесь только выдвигается гипотеза, подлежащая проверке. Результаты последней будут зафиксированы в заключении.

³ Ср. R. G. Collingwood. The Idea of History. L., 1966 (1st ed. 1946), Part I—IV.

Исходя из сказанного, задачей настоящей статьи является выявление некоторых тенденций в развитии исторической мысли. Автор не стремился к построению всеобъемлющей теории или к созданию картины эволюции историографии по всем параметрам последней (впрочем, для одного автора такая задача в принципе неосуществима)⁴, поэтому полученные результаты могут и должны быть дополнены дальнейшими исследованиями⁵. Здесь нас интересует прежде всего следующее: можно ли выделять определенные этапы развития исторической мысли? Имеются ли качественные различия между трудами разных историков? Если да — если подтвердится выдвинутая выше гипотеза, — то нельзя будет, скажем, объявлять нарратив существенной характеристикой исторических сочинений, не исследовав сперва, так ли это на всех этапах развития историографии. Решение философских вопросов находится в зависимости от эмпирического исследования истории историографии.

§ 1. Возникновение научной историографии

Э. Бернхейм — автор наиболее авторитетного (из работ конца XIX — начала XX в.) для историков труда об историческом методе⁶, выделил три ступени развития исторической науки⁷.

⁴ Для марксистов данное положение является естественным применением того, что мы называем диалектикой абсолютной и относительной истины. Ср. Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2-е, т. 20, стр. 24, 87—88; В. И. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 133—140.

⁵ Этим избегается опасность построения замкнутых, раз и навсегда завершенных философских систем, в чем, кстати, марксисты упрекают Гегеля. Ср. Ф. Энгельс. Цит. соч., стр. 24; его же. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 21, стр. 277—278.

⁶ E. Bernheim. *Lehrbuch der Historischen Methode und der Geschichtsphilosophie*. Leipzig, 1903. Оценка Бернхейма Ланглюа и Сеньобосом выражает еще борьбу современных ему школ: ср. Ланглюа и Сеньобос. Введение в изучение истории. СПб., 1899, стр. 9—10. Более позднюю оценку Бернхейма со стороны несимпатизирующего его мировоззрению католического историка см. G. J. Carraghan. *A Guide to Historical Method*. Chicago, 1948, p. 5. Ср. также Г. П. Саар. Источники и методы исторического исследования. Баку, 1930, стр. 10.

⁷ Бернхейм считал историю наукой. Автор настоящей статьи исходит из общепринятого среди марксистов положения о том, что историография принадлежит к наукам, а не является формой искусства или какой-либо автономной формой мысли, отличной как от искусства, так и от науки. Для многих немарксистов (причины тут часто идеологические и социальные, а не познавательные) подобная предпосылка спорна. Автор надеется нижеприведенным доказать полезность этой предпосылки при анализе исторического сознания, а, следовательно, плодотворность марксистского метода и в данном случае.

Первой ступенью он считал реферативную историографию, которая либо преследовала эстетические цели, либо служила увековечению значительных событий, либо являлась записью в целях практического запоминания положения дел. Классическим представителем этой ступени, по Бернхайму, явился Геродот⁸.

Вторая ступень в концепции Бернхайма — ступень прагматической историографии, когда главной целью становилось извлечение уроков истории в качестве практического руководства в общественной жизни. Данная ступень получила начало трудами Фукидида и в античности достигла наивысшей точки в работах Тацита. При этом Бернхайм сомневался в научности познавательных результатов, достигнутых историками как на второй, так и на первой ступени, хотя считал общественно целесообразным существование исторических произведений, принадлежащих к обоим ступеням, и в современную ему эпоху, утверждая, таким образом, необходимость сосуществования эволюционно более ранних и более поздних типов исторической мысли⁹.

Третья ступень, по Бернхайму, — ступень генетической историографии. На этой ступени, утверждал он, история превращается в собственно науку, и цель историка — получение знания о становлении любого исторического явления, о том, что оно из себя представляет и как оно развилось в своих связях с данной социальной средой. Познавательные предпосылки перехода к третьей ступени сложились, по Бернхайму, лишь к XVIII в. н. э., а окончательное оформление научной историографии он относит к XIX в.¹⁰

Р. Дж. Коллингвуд¹¹ различал историографию ножниц-и-клея и научную историографию. Первый тип исторических исследований, по его мнению, характеризовался созданием исторической картины при помощи конструирования упорядоченной совокупности извлечений из источников (при этом в лучшем случае любое утверждение письменного источника рассматривалось либо как истинное, либо как ложное). Исследования этого типа, по Коллингвуду, были единственными в поздней античности и в средние века, а в XIX в. критический метод привел к наивысшему возможному развитию в его пределах.

Отличительным признаком научной историографии, по Коллингвуду, является задавание историком своих собственных вопросов о предмете исследования (а не принятие имплицитных письменному источнику вопросов, как в случае историографии ножниц-и-клея). Затем историк выводил следствия из своих

⁸ Cp. E. Bernheim. *Op. cit.*, SS. 18—21.

⁹ Cp. *ibid.*, SS. 21—26.

¹⁰ Cp. *ibid.*, SS. 26—37.

¹¹ Cp. R. G. Collingwood. *Op. cit.*, pp. 257—282.

ответов на вопросы (а, опять-таки, не из источников), при этом историк отвечал на вопросы на основании фактов — свидетельств в источниках. Первым представителем научной историографии, по мнению Коллингвуда, был Геродот, хотя полного развития исторические исследования, принадлежащие к данному типу, достигли только в конце XIX и в XX в.

Коллингвуд не разделял эклектицизма большинства буржуазных историков (включая Бернхейма) в вопросе о сосуществовании разных типов историографии. Историография ножиц-и-клея для него явно — отрицательная ценность, ошибочный, неприемлемый подход к исследованию прошлого. Философский анализ превращается в методологию, предписывающую, как исследовать историю.

И концепция Коллингвуда, и концепция Бернхейма, рассмотренные выше в качестве примеров, исходят в типологизации исторических исследований преимущественно из двух критериев. Первым из них является цель деятельности историка (в качестве историка) — получение знания. Историография — не любые мысли о прошлом, а знание (следовательно, в ее рамках можно изучать и настоящее). Но уверенность в том, что наши мысли являются знанием, дает метод получения знания, метод познания. Отсюда и второй критерий — исторический метод. Схема развития историографии по этим двум критериям представляется автору несколько различной от схем Коллингвуда или Бернхейма.

Современной научной историографии предшествуют два последовательных типа исторических сочинений, т. е. можно говорить о двух ступенях возникновения научной историографии. Первой ступенью является античная историография¹², ибо в античности, начиная, по крайней мере, с Геродота, целью историков было получение знания, и они выработали некоторые процедуры установления знания (метод свидетельских

¹² Мы не рассматриваем восточную — неевропейскую или неантичную историческую мысль не только потому, что не компетентны судить о ней (и, следовательно, допускаем, что ее изучение может дополнить предлагаемые в настоящей статье схемы). Историография, как она сложилась в Европе в XIX в., развилась в русле европейско-средиземноморской традиции, без прямых генетических связей, например, с китайской, японской или индийской историографией. Изучение же истории в современных странах Азии (и Африки) является результатом не только местного развития, а также — культурных, политических и экономических контактов с Европой и Северной Америкой, в которых техническое, экономическое и политическое превосходство колониальных держав на первом этапе таких контактов приводило необходимо и к распространению иностранных способов мышления. Последние распространялись не только из-за необходимости знать противника, чтобы бить его собственным оружием или из-за насильственного навязывания, но прежде всего потому, что они более адекватно соответствовали новой — капиталистической — реальности.

показаний¹³). Но поскольку, наряду с познавательными, для античной историографии существовали и другие цели (в первую очередь эстетические) того же порядка значимости как и знание, то история в те времена не входит в науку, а только пересекается с ней.

Является спорным рассмотрение историографии европейского средневековья как прямого продолжения по одной и той же линии или даже развития античной историографии. Так, Х. Грундманн показал¹⁴, что европейская средневековая историческая мысль не была прежде всего познавательной, а преследовала иные цели. Ряд советских историков подчеркивает существенное различие исторической мысли средневековья (и даже XV—XVIII в.) от более поздней исторической мысли в отношении метода познания¹⁵. Принимая указанные результаты, следует рассматривать средневековые хроники, жития и т. п. сочинения не как специализированную отрасль познания, а как подразделы ценностно-нормативной части общественной мысли. Следовательно, они не могут рассматриваться как ступень возникновения научной историографии и исключаются из схемы последовательных типов.

Но если средневековье привело в некотором смысле к разрыву традиции, то можно ли провести линию от античности к следующему этапу? На поставленный вопрос следует ответить утвердительно. Во-первых, имелась «эмпирическая» связь в виде Возрождения, во-вторых, можно говорить о логической связи: та мысль, которая развилась из истолкования античной мысли (неважно, правильного или неправильного) продолжала некоторые традиции античности, но она не была простым повторением.

Второй ступенью возникновения научной историографии является историография XV—XVIII вв., которую можно называть преднаучной историографией. В эти столетия происходил отказ от теологической картины мира¹⁶, вырабатывались те методы установления фактического знания, которые позднее

¹³ Ср. напр. R. G. Collingwood. Op. cit., pp. 25—28; I. A. F. Bruce. Theopompus and Classical Greek Historiography. — «History and Theory», vol. IX, No. 1, pp. 90—91.

¹⁴ Ср. H. Grundmann. Geschichtsschreibung im Mittelalter. Göttingen, 1961.

¹⁵ Ср. Г. Г. Литаврин. Рец. на кн.: М. А. Заборов. Историография крестовых походов (XV—XIX вв.). М., 1971. — «Вопросы истории», 1973, № 3, стр. 168—170. Е. А. Косминский в своих лекциях по истории изучения европейского средневековья указывал, что в сами средние века имелись лишь зачатки исторической критики, а начало научного изучения истории отнес к XVIII в. (историография Просвещения). Ср. Е. А. Косминский. Историография средних веков. М., 1963, стр. 11—12, 32.

¹⁶ Ср. также A. Klempf. Die Säkularisierung der universalhistorischen Auffassung. Göttingen, 1960.

получили название «критика источников», знание опять становилось целью исследования. В то же время результаты исследования представляли еще «историографию ножиц-и-клея» (Коллингвуд), «авторизованный пересказ источников при произвольном их истолковании» (Литаврин).

Научная историография возникла в первой половине XIX в. (главным образом на континенте Западной Европы). К этому времени были созданы и критика источников, не сводящаяся только к их сравнению, а благодаря работам исторической школы права в Германии и французских историков возникло понимание существенного различия между современным историком состоянием общества и прошлыми состояниями его — был выработан метод историзма для истолкования прошлой реальности¹⁷. Историография превратилась в познание, центральное место в исследованиях стали занимать доказательства выдвигаемых положений.

Дальнейшая судьба научной историографии связана с ответом на вопрос, что делать после первичного установления и истолкования фактов¹⁸. Одни историки стремились к изображению, не только фактически истинным, но и фиксирующим ценности в качестве составляющей. Для этого направления история является научной, но не наукой (а пересечением нескольких форм мысли). Второе направление историков характеризуется стремлением ко все более глубокому познанию и знанию (что не исключает выбора ценностей историком как человеком и указания на свои ценности в тексте исследования). Для этого направления история входит в число наук. Марксистская историография принадлежит ко второму направлению. По-видимому, развитие всех исторических исследований ведет в настоящее время к преобладанию исторической науки над научной историей.

Разделение историков на указанные направления вызывается не только познавательными мотивами, но и ценностными, мировоззренческими обстоятельствами. Последние отражают экономико-политическую реальность борьбы вокруг судеб капитализма. Так, марксизм превратил историографию в науку, но тем самым концепция историографии как науки оказалась связанной с враждебной капитализму силами и в позднекапиталистических обществах возникло, в свою очередь, значимое социальное движение против попыток довести до конца пре-

¹⁷ Интересное рассмотрение последнего см. G. H. Nadel. *Philosophy of History before Historicism*. — «History and Theory», vol. III, No. 3.

¹⁸ «В то время, как критика текстов и критика источников приняла уже научную основу, синтетические процессы в истории совершаются еще на удачу. Сбивчивость понятий, невежество, небрежность, выступающая с поразительной ясностью в работах по внешней критике источников, в исторических сочинениях маскируются до некоторой степени литературным изложением»... Ланглюа и Сеньобос. Цит. соч., стр. 111—112.

вращение историографии в науку. Экономическая реакционность неизбежно приводит к реакционным идеям. Антикоммунизм не может служить фундаментом науки.

§ 2. Уровни исторического познания и знания¹⁹

При рассмотрении структуры научного сознания стало довольно распространенным различение двух уровней познания. Первый из них — теоретическое знание, в пределах которого формулируются законы науки. Второй уровень — эмпирический, на нем формулируются фактические утверждения, полученные в результате экспериментов и наблюдений²⁰. Естественно, приходится вводить и процедуры перехода от одного уровня к другому — такова, например, роль объяснения в концепции К. Гемпеля.

Достаточная при изучении физической или экономической науки, данная схема не является адекватной для описания структуры познания и знания в исторической науке. Установление фактов историками не может начинаться с наблюдения (не говоря уже об эксперименте) прошлой действительности. Исторiku доступна не вся прошлая социальная действительность, а только остатки ее и традиции о ней (кстати, начиная, преимущественно, с XIX в., историки предпочитают остатки традициям). По этим остаткам, и учитывая традиции, историки создают то изображение, которое в естественных науках соответствует протоколам наблюдений и экспериментов. Получается не фиксация данных чувств и приборов, а реконструкция гипотетической картины наблюдения, будь историк на месте событий. Такая реконструкция — рациональная мыслительная деятельность, в ходе которой применяются знания из разных

¹⁹ Представленная в § 2 концепция уровней исторического познания была выдвинута автором в его статье: Об уровнях исторического знания и познания. — Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 301. Труды по философии XVI. Тарту, 1973. Поэтому в нижеследующем дается лишь краткий обзор результатов названной статьи, акцентируя внимание на проблеме последовательности уровней. О проблеме соотношения уровней познания в исторических исследованиях см. также В. П. Красавин. Марксизм и проблема структуры исторического знания. — Пермский политехн. ин-т. Сб. научн. тр. № 59. Проблемы марксистско-ленинской философии и социологии; его же. От факта к историческому описанию. — «Научные доклады высшей школы. Философские науки», 1972, № 2.

²⁰ Как известно, теоретическое и эмпирическое в марксистской философии различаются по несколько другим основаниям, чем в неопозитивизме. Обоснованную зарубежную критику неопозитивизма в этом вопросе — хотя и запоздалую, по сравнению с марксизмом, — см. F. Suppe. «What's Wrong with the Received View on the Structure of Scientific Theories?» — «Philosophy of Science», vol. 39, No. 1, March 1972.

отраслей познания²¹. Эту ступень исторического познания автор называет реконструктивной.

Эмпирическое знание в историографии, например, выяснение регулярностей, является результатом обработки реконструктивного знания. В качестве примеров можно указать на труд советского исследователя А. Р. Корсунского о связи скорости возникновения государственного аппарата у варваров и степени романизации населяемой ими территории²² или на работу английского историка Э. А. Томпсона о связи изменений в религии древних германцев Римского периода с изменениями в их политическом положении²³, не говоря уже о многочисленных исследованиях по экономической истории, проводимых историками разных школ.

Теоретическое знание в историографии существует в формулировках объясняющих законов (в смысле, характерном для физической или экономической науки) и в построении теорий об исторических процессах, охватывающих либо человечество в целом, либо некоторые его части в течение специфических отрезков времени.

Выделенные ступени являются не только логическими образованиями в составе теории о современной исторической науке, но, по-видимому, также ступенями развития этой науки. Реконструктивное знание было практически основной целью академической историографии XIX в. Но уже начиная с Фюстель де Куланжа историки стали выходить за его пределы, к эмпирическому знанию (правда, немецкая академическая историография в значительной мере оставалась на первой ступени до второй мировой войны)²⁴. Переход к теоретическому знанию в пределах исторической науки впервые был совершен марксизмом, когда для объяснения регулярности смены типов экономики и типов общества была выдвинута некоторая модель строения общества («общественно-экономическая формация», «способ производства») и формула соответствия двух множеств явлений (в марксистской терминологии — «производительные

²¹ Ср. Е. Топольский. О роли внеисточникового знания в историческом исследовании. — «Вопросы философии», 1973, № 5; G. Klaus, H. Schulze. Sinn, Gesetz und Fortschritt in der Geschichte. B., 1967, Ss. 12—19.

²² См. А. Р. Корсунский. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963.

²³ См. E. A. Thompson. Christianity and the Northern Barbarians. — Nottingham Mediaeval Studies, vol. I. Nottingham, 1957.

²⁴ Необходимость перехода от историографии (т. е. реконструктивной ступени) к теориям сознается не только марксистами. Так, О. Ф. Андерле еще в 1950-е гг. осудил историографизм и превращение историографии в искусство и указал, что ограничение описательством приостанавливает историографию на ступени, уже пройденной другими науками. Ср. O. F. Anderle. A Plea for Theoretical History. — «History and Theory», vol. IV, No. 1.

силы», «производственные отношения»²⁵. Была предложена также модель для объяснения истории обществ, принадлежащих к некоторому одному, известным способом выделенному типу («Капитал» К. Маркса)²⁶. В настоящее время модельный подход стал характерным в таких областях исторического исследования как, например, аграрная история²⁷, появляются математические модели изменений и развития для определенных отрезков истории²⁸.

Выражением тенденции перехода от реконструктивных к эмпирическим и теоретическим исследованиям являются в настоящее время также попытки сравнительного изучения прошлого человечества²⁹. Сравнение приводит по крайней мере к индуктивному выделению регулярностей и невозможно без образования общих терминов (понятий). Только сравнительное эмпирическое исследование может служить подтверждением (соответственно — опровержением) тех или иных теорий. Правда, ныне сравнительные исследования редко исходят из конкретных теорий или эскизов теорий. Этим предопределяется их ограниченность. Но навряд ли возможно конструирование общих теорий без некоторых предшествующих опытов индуктивного построения обобщающих концепций³⁰. Однако нельзя

²⁵ Анализ марксистской теории формаций см. в статье автора: Методологические заметки о теории общественно-экономических формаций. — Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 225. Труды по философии XII. Тарту, 1969 и J. Schiebel. *Changing the Unchangable*. — «Studies in Soviet Thought», vol. VII, No. 4. Анализ некоторых немарксистских теорий истории экономики см., напр.: G. Bätze. *Die logische Struktur der Wirtschaftsstufen*. Meisenheim an Glan, 1962.

²⁶ Ср. В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 138—140.

²⁷ Ср. J. Topolski. *Von der ideographischen zur theoretischen Agrargeschichte*. — *Studia Historica in honorem Hans Kruus*. Tallinn, 1971.

²⁸ Ср. напр. E. J. Nell. *Economic Relationships in the Decline of Feudalism*. — «History and Theory», vol. VI, No. 3; E. K. Charlesworth. *The Contribution of Rationalization to Industrial Development in Sweden 1918—1939*. — «Economy and History», vol. XII. Lund, 1969; R. W. Fogel. *Historiography and Retrospective Econometrics*. — «History and Theory», vol. IX, No. 3.

²⁹ О задачах сравнительного изучения см. Д. Ф. Марков. Сравнительно-исторические и комплексные исследования в общественных науках. — «Вопросы истории», 1973, № 10. В качестве примеров можно назвать монографию А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Пути развития феодализма. М., 1972 и журнал «Comparative Studies in Society and History».

³⁰ Теория в строгом смысле относится к некоторой модели — ср. напр., S. Toulmin. *The Philosophy of Science*. L., 1967, pp. 16—93. Для построения же моделей необходимо обладать известными предварительными данными и знаниями, напр., фиксировать сходные и различающиеся черты. Следовательно, некоторые индуктивные построения исторически предшествуют «вольному конструированию» объясняющих теорий, предоставляя материал для размышлений и применения готовых (т. е. выработанных другими путями) форм мысли — формализованных языков.

переоценивать темпы перехода историографии на теоретическую ступень. Пока недостаточно и эмпирических исследований, а теории еще редки.

§ 3. Развитие логической структуры исторической науки

Историческое знание³¹ — это знание некоторых последовательностей. В текстах историков эти последовательности фиксируются либо в виде нарратива, либо разбивкой текста на периоды или иные единицы, которые, в свою очередь, упорядочиваются в виде последовательности. Отдельное произведение может и не фиксировать последовательность в пределах своей темы, но тогда оно неявно предполагает возможность построения последовательности, одним из элементов которой будет данное исследование. Среди историков распространено мнение, что в идеальном случае всемирная история может быть изображена путем единой (хотя, может быть, и многолинейной) последовательности,

Среди последовательностей, устанавливаемых историками, следует различать последовательности по времени и генеративные³² последовательности. В случае временных последовательностей фиксируется, в конечном счете, «хроника»³³. Генеративными последовательностями мы будем называть такие последовательности, в которых историки фиксируют возникновение, происхождение одних событий, явлений из предшествовавших им состояний³⁴.

Сами последовательности рассматриваются историками как последовательности событий (или других нерасчлененных явлений) или как последовательности социальных (экономических, политических, юридических и пр.) систем³⁵. При фиксации генеративной последовательности некоторых систем пере-

³¹ Речь идет о знании, в котором фиксируется картина мира, т. е. картина истории, в отличие от знания, в котором осуществляется переход от одного уровня знания к другому.

³² Мы предпочитаем этот термин слову «генетический», употреблявшемуся Э. Бернхеймом (а в настоящее время — Х. Фэйном), вследствие семантической перегруженности последнего слова.

³³ Не в смысле Кроче, а в смысле Уайта — ср. В. Крозе. *Theorie und Geschichte der Historiographie*. Tübingen, 1930, SS. 3—16. М. Уайт. *The Logic of Historical Narration*. — *Philosophy and History*. N.Y., 1963.

³⁴ Представляется излишним введение М. А. Баргом понятий генетического и трансформационного, особенно в противопоставлении к связям, которые он назвал функциональными, ибо и «генетическое» и «трансформационное» являются связями развития, а различаются они лишь по отношению к точке отсчета. Ср. М. А. Барг. Структурный анализ в историческом исследовании. — «Вопросы философии», 1964, № 10, стр. 87.

³⁵ Это различие не понимается Х. Фэйном. Ср. Н. Фэйн. *Between Philosophy and History*. Princeton (N. J.), 1970, pp. 297—298.

ходы от одной системы к другой часто изображаются в виде множества событий. В совокупном исследовании полезно различать два типа структур — структуру самой последовательности и структуры систем, являющихся этапами данной последовательности.

Тенденцией развития историографии является переход от временных последовательностей к последовательностям из систем. В настоящее время временные последовательности применяются либо иногда на реконструктивном уровне, либо сторонниками научной истории (т. е. вне исторической науки). Событийные последовательности, широко распространенные на ранних ступенях историографии, были в XIX в. характерны для школы Ранке и позднее получили наибольшее распространение в изображении политической и военной истории. История права и история поземельных отношений прибегали к системным последовательностям уже в XIX в.³⁶ Это относится не только к французской, но даже и к немецкой историографии³⁷. Марксизм ввел системные последовательности в изучение экономической и политической истории. Среди немарксистов выделение систем явлений в политической истории проводилось Сеньобосом во Франции XIX в.³⁸ и было окончательно оформлено школой Нэмира в XX в. Что же касается экономической и социальной истории, то можно назвать хотя бы школу «Анналов», стремящуюся исследовать исторические структуры и глубинные процессы большой длительности³⁹.

Можно ли сказать, что историки наших дней стали специалистами по социологии, экономике, политической науке о прошлом? По-видимому, единственное оставшееся различие между подходами социальных наук конца XX в. и исторической наукой современности — это имплицитная цель исторического исследования выяснить происхождение и специфику некоторой системы исходя из ее места в той или иной последовательности систем.

³⁶ что стало сознаваться тоже в XIX в. — ср. Ланглау и Сеньобос. Цит. соч., стр. 189—190, 195.

³⁷ Ср. напр. труды известного прибалтийского историка права Ф. Бунге (1802—1897), особенно F. G. v. Bunge. *Geschichtliche Entwicklung der Standesverhältnisse in Liv-, Esth- und Curland*. Dorpat, 1838; eiusd. *Das Herzogthum Estland unter den Königen von Dänemark*. Gotha, 1877.

³⁸ Ср. напр. Ш. Сеньобос. *Политическая история современной Европы*. СПб., 1898, в отличие от А. Дебидур. *Дипломатическая история Европы*. М., 1947, т. I—II — последняя работа оперирует лишь событийными последовательностями.

³⁹ Ср. В. П. Смирнов. *Об изучении новейшей истории во Франции*. — «Вопросы истории», 1974, № 5. Кстати, влияние историков, вышедших из школы «Анналов», отнюдь не ограничивается в наши дни Францией — недавно Плам назвал труды Ф. Броделя образцом того направления, по которому должна пойти современная историография. См. J. H. Plumb. *Rev.: F. Braudel. Capitalism and Material Life*. — «New Statesman» 15. VI. 1973, p. 888.

§ 4. Расширение поля исследований

Когда Коллингвуд утверждал, что историки воссоздают прошлые мысли, в частности мысли, стоявшие за действиями, то он отражал прошлое исторических исследований. Действительно, традиционная преднаучная историография, а также историография, фиксирующая событийные последовательности, изучала прежде всего политические события да иногда еще их мотивы (или рациональные основания). Фоном, основополагающей средой этих событий служило государство — система правительствующих учреждений и совокупность правовых положений (к глубинным политическим структурам обычно не переходили). Иногда изучалась также последовательность, происхождение идей.

Уже французское Просвещение объявляло о необходимости расширять состав исследуемых историками явлений⁴⁰, но реализация этой программы началась лишь в XIX в., когда всерьез стала изучаться история поземельных отношений (хотя редкие исследования по экономической истории выходили в свет и раньше) и появлялись труды о классах и классовой борьбе в истории (напр. Ф. Гизо, О. Тьерри, в России — В. О. Ключевский⁴¹). Заметим, что в странах, где задерживалось буржуазное развитие, удерживало свои позиции и событийно-юридическое направление (напр. концепция С. М. Соловьева о Руси родовой и государственной — в середине XIX в. в России). На позициях примата политики оставались консервативные немецкие историки, чьи труды стали частью официозной прусско-немецкой шовинистической и милитаристской идеологии. Тем не менее, и в германской историографии одной из наиболее характерных черт еще в 1870-х — 1890-х гг. был поворот к социально-экономической тематике исследований⁴².

Решительное расширение поля исследований совершилось в марксизме. Во-первых, марксизм по-серьезному начал исследование экономической истории. Во-вторых, сформулировав определенную концепцию взаимоотношений различных частей общества, марксизм изменил характер исследования отдельных частей, потребовав, чтобы изучение принятых за зависимые частей общественной системы проводилось с учетом не только их внутренней последовательности, но и явлений, происходящих в определяющих системах (в способе производства, в отноше-

⁴⁰ Интересное рассмотрение данного вопроса см. В. К. Яцунский. Историческая география. М., 1955, стр. 279—283, 313—314.

⁴¹ Ср. М. В. Нечкина. Василий Осипович Ключевский. М., 1974. Тема отношения В. О. Ключевского к классам и классовой борьбе проходит через все это исследование.

⁴² Ср. напр. А. И. Данилов. Проблемы аграрной истории раннего средневековья. М., 1958, стр. 36.

ниях производства). Исследование определенного круга явлений дополнялось, таким образом, изучением взаимосвязей этого круга явлений с другими областями человеческой жизни.

Воздействие марксизма вынуждало и историков других направлений пересматривать свои взгляды. Идет ли речь о споре о методе вокруг выступлений К. Лампрехта в немецкой историографии конца XIX — начала XX в., о «новой истории» Дж. Х. Робинсона⁴³ или о школе Бирдов в США, о школе синтеза А. Берра или о школе «Анналов» во Франции — во всех этих случаях мы наблюдаем тенденции как к расширению списка типов объектов исследования, так и стремление выяснить взаимосвязи между разными типами объектов, которое может сопровождаться пренебрежением традиционной политической историографией⁴⁴.

Подобное расширение поля исследований натывалось на недоверие историков более старых школ. Отчасти мотивы такого недоверия были научными. В конце XIX в. можно было еще сомневаться в наличии источников для написания экономической истории. Отчасти влияние оказывали коммерческие факторы — ведь издатели сочинений историков в буржуазном обществе должны, как правило, получать прибыль и ориентироваться на вкусы «читающей публики». Ею же долгое время оставались буржуазные и мелкобуржуазные слои населения (не говоря уже о людях, определяющих содержание школьного обучения истории)⁴⁵, которые отнюдь не всегда готовы проглатывать тома статистических таблиц и страницы математических формализмов⁴⁶.

Не следует также недооценивать роль институциональных факторов. История изучается профессионалами, подготовленными в соответствующих учреждениях, в которых создаются и передаются критерии того, что считать «настоящей» историографией (значение Ранке определяется не только его сочинениями, но и его семинаром). Эти критерии отражают в числе прочих обстоятельств профессиональные интересы лиц, направляющих соответствующие учреждения, и, таким образом, могут способствовать воспроизводству более ранних форм историографии. Так, например, существуют две международные орга-

⁴³ Дж. Х. Робинсон, например, сам признавал роль Маркса в преобразовании исторических исследований. Ср. J. H. Robinson. *The New History*. N.Y.-L., 1965 (Reprint of the 1912 edition), pp. 50—51.

⁴⁴ Ср. В. П. Смирнов. Цит. соч., стр. 96; J. H. M. Salmon. *Rev.: F. Braudel. Écrits sur l'histoire*. P., 1969. — «History and Theory», vol. X, No. 3, p. 349.

⁴⁵ Характерный пример — распространение идей Ч. Бирда. Ср. раннее исследование об этом: M. Blinkoff. *The Influence of Charles A. Beard upon American Historiography*. Buffalo (N.Y.), 1936.

⁴⁶ Ср. напр. J. M. Price. *Recent Quantitative Work in History: A Survey of the Main Trends*. — «History and Theory», 1969, Beiheft 9, p. 6.

низации историков — одна для историков экономики, вторая — для всех остальных. Естественно, что на конгрессах, созываемых каждой из них, проблемы взаимоотношения экономики с остальными частями общества не могут квалифицированно рассматриваться и часто занимают побочное место. В качестве еще одного примера можно указать на влияние немецкой университетской системы в XIX — начале XX в. на немецкую историографию⁴⁷.

Наконец, расширение поля исследований историками настолько тесно связано с вкладом марксизма в изучение истории, что оно неизбежно оказалось подозрительным для всех лиц с антимарксистскими установками. Последние, в свою очередь, отражали наличие и влияние в западных обществах определенного экономического класса — класса буржуазии (который, кстати, в основном определял пути формирования и состав интеллигенции до современной научно-технической революции).

Заключение

Историческая мысль представляет из себя развивающееся явление, при этом характер ее определяется не только «логикой» познания, но и внепознавательными обстоятельствами. В § 1 определялись этапы развития исторической мысли, исходя из целей историографии и имеющихся в наличии методов исследования. В качестве таких этапов были выделены античная, преднаучная (XV — XVIII вв.) и научная историография, а внутри последней, как особый подтип, — историческая наука. В § 2 показывалось, что развитие исторического познания шло от реконструктивной ступени познания и знания к эмпирической и теоретической ступеням. В § 3 выяснялся ход развития логической структуры научной историографии. Было установлено, что ее развитие шло от установления событийных последовательностей к фиксации последовательностей из систем и от временных последовательностей к генеративным последовательностям. Наконец, в § 4 показывалось, что если в поле исследования историографии вначале находились преимущественно политические явления, то позже к ним прибавлялись и все остальные общественные явления, прежде всего экономика; при этом выдвигнутая французским Просвещением программа расширения поля исследований историков была прежде всего осуществлена марксизмом.

В свете полученных результатов можно упрекать практически всю немарксистскую теорию исторического познания в недопустимом отвлечении от истории самой истории. Нельзя

⁴⁷ Cp. G. G. Iggers. The Decline of the Classical National Tradition of German Historiography. — «History and Theory», vol. VI, No. 3, p. 382.

решать, скажем, вопрос о роли нарратива в историографии без учета того, какой тип историографии рассматривается. В преднаучной историографии, или на реконструктивной ступени, или при фиксации временной последовательности событий нарратив являлся средством, которыми историки часто пользовались. В этих случаях его можно даже рассматривать как сущностную характеристику историографической формы познания. На других же этапах и уровнях этого делать нельзя.

Разнообразие современной историографии объясняется, исходя из полученных результатов, сосуществованием в наши дни принадлежащих к генеративно разным типам исторических сочинений или же наличием разных уровней знания внутри самого историографического сознания. Всякие рассуждения о «сущности» или специфике исторического сознания, не учитывающие наличия нескольких этапов и типов исторического знания, оказываются в своей общей части (в отличие от эмпирической части) только беспочвенной спекуляцией либо *неявным* методологическим требованием принимать описываемое в таком исследовании за образец для подражания историками, потому что не существует историографии «вообще», а существует определенным образом упорядоченная система из разных типов исторических произведений.

Поступила в редакцию 25 сентября 1974 г.

ИДЕИ ГЕГЕЛЯ И СОВРЕМЕННОЕ ФИЗИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ

В. П. Хютт

«Современные естествоиспытатели найдут... в материалистически истолкованной диалектике Гегеля ряд ответов на те философские вопросы, которые ставятся революцией в естествознании.»

В. И. Ленин

1. Гегель и физика: к постановке проблемы

Приведенная в эпиграфе мысль Ленина¹ приобретает особую актуальность в связи с непрекращающимися дискуссиями вокруг философских проблем современной квантовой теории. Действительно, до создания квантовой механики и ее копенгагенской интерпретации в 30-х годах этого века влияние диалектических идей Гегеля на физическое познание не находило явного подтверждения. Если обратиться к революционному для физики рубежу XIX и XX столетий, то, как показывают соответствующие исследования², физики в основном не принимали философию Гегеля. Р. Майер, например, характеризовал сочинения Гегеля как «лингвистические упражнения», М. Лауэ писал, что вследствие влияния Гегеля на философию последняя потеряла значение в глазах большинства физиков. Даже Гельмгольц, который, наряду с химиком Шорлеммером, составлял в этом отношении исключение, обвинял Гегеля в том, что его философия противоречит фактам природы.

Дело не изменилось и после открытия теории относительности: по этому поводу в 20-х и 30-х гг. нашего века

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 30.

² Н. Hörz. Die Bedeutung der Hegelschen Dialektik für die Physik. — «Zum Hegel-Verständnis unserer Zeit», Berlin, 1972, S. 200—223. См. статью того же автора на эту же тему в «Wiss. Zeitschr. der Humboldt-Univ. zu Berlin», Bd. 20, N 2, 1971, S. 257—261.

оживленно обсуждалась теория познания И. Канта, а Гегель по-прежнему оставался в тени.

Лишь после создания в 30-х годах Н. Бором интерпретации квантовой механики на основе концепции дополнительности стала выясняться адекватность идей Гегеля философским проблемам физического познания. Опираясь на открытые им особенности квантово-механического описания физической реальности (фундаментальная роль средств и условий познания, проблема адекватности и обязательности классического языка при описании квантовых явлений и др.), Н. Бор впервые сознательно и серьезно поставил проблемы субъективного и объективного, активной роли субъекта в физическом познании. И. С. Алексеев, анализируя процесс возникновения квантовой механики, убедительно показал, что Н. Бор с самого начала был вынужден действовать и действовал как **сознательный диалектик**³. Именно то обстоятельство, что рефлексия над коренными, «интимнейшими» гносеологическими проблемами субъективного и объективного в знании стала атрибутом нового физического способа мышления Н. Бора — концепции дополнительности —, именно это обстоятельство определяет актуальность соответствующих философских идей Гегеля «гносеологическим урокам» квантовой теории.

Возрастающий интерес физиков к философским идеям Гегеля можно проиллюстрировать на примере одного из учеников Бора и Гейзенберга видного физика-квантовика фон Вайцзеккера. Его интенсивный интерес к философии Гегеля отмечался немецким марксистом Х. Хёрцем⁴. Дальнейшим подтверждением этого служат две лекции⁵, недавно прочитанные фон Вайцзеккером, о философском понимании современной физики. Основной идеей первой лекции является мысль о том, что развитие науки приводит к появлению особой науки о развитии. Эта мысль является развитием более ранних заметок фон Вайцзеккера о значении гегелевской концепции знания и истины для науки⁶.

Характерно, однако, что в двух упомянутых лекциях современного физика используются идеи, обороты мысли и даже терминология Гегеля⁷, но при этом ни разу не упоминается

³ И. С. Алексеев. Развитие представлений о структуре атома. Новосибирск, «Наука», 1968, стр. 49.

⁴ Н. Hörz. Указ. соч., s. 206.

⁵ C.-F. Frh. v. Weizsäcker. Die philosophische Interpretation der modernen Physik. — «Nova Acta Leopoldina», Neue Folge, Bd. 37/2, N 207, 1972, S. 1—39.

⁶ C. F. v. Weizsäcker. The Relevance of Science, London, 1964, pp. 173—175.

⁷ C. F. Frh. v. Weizsäcker. Die philosophische Interpretation...., S. 7: «...развитие науки тендирует к некоторой науке о развитии.» Ср. также выражение «феноменология опыта» (там же, S. 26) и т. д.

ния этого немецкого философа. Этот примечательный факт можно объяснить на наш взгляд тем, что для современного физика фигура Гегеля по-прежнему остается весьма одиозной. Действительно, несмотря на реверансы Гегеля в сторону физики⁸, на провозглашение взаимосвязи физики и философии, требуемой самой сутью познания⁹, на необходимость диалектики в физическом познании¹⁰, — несмотря на все это, метод Гегеля и его натурфилософия глубоко чужды духу современного естествознания. Причинами этого служат следующие факторы: во-первых, спекулятивно-умозрительный и идеалистический характер метода, при котором знание конституируется исключительно из «в себе и из себя» развивающегося понятия. Во-вторых, — и это главное — Гегель отрицает саму суть естественнонаучного познания: самостоятельное и равноправное с разумом значение опыта, эмпирии как суверенного источника знания. Так, критикуя эмпиризм и в то же время подчеркивая положительное в принципе эмпиричности¹¹, Гегель на деле отрекается от этого положительного в своей концепции природы. Природа для него есть лишь идея в чуждой форме инобытия внешности. Следовательно, как указывал К. Маркс, он не знает действительной природы как суверенного источника знания. При таком абстрактном понимании природы она превращается для человека в ничто¹². Но тем самым подрывается основа взаимосвязи философии и естествознания: «Налицо была воля к объединению, способность же отсутствовала.»¹³

И, наконец, в третьих, не следует забывать ошибочную критику Гегелем современных ему естественно научных концепций и теорий (теория тяготения Ньютона, теория цветов Ньютона), а также неверное понимание и оценку роли математики в физическом познании.

Поэтому, как правильно отмечает Х. Хёрц, понимание значения Гегеля для современной физики возможно только на основе марксистско-ленинской философии¹⁴. Руководящей

⁸ «... в ней (физике. — В. Х.) содержится гораздо больше мысли, чем она допускает и знает, и мы имеем полное право сказать, что физика лучше, чем она сама предполагает...». Гегель. Философия природы. Соч., т. II, М.—Л., 1934, стр. 6.

⁹ См. Гегель. Философия природы, стр. 5—6; его же: Энциклопедия философских наук. Ч. I. Логика. М.—Л., 1930, стр. 56, 346.

¹⁰ Гегель. Философия природы, стр. 89.

¹¹ Гегель. Энциклопедия философских наук. Ч. I. — Логика (§ 38), Соч., т. I, М.—Л., 1930, стр. 79: «В эмпиризме заключается великий принцип, гласящий, что то, что истинно, должно быть в действительности и наличествовать для восприятия».

¹² К. Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 года. К. Маркс и Ф. Энгельс: Из ранних произведений. М., 1956, стр. 640.

¹³ К. Маркс. Цит. соч., стр. 595.

¹⁴ Н. Нötz. Указ. соч., S. 223: «Поэтому понимание Гегеля современными физиками возможно только через марксистско-ленинскую фило-

идеей исследования в этом направлении служит мысль Ф. Энгельса о том, что настоящая философия природы Гегеля содержится не в его «Философии природы», а в логико-диалектической концепции немецкого философа¹⁵. Ниже будет показано, в какой степени диалектические идеи «Феноменологии духа» могут помочь осмыслению и решению «гносеологических уроков» (Н. Бор) квантовой механики.

2. Идея активности субъекта и проблема объективности квантовомеханического знания

Острота философских дискуссий вокруг теоретико-познавательных проблем квантовой механики обусловлена особым значением активной роли субъекта в конституировании квантовомеханического знания. Это хорошо известно уже из работ основоположников квантовой теории и ее копенгагенской интерпретации Н. Бора и В. Гейзенберга. Немецкий физик фон Вайцзеккер, активно пишущий по философским проблемам квантовой механики, в недавно вышедшей монографии вновь подтвердил тезис о «вычеканивании субъективности» в квантовой механике как событии, сравнимом по значению с самим фактом возникновения классического естествознания¹⁶. Другой выдающийся физик современности Е. Вигнер также оценивает эту «субъективность» в качестве уникальной специфики квантовой теории¹⁷.

Проблема активности субъекта в квантовой механике имеет две стороны. Первая сторона — общая, гносеологическая. Она

софию. «Разумеется, это имеет силу не только к физикам, но и к философам, ищущим действительно научное значение идей Гегеля для современного физического познания».

¹⁵ Ф. Энгельс. Письмо Ф. А. Ланге от 29 марта 1865. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 31, стр. 395. Здесь Энгельс конкретно указывает на значение учения о сущности во второй книге «Логики». Позже в письме к Марксу Энгельс связывает с изучением гегелевского наследия естествоиспытателями надежду на «возврат к действительно разумному взгляду на природу». (Ф. Энгельс, Письмо к К. Марксу от 21 сентября 1874. — К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 33, стр. 105). Здесь же Энгельс замечает, что современный ему «ограниченный рассудок естествоиспытателей может использовать только отдельные места большой Логики, хотя она значительно глубже проникает в диалектическую сущность вещей».

¹⁶ C. F. von Weizsäcker. Die Einheit der Natur. 2. Auflage, München, 1971, S. 440.

¹⁷ E. P. Wigner. Physics and Explanation of Life. — «Foundation of Physics», vol. 1, No. 1, 170, p. 38. В этой связи Е. Вигнер высказывает мнение, что «к правильным эпистемологическим выводам нельзя прийти без подробного анализа процесса приобретения знаний.» Следовательно, необходима работа философа: «... не выходим ли мы, физики, в поисках философской истины за пределы нашей компетенции? Я думаю, что, вероятно, выходим». (Е. Вигнер. Этюды о симметрии. М., «Мир», 1971, стр. 142).

свойственна в той или иной мере всему современному физическому познанию и в первую очередь теории относительности. В квантовой механике эта сторона лишь выражена наиболее рельефно. Вторая сторона — специфически квантовомеханическая. Рассмотрим сначала общую сторону.

С тем, что активность субъекта играет все возрастающую роль в физико-теоретическом познании, согласны почти все. Разногласия начинаются с понимания самой природы и последствий этой активности. Суть проблемы сводится к следующему: оставляет ли активность субъекта какой-либо «след» в самом содержании физического знания или связанный с этой активностью момент субъективности элиминируется в итоге. По этому вопросу в советской философской литературе имеются две точки зрения. С абсолютным элиминированием момента субъективности из содержания знания связан выдвигаемый Б. Я. Пахомовым так называемый принцип объективизации знания. Как подчеркивает автор принципа, смысл термина «объективное знание» (под которым подразумевается понятие объективной истины) состоит в том, что «в содержании этого знания выражен способ действия самой природы, отношение вещи к другой вещи, имеющее место безотносительно к человеку, способам и средствам его познавательной деятельности или труда.»¹⁸ Последнее обстоятельство — независимость «от труда» — весьма существенно, так как этим утверждается элиминирование из знания моментов, связанных с практикой, с предметночувственной деятельностью субъекта. С другой точки зрения, дело обстоит гораздо тоньше: «Релятивистская и квантовая методология даже сохраняют тезис о возможности абсолютно-объективного описания в физике, однако рассматривают этот тезис как идеал, к которому стремится физическое познание и который реализуется в каждой (новой) конкретной теории и в каждом конкретном способе описания лишь частично, неполно, относительно.»¹⁹ Итак, является ли квантовомеханическое описание абсолютно-объективным (в смысле элиминированности субъективности, связанной с практической деятельностью субъекта — прибор и классический язык как опредмеченный результат деятельности с прибором) или это есть лишь идеал, неполно реализуемый «квантовой гносеологией»?

Решению проблемы может помочь обращение к наследию Гегеля. В «Феноменологии духа. Введение» Гегель анализирует

¹⁸ Б. Я. Пахомов. Ленинская концепция объективной истины и современная физика. — «Вопросы философии», 1970, № 1, стр. 60.

¹⁹ П. В. Копнин, П. С. Дышлевый. Идеи В. И. Ленина о всеобщей гибкости понятий и современное физическое познание. В сб.: Ленин и современное естествознание. М., «Мысль», 1969, стр. 66.

ситуацию «познавание — орудия познания» и приходит к выводу, что применение орудия к какой-либо вещи не оставляет ее в прежнем виде, но формирует и изменяет ее. Поэтому, даже зная способ действия орудия, мы не можем получить «истинного в чистом виде»: «Ведь если мы отнимем от сформированной вещи то, что сделало с ней орудие, то эта вещь... предстанет перед нами опять в том же самом виде, в каком она была и до этой, стало быть, ненужной работы. ... После вычета познания для нас обозначилось бы только чистое направление или пустое место.»²⁰ Здесь же Гегель вскрывает предпосылки тезиса об абсолютном элиминировании из знания средств и условий процесса познания: возможно некое «чистое» знание помимо и в противоположность реальному процессу познания, познание и знание изначально рассматриваются как различные и чуждые друг другу (ведь процесс познания в итоге оказывается излишним), познание не имеет отношения к знанию, безразлично ему. Такая точка зрения на соотношение результата и средств явно недиалектична. Для нас сейчас важно не столько решение проблемы Гегелем путем раскрытия диалектики движения формообразований сознания, сколько сама постановка вопроса — средства познания не могут быть безразличны результату познания, т. е. знанию. Эта мысль философски фундирует аналогичную проблему в квантовой механике, но решение проблемы зависит от «специфической логики специфического предмета» (К. Маркс).

Познавательному процессу современной физики соответствует не простая схема созерцательного материализма — субъект и объект, но трехчленная структура познания: физический объект — условия познания (как основа, условие и опредмеченная форма деятельности с объектом) — субъект. «Тут действительно, объективно **три** члена: 1) природа; 2) познание человека, = **мозг** человека (как высший продукт той же природы) и 3) форма отражения природы в познании человека, эта форма и есть понятия, законы, категории etc.»²¹ Новое здесь состоит в существенном акценте на условия познания. Гносеологически это означает изменение позиции субъекта в ситуации познания: субъект двояким образом входит в гносеологическую ситуацию познания. С одной стороны, он входит на старой основе в качестве познающего индивида, творца теории; с другой стороны, он входит в качестве средств и условий оперирования физическими объектами. Эти условия (прибор, классический язык) представляют собой не только нечто природное, но воплощают в опредмеченном виде деятельность

²⁰ Гегель. Соч., т. IV, М., 1959, стр. 42.

²¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 164. Подробный анализ этой структуры см. П. В. Копнин, П. С. Дышлевый. Цит. соч., стр. 66—67.

субъекта; их гносеологическая нагрузка заключается в переводе информации с квантового уровня на классический. Учитывая влияние этих условий на образование знания (а непосредственное знание о микромире, помимо этих условий, вообще не имеет места), субъект осознает самого себя в качестве входящего в гносеологическую ситуацию: «...в развитом знании познающий субъект как бы раздваивается: он ставит себя в «третью позицию» по отношению к себе и объекту и объясняет ту или иную субъективную «точку зрения» определенной «проекцией» объекта на субъект, рассматриваемый в качестве объекта.»²² Таким образом, средства и условия познания детерминируют не только процесс познания, но и «оседают» в его результате — в знании. В этом и состоит смысл «вычеканивания субъективности» в современном физическом познании.

Сказанное не означает, что квантовомеханическое знание теряет объективный характер. Объективность знания означает независимость содержания знания от сознания, но отнюдь не от предметно-чувственной деятельности, практики. В. И. Ленин указывал: «Господство над природой, проявляющее себя в практике человечества, есть результат объективно-верного отражения в голове человека явлений и процессов природы, есть доказательство того, что это отражение **(в пределах того, что показывает нам практика)** (выделено мною. — В. Х.) есть объективная, абсолютная, вечная истина.»²³ Другими словами, абсолютная объективность знания понималась Лениным не как завершённое состояние, но на базе и в пределах продолжающегося процесса практической деятельности. Следовательно, практика является не только критерием истины, но и определяющим элементом самого содержания объективного знания. Знание, будучи всегда объективным по содержанию, т. е. будучи знанием о чем-то, что находится за пределами собственно знания, тем не менее осуществляется в качестве верного отражения не «под формой вечности», но на базе практики.

3. Диалектика «формообразований сознания» и особенности познания микромира

Вторая сторона активности субъекта в квантовой механике связана со специфически квантовомеханическим явлением — так называемой редукцией волнового пакета. Суть дела в том, что шредингеровский математический формализм не описывает сам процесс измерения как переход от возможного к действи-

²² В. А. Лекторский. Принципы воспроизведения объекта в знании. В сб.: Вопросы теории познания. М., 1969, стр. 38.

²³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 198.

тельному («актуализацию»). В то же время то или иное понимание этого процесса необходимо, ибо без этого квантовая механика не будет **физическим** знанием. Так, В. Гейзенберг справедливо отмечает, что чисто математическое описание при помощи ψ -формализма, правда, абсолютно объективно (т. к. описывает мир объективных потенциальных возможностей микрообъекта), но «абсолютно и нефизично», поскольку принципиально не связано с возможными экспериментами²⁴. Парадокс состоит в том, что не существует последовательной физической теории физического измерения. Новейшие развития математической формулировки теории измерения не дают последовательного чисто физического решения этого парадокса.

Существуют два пути решения проблемы измерения. Первый путь берет начало от основополагающей работы фон Неймана²⁵ и состоит в постулировании физического значения сознания наблюдателя как необходимого элемента физического знания: цель математического описания где-то должна быть разорвана актом «наблюдения». В результате этого субъективного акта квантовомеханическое описание реальности конституируется в качестве физического знания. Эта точка зрения, вводящая субъективизм в квантовую механику (как зависимость квантовомеханического знания от сознания субъекта), поддерживается В. Гейзенбергом, Е. Вигнером, фон Вайцзеккером.

Другая точка зрения связана с концепцией дополненности Н. Бора. Вместо введения «наблюдателя» с его сознанием, Н. Бор указывает на необходимость классического описания прибора и на неизбежность фундирования чисто квантовомеханического описания языком классической физики. По свидетельству Крамерса, Бор предлагал рассматривать квантовое и классическое описания в виде своеобразных карикатур на одну и ту же реальность²⁶. Только при особом, дополнительном сопряжении этих «карикатур» (квантового и классического способа описаний) реализуется квантовая механика как физическое знание: квантовые понятия с необходимостью обосновываются классическими, но не сводятся к ним!²⁷

Ниже мы постараемся философски аргументировать боровскую, антисубъективистскую точку зрения. По существу Н. Бором был поставлен вопрос о переходе к новому, отлич-

²⁴ В. Гейзенберг. Развитие интерпретации квантовой теории. В сб.: Нильс Бор и развитие физики. М., ИИЛ, 1958, стр. 41.

²⁵ Фон Нейман. Математические основы квантовой механики. М., «Наука», 1964, стр. 306—309.

²⁶ См. «Die Naturwissenschaften», Н. 27, 1923 S. 559.

²⁷ См. В. П. Хютт. О природе квантовомеханического описания реальности. — «Известия АН ЭССР. Физика. Математика», т. 19, 1970, № 3.

ному от классического, **предмету знания**²⁸. Общие законы движения сознания при таком переходе разработаны Гегелем в его диалектике «опыта сознания» в «Феноменологии духа». Согласно Гегелю в знании различаются два момента: момент «для сознания» (собственно знание) и момент «в себе», или истины (сторона предметности). Познающий субъект всегда имеет, таким образом, знание о чем-либо и предмет знания. В результате деятельности сознания знание меняется. При этом происходит смена предмета знания: «Но с изменением знания для него (сознания. — В. Х.) фактически изменяется и сам предмет, так как наличное знание было по существу знанием о предмете; вместе с знанием и предмет становится иным, ибо он по существу принадлежал этому знанию.»²⁹ В применении к созданию квантовой механики это означает, что с появлением нового знания (знания о квантовых явлениях) возникает проблема построения предмета этого знания как идеальной реконструкции более глубокой объективной реальности (микромира). Субъективистская точка зрения на познание смазывает это требование воссоздания предмета знания. Считается, что описание при помощи математического аппарата волновых функций есть просто средство для исчисления вероятностей результатов наблюдения, а «квантовая механика не описывает реальность, но лишь дает статистические корреляции между подходящими наблюдениями.»³⁰ Таким образом, опираясь на Гегеля, можно показать причину субъективистских заблуждений в интерпретации квантовой механики: она состоит в игнорировании появления нового момента предметности во вновь появляющемся квантовомеханическом знании.

Далее Гегель открывает весьма важный закон движения формообразований сознания: вместе с новым предметом «выступает и новая форма существования сознания, для которой сущность есть нечто иное, чем для предшествующей формы.»³¹ Появление новых формообразований сознания в результате «опытов сознания» имеет большое значение с точки зрения методологии научного познания. Реальный смысл этого открытия Гегеля состоит в том, что утверждается возникновение **нового типа физического знания** в связи с коренным изменением предмета знания. Разумеется, опять доказательство лежит в

²⁸ «При переходе от первичного акта познания к знанию мы встречаемся с преобразованием объекта познания как естественного объекта в объект как способ усвоения естественного объекта в знании» (Ф. М. Канак. Измерение и проблема реальности в физике. В сб.: Методологические проблемы измерений. Киев, 1966, стр. 148). Этот объект как способ усвоения и образует предмет знания.

²⁹ Гегель. Соч., т. IV, М., 1959, стр. 48.

³⁰ E. P. Wigner. Epistemology of Quantum Mechanics. — «Contemporary Physical Trieste Symposium 1968», vol. 2, Vienna, 1969, p. 435.

³¹ Гегель, там же, стр. 49.

области специфики квантовомеханического описания реальности. Оно опирается на фундаментальный факт уникального соотношения квантовой механики и механики классической. С одной стороны, классическая механика не является обычным (аналогично теории относительности) предельным случаем механики квантовой. «Классическая механика должна рассматриваться как нечто существенно отличное от механики квантовой, но не как предельный случай последней.»³² С другой стороны, — и в этом суть дела, — «квантовая теория предполагает существование классических явлений и общую правильность классических понятий при описании этих явлений.»³³ Итак, квантовая механика одновременно и отрицает механику классическую, и предполагает ее в качестве своей основы. Гносеологический смысл этого соотношения теорий состоит в том, что с изменением предмета знания на квантовый появляется новая форма осознания физического объекта (микромира), для которой содержание есть нечто существенно иное, чем для предшествующей формы (классического типа знания), но, тем не менее, эта **новая форма осознания объекта обосновывается предшествующей, не сводясь к ней.** Квантовомеханическое знание приобретает гностическое значение, только будучи как бы отражено в классическом знании. Этот новый гносеологический феномен можно обозначить **феноменом рефлексивности знания.** Специфически квантовомеханическая сторона активности субъекта в квантовой механике выражается феноменом рефлексивности квантовомеханического знания, что находит конкретное выражение в следующих факторах:

1) особенность построения предметной области квантовой механики: закономерности поведения идеального объекта данной предметной области (аналогичного, например, материальной точке классической механики) формулируются без ясного модельного представления о самом объекте, специфически дополнительным способом в смысле принципа дополнительности Бора;

2) парадокс измерения приводит к тому, что в тело теории входят «чужеродные» с классической точки зрения элементы философско-методологического характера (принципы соответствия и дополнительности, постулат необходимости классических понятий и т. д.);

3) если ранее в классической физике такого рода принципы играли роль лишь «строительных лесов» теории и оказывались лишними после построения теории, то в случае квантовой механики без них невозможно адекватное понимание физического смысла теории;

³² N. Rosen. In «American Journal of Physics», Vol. 32, No. 8 (1964), p. 599.

³³ Д. Бом. Квантовая теория. М., Физматгиз, 1961, стр. 715—716.

4) если в классике идеальные объекты зачастую отождествлялись с реальностью, и это было незаметно или, по крайней мере, несущественно для физического познания, то в квантовой механике именно сознательный акт учета несовпадения конструкции-отражения и реальности есть существо дела в построении интерпретации теории.

Нетрудно видеть связь феномена рефлексивности с идеями Гегеля: законы формообразований сознания в общем виде подготавливают и отчасти обосновывают эту рефлексивность.

Поступила в редакцию 20 апреля 1974 г.

АНТИЧНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ВРЕМЕНИ И ЕГО СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ

А. М. Аарелайд

Даже беглый обзор различных представлений о времени показывает, что эти представления изменяются в историческом плане. Исторически конкретные представления о временных процессах всегда зависят от реального содержания человеческой деятельности в рамках определенного общества. Это обстоятельство заставляет нас ставить вопрос о факторах, которые воздействуют как на процессы социального **изменения** и исторического **развития**, так и на формирование культурного **своеобразия** конкретных представлений о времени. Иными словами — перед нами стоит задача изложения **социально-исторической детерминации** понимания временных явлений.

Такая постановка проблемы представляет не только гносеологический интерес, но имеет и крупное идеологическое значение, так как вопросами детерминации различных представлений о времени занимаются, помимо марксистов, многие буржуазные философы и социологи. Среди последних нетрудно различить сторонников двух крайних тенденций, а именно — физикализма, с одной стороны, и социологизма, с другой. Несомненной заслугой авторов этих тенденций является то, что они противопоставляют свои учения чисто субъективно-идеалистическим концепциям кантовского типа, в рамках которых время рассматривается в качестве неизменной априорной формы чувственности. Физикалисты и социологи, наоборот, интересуются проблемами исторической изменчивости человеческих представлений о времени. Но крайности их интерпретации состоят в том, что оба эти направления понимают процесс детерминации изменения представлений о времени как процесс однозначный и жёсткий. Физикалисты, которые стоят на позициях строгого сциентизма, считают процесс исторического изменения понимания времени зависящим исключительно от развития научной физической картины мира. В то же время, последователи социологизма (напр., Э. Дюркгейм, П. Сорокин, Дж. Дейч) утвер-

ждают, что специфика представлений о времени зависит только от типа межчеловеческих социальных отношений.

Обе названные позиции, а также современный субъективно-идеалистический априоризм, с марксистской точки зрения, неприемлемы.

Изучение процесса детерминации отдельных представлений о времени и соответствующих понятий в марксистской литературе рассматривается как один из аспектов анализа социально-исторической детерминации человеческого познания в целом. Но последний, в свою очередь, подчиняется уже общеметодологическим принципам определения взаимодействия общественного сознания и общественного бытия.

В рамках данной статьи обращается внимание на тот факт, что основоположники марксизма во многих своих трудах рассматривали порождение общественного сознания общественным бытием как **многосторонний и целостный** процесс. Уже в «Немецкой идеологии» они писали, что для того, чтобы «изобразить деятельность гражданского общества в сфере государственной жизни, а также объяснить из него все различные теоретические порождения и формы сознания, религию, философию, мораль и т. д.»¹, надо исходить «из материального производства непосредственной жизни, рассмотреть действительный процесс производства и понять связанную с данным способом производства и порожденную им форму общения»². Значит, чтобы объяснить сущность социальной детерминации определенных явлений духовной сферы, в том числе и конкретных представлений, надо исходить из целостного комплекса общественных отношений, как производственных, так и юридических, политических, идеологических, религиозных и т. д. С марксистской точки зрения нельзя трактовать формирование тех или иных философских или теоретических представлений только в рамках господствующих в данном обществе юридических, идеологических или научных взглядов. Также нельзя объяснить особенности мировоззренческого порядка плоскими сравнениями их с системами производственных или социальных отношений.

Из сказанного, конечно, не следует, что анализ зависимости отдельных понятий и представлений от общей характеристики определенной картины мира или от конкретных социальных отношений является методологически вообще некорректным. Но такие сравнения могут быть научными только в том случае, если постоянно имеется в виду и весь процесс детерминации общественного сознания общественным бытием. В противном случае анализ детерминации конкретных представлений в зависимости от данной картины мира, от социальных отношений и т. д. оказывается переоценкой отдельных сторон сложной систе-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 37.

² Там же, стр. 36—37.

мы взаимодействия многих факторов. Вышеупомянутые физикализм и социологизм являются учениями, содержащими момент именно такой переоценки. Они научно неоправданы и с идеологической точки зрения дают возможность лжеинтерпретаций, так как именно из таких односторонних трактовок и возникают дискриминирующие ряд обществ концепции «абсолютного культурного релятивизма», несравнимости картин мира различных культур и т. д.

* *

*

Основная цель данной статьи состоит в анализе социально-исторической детерминации господствующих в античном обществе конкретных представлений о времени. При этом в нашу задачу не входит трактовка всех факторов, образующих сложный комплекс отношений социально-исторической детерминации. Нас интересует лишь одна определенная корреляция, наблюдаемая в многосторонней и целостной системе формирования социальной детерминации конкретного представления. Мы рассматриваем корреляцию между спецификой выражения древнегреческих пониманий времени и специфическими чертами античного способа производства.

Поскольку взаимосвязь конкретных представлений о времени и способом производства оказывается опосредованной многочисленными факторами, данную корреляцию можно зафиксировать только косвенным путем. А именно, необходимо прежде всего выявить такие присущие античным представлениям о времени свойства, которые оказываются одновременно характерными для всей древнегреческой картины мира, а затем найти в комплексе производственных отношений такие конкретные факторы, которые могли бы оказать влияние на процесс формирования рассматриваемых выше специфических черт представлений о времени.

Поскольку такая опосредованная реконструкция интересующей нас корреляции имеет явно гипотетический характер, задачей нашей статьи является анализ реальной обоснованности данной корреляции.

* *

*

Распространенным в древнегреческой культуре с VII до III века представлениям о времени присущ довольно быстрый темп развития их в определенное понятие и далее — в философскую категорию. Если в гомеровскую эпоху VIII—VII вв. д. н. э. мы имеем дело с чисто мифологическими трактовками времени,³ то

³ Здесь мы имеем в виду работы Гесиода и Гомера.

в классическом периоде (IV—III вв. д. н. э.) время выступает уже в качестве самостоятельного теоретического понятия.⁴

Античные представления о времени оказываются значительными в первую очередь потому, что они отражают переходный момент от мифологического типа мышления к теоретическому освоению мира⁵. В процессе формирования теоретико-понятийной трактовки мира, время, как теоретическое понятие, резко противопоставляется вещественно-мифологическому представлению о нем. Но тем не менее время же как философская категория еще тесно связано с мифологическим стилем мышления⁶.

Несмотря на характерную для данного периода пестроту и изменчивость в определении времени, мы можем выделить общие для всех представлений черты в его понимании.

Следует отметить, что почти все присущие данной эпохе определения времени представлены в космологическом строе мышления, ибо время рассматривается в них как существенный момент процесса возникновения и уничтожения Вселенной и как способ регулярных повторений небесных явлений.

⁴ Как известно, первым определяет время как философскую категорию Аристотель. См. Аристотель. Физика, гл. IV, М., 1936.

⁵ В целом ряде работ, касающихся соотношения философского и мифологического стилей мышления, миф рассматривается как основной и первичный способ освоения мира, а философия — как вытекающая из мифа вторичная форма познания (см., например, E. Cassirer, *Philosophie der symbolischen Formen*. B., 1923—1929; P. R a d i n, *Primitive Man as Philosopher*. New York, 1957; Cl. L é v i - S t r a u s s. *Structural Anthropology*. New-York, 1967).

Такой антиисторической тенденции противопоставляется другая точка зрения — сравнительно-историческая трактовка проблемы, которая исходит из того, что мифологический и теоретический (философский) стиль мышления возникают в различных социально-экономических условиях, ибо становление и развитие философии оказывается, возможным лишь на сравнительно высоком уровне технического базиса и разделения труда (см., например, А. Ф. Лосев. *История античной эстетики, ранняя классика*. М., 1965; Ф. Х. Кессиди. *От мифа к логосу*. М., 1972; J.-P. Vernant. *Mythe et Pensée chez les Grecs*. p., 1971).

В переходный период отделения философии от мифологии нередко возникает ситуация, при которой, в целях сохранения целостности картины мира, философскими понятиями описываются некоторые черты, свойственные мифологическим представлениям. Позже к этой тенденции прибавляется осознание и лишь после этого философия окончательно совобождается от мифологии.

О своей близости к мифологии некоторые античные авторы писали и сами: «Но тот, кто испытывает недоумение и изумление, считает себя незнающим (поэтому и человек, который любит мифы, является до некоторой степени философом, ибо миф слагается из вещей, вызывающих удивление)» — Аристотель. *Метафизика*. М., 1944, стр. 22.

⁶ См., например, В. П. Гайденко. Тема судьбы и представление о времени в древнегреческом мировоззрении. — «Вопросы философии», 1963, № 9, где рассматривается соотношение натурфилософского понятия времени с мифологическими представлениями о судьбе.

Космологическая и комогоническая трактовка времени в рамках античной картины мира⁷ является закономерной, ибо для людей, живущих в этот исторический период, астрономические события являлись основными свидетелями цикличности и регулярности живой природы, окружающей действительности⁸. Солнце, Луна и звезды существуют в античном миропонимании как основные показатели космической⁹ вечной гармонии и упорядоченности, т. е. в принципе время рассматривается как выражение регулярности изменчивости и чередования определенных состояний, как «мерило».

Господствующее в древнегреческом мировоззрении понимание времени нельзя трактовать в качестве независимой от вещей и событий системы отсчета,¹⁰ так как в рамках древнегреческой культуры главное внимание уделялось именно качественной стороне времени. Что это означает? В связи с тем, что греки не могли представить себе временные отношения, стоящие за реальными вещами и событиями, время всегда рассматривалось ими как выражение внутренних состояний и изменения конкретных вещей и событий¹¹. На основе такой интерпретации природа времени определялась только вместе с природой вещей и событий [схематично: вещь₁ (в мгновении₁) → вещь₂ (в мгновении₂) → вещь_n (в мгновении_n); вещь₁ ≠ вещь_n; мгновение₁ и мгновение_n — несравнимы].

Аналогично чувственным вещам время имеет определенное начало и конец¹³ и в таком виде оно рассматривается в каче-

⁷ См. об этом Д. Ж. Уйтроу. Естественная теория времени. М., 1964, стр. 44.

⁸ «Значит небесным узором надо пользоваться как пособием для изучения подлинного бытия, ... причем всячески стараться добиться здесь истины, между тем как небесные светила имеют тело и воспринимаются с помощью зрения». — Платон. Государство (Соч., т. 3, ч. 1, М., 1971, 530 А и В₁, стр. 341), т. е. при помощи зримого неба оказывается возможным познание незримой истины, истинной сущности времени.

⁹ О значении космоса см. на стр. 130.

¹⁰ В четком виде это свойственно ньютоновской трактовке времени. Греки, конечно, владели количественной стороной времени — особенно числом как измерением времени — но в то же время чисто количественное определение его не являлось характерным для античности.

¹¹ «... у предмета, находящегося во времени, должно быть известное время, когда он существует...». — Аристотель. Физика, 221 А, стр. 82.

¹² «Время не выступает в (греческой культуре) как измерение в математическом смысле, независимо от наполняющих его событий». — В. П. Гайденко. Указ. соч., стр. 88.

¹³ Трудности возникают в связи с трактовкой времени Демокритом, так как он определял время в качестве неуничтожимой вечности. Поскольку, с одной стороны, Демокрит все-таки различал время как начало и время как период существования реальных событий, с другой стороны, оказывается, что Демокрит рассматривает время существования различных событий в качестве становления: «Безначальны причины того, что ныне совер-

стве становления, т. е. понимается целостным и дискретным, но преходящим явлением (например, время для посева, военное время, время образования из атомов тел, время кругообращения небесных тел и т. д.¹⁴). Подобно реальным вещам, время имеет незримое и истинное основание — вечность¹⁵. В связи с этим, противоположаемое беспредельности время определяется как предельная локальная устойчивость¹⁶. Поскольку время в греческой философии рассматривается лишь в связи с отдельными реальными событиями, ему присваиваются свойства, присущие вещам и событиям. Время, как и другие реальные явления, существует в чувственно конкретной форме (в виде сферы¹⁷, замкнутого огненного круга¹⁸ и т. д.). Но в основном время является чувственно-вещественным «образованием» в форме круговращения небесных тел¹⁹.

Особенно ярко выражается вещественность времени в представлении о благовремени. В связи с тем, что все вещи необходимо существуют во времени, каждая реальная вещь имеет такой определенный период своего существования, когда она более всего соответствует собственной природе (время расцвета — *ἀκμή*). Это свойство, обычно характерное для реальных событий и вещей, иногда переносится и на определение времени. Тот период существования вещей, когда они наиболее соответствуют своему назначению, и называется благовремием (*καιρός*)²⁰.

Проследивая все вышеупомянутые представления о времени, легко заметить, что их все характеризует **оппозициональность**, т. е. **противоположение времени вневременному**²¹. Время,

шается искомы с бесконечного времени (разрядка наша — А. А.) они в силу необходимости предшествуют, предворя без исключения все когда-либо бывшее, ныне существующее и будущее (разрядка наша — А. А.). — Античные философы. Киев, 1955, стр. 98.

¹⁴ Такие трактовки времени присущи Гесиоду, Гомеру, а также Анаксимандру, Протагору и др.

¹⁵ См. Античные философы. Киев, 1955, стр. 12; Платон. Тимей, 37. Д. Е. Соч., т. 3; ч. 1, стр. 477.

¹⁶ Например, в учении Анаксимандра беспредельное рассматривается в качестве устойчивой и вечно порождающей силы, а время как предел, в рамках которого все возникает из апейрона и переходит в апейрон при уничтожении. В учении Платона время выражает единство единого и беспредельного (см. В. П. Гайденко. Понятие беспредельного и его связь с проблемой времени. Автореферат. М., 1970, стр. 11.

¹⁷ Аристотель. Физика, стр. 77.

¹⁸ Античные философы, стр. 12.

¹⁹ Платон. Тимей, 38 Д. Е. Соч., стр. 479.

²⁰ В. П. Гайденко. Тема судьбы..., стр. 93.

²¹ Такое противопоставление можно рассматривать и как соотношение судьбы (*ῥο μοῖρα* (*μοῖρα*) — предназначенности, доли; *ἀνάγκη*) — ограничение личного желания при помощи внешних обстоятельств; *τύχη* (*τύχη*) — то что настигает человека, случайность; *δίκη* (*δίκη*) — справедливости) и определенных событий человеческой жизни.

рассматриваемое в качестве преходящего и неустойчивого, противопоставлено бытийной вечности²².

Такое противопоставление, конечно, не абсолютно, а относительно, ибо основа преходящего и изменчивого коренится всегда в устойчивой вечности²³. В древнегреческой философии время определяли не как отношение непрерывных и бесконечных изменений, а как своеобразный символ упорядоченности бытийности, устойчивости сущего²⁴. Время не является самостоятельной системой отсчета, а вытекающим из неизменчивого первообраза, динамическим подобием последнего, его инобытийным моментом, представляющимся в зримом виде²⁵.

Господствовавшее в античности оппозициональное понимание времени — явление, конечно, не случайное, а совершенно закономерное. Оно основывается на характерном для всей древнегреческой картины мира оппозициональном соотношении устойчивой субстанциональности (*οὐσία*) и преходящей акцидентности (*τὸ συμβεβηκός*). Эта оппозициональность выражена как в соотношении «первоматерии» и конкретных вещей, так и в противопоставлении бытия и становления, единого и множественного, зримого и незримого, возможного и действительного. Чтобы найти причины возникновения оппозициональности, характерной для древнегреческих трактовок времени, необходимо, в первую очередь, выяснить их социально-исторические корни. Последние основываются в значительной степени на специфике способа производства, характерного для полисов Древней Греции.

²² См., например, учение Анаксимандра: «Время же, по его учению, относится к области ограниченного рождения, существования и уничтожения. Итак, он сказал, что начало и стихия сущего есть Беспредельное, первый дав название началу». — (Античные философы, стр. 12). Или у Аристотеля: «... отсюда ясно, что вечные существа, поскольку они существуют вечно, не находятся во времени, т. к. они не объясняются временем и бытие их не изменяется временем; доказательством служит то, что они, не находясь во времени, не страдают от него». — Аристотель. Физика, 221 В, стр. 82.

²³ Платон определяет временные явления как средства познания «парадейгмы» вечности: «Все это принадлежит к разряду вспомогательных причин, которыми бог пользуется как средством, дабы в меру возможности осуществить идею высшего совершенства. — Платон, Тимей, 46 Д, стр. 487.

²⁴ «... первообразом же для времени поступила вечная природа, что-бы она уподобилась ей, поскольку возможно». — Платон, Тимей, 38 Д, стр. 478.

²⁵ Поскольку античные философы определяли окружающий их мир как целостное совершенное (живое) существо, такая трактовка времени внутренне присуща античному миропониманию. Если бы существующие во времени вещи и события и, конечно, время само по себе, рассматривались бы как явления развивающегося порядка, непрерывно и беспредельно изменяемые, то завершенное единство мира перестало бы существовать. Поэтому время и трактовалось как образный выразитель неизменчивого и незримого бытия.

Анализируя социально-экономические предпосылки возникновения основных характеристик античной картины мира, следует подчеркнуть особое место рабовладельческих отношений, играющих большую роль в жизни древнегреческого общества.

В рабовладельческих производственных отношениях в общем виде выражаются как отношения между людьми (между классами), так и отношения между человеком и природой. Общеизвестно, что при рабовладельческой организации труда между двумя группами людей господствуют **самые строгие отношения подчинения**, так как одни — рабы являются частной собственностью, говорящей вещью других — господ. Значит, одна часть членов общества вообще рассматривается не в качестве людей, а в качестве имущества.

Однако в связи с трактовкой рабовладельческого мировоззрения очень важно иметь в виду и другое обстоятельство — факт, что каждое рабовладельческое общество само по себе оказывается в состоянии сильной зависимости от природы, поскольку основой его производительной силы остается мускульная сила.²⁶

Античный строй в этом отношении не отличается от других рабовладельческих обществ, так как в его техническом развитии не происходило сколь-либо существенного продвижения вперед, хотя техническому развитию Греции и была присуща определенная специфика²⁷, оказавшая влияние на формирование античной картины мира. Во-первых, развитие техники в Греции не было непрерывным — после быстрого развития в VII—VI вв. наступил сравнительно долгий период, когда сколь-либо существенных изменений в развитии техники не происходило. Во-вторых, развитие техники не было пропорциональным. Оно охватывало прежде всего такие отрасли, как ремесло, судостроение, градостроительство, оставляя в значительной степени нетронутым сельское хозяйство. Эта специфика развития техники не могла не оказать влияния на формирование античной картины мира. По всей вероятности, нерегулярность и непропорциональность в развитии техники послужили поводом для **осмысления отношений зависимости от природы** в греческой натурфилософии.

²⁶ Как известно, энергетический базис рабовладельческого способа производства основывается на физической силе самого человеческого тела. Несмотря на низкий уровень техники, в условиях развивающейся частной собственности оказывается возможной упорядоченная организация труда, в результате которой достигается более продуктивный, по сравнению с племенным строем, уровень производства. С. М. Ковалев. История античного общества. Л., 1936.

²⁷ Эллинская техника. М., 1948.

Проследивая историю античной философии, можно отметить, что в основном она и ориентирована на разгадку природной стихии — первоматерии, первопричины, движущихся сил и т. д. Характерным фактом греческого мировоззрения является то обстоятельство, что природа в целом трактовалась как сила, стоящая вне человеческой активной деятельности, сила, которой человек должен был неизбежно подчиняться. Всю жизненную среду людей — природные богатства, регулярные небесные явления, а также судьбу человека и социальные отношения — рассматривали в качестве целостного живого существа — **космоса**.²⁸ Античный космос — это совместное жилище богов и людей. Довольно часто слова «космос» и «природа» являются синонимами, обозначающими окружающую людей действительность. Космические боги — это закономерности, гармония, порядок, предназначенность и т. д., по своему происхождению явления природные, т. е. они находятся за пределами человеческой активной деятельности. Поскольку все такие космологические феномены как материя, божественная гармония и т. д., оказываются явлениями, вечными по своей природе, люди не могут реально на них воздействовать.

Из сказанного следует, что производственные отношения, жестоко подчиняемые природе, **оказывают прямое влияние на стиль миропонимания**, характерными для которого являются **пассивность и покорность**. Подобно тому как земледelec должен находить правильное время для своих занятий²⁹, так и философ должен умственным путем постигать космическую гармонию и порядок. Как в практическом освоении природы, так и в теоретическом ее объяснении человек оказывается связан отношениями рабства и пассивного подчинения.

Рассмотрим подробнее некоторые **специфические** черты, присущие античному способу производства, и проанализируем их влияние на процесс формирования античной картины мира.

²⁸ Об античном космосе, как о живом существе см. подробнее: А. Ф. Лосев. История античной эстетики, стр. 618—619. В таком понимании космоса ярко выражена тесная связь между античной философией и древнегреческой мифологией, анимистическими представлениями. Но в связи с переходом от мифологического понимания к теоретическому мышлению, прежним анимистическим определениям приписываются более обобщенные формы изложения, т. е. признак жизненности приписывается теперь космосу в целом.

²⁹ «Так полюби же дела свои во-время делать и с рвением. Будут ломиться тогда у тебя от запасов амбары» — Гесиод. Работы и дни. В сб.: Эллинские поэты. М., 1963, 305, стр. 151.

«Лишь на востоке начнут всходить Атлантиды-Плеяды, Жать поспешай; а начнут заходить — за посев принимайся. На сорок дней и ночей совершенно скрываются с неба Звезды-Плеяды, потом же становятся видными глазу Снова в то время, как люди железо точить начинают, Всюду таков на равнинах закон, ...» — Там же, 385, стр. 153.

Прежде всего остановимся на общей характеристике социально-экономических отношений греческих полисов в период с VIII до IV века до н. э.

Основными отраслями производства в этот период были традиционное земледелие и с VII века интенсивно развивающееся ремесло и торговля. Так как коренные успехи в области технических открытий были достигнуты в VII—VI веке, а в дальнейшем лишь сохранялась уже существующая степень развития,³⁰ общий уровень технической организации в обеих отраслях производства оставался низким.

Из-за низкого плодородия почвы земледелие в Древней Греции оказалось непродуктивным. Основным видом земледелия на территории Греции была примитивная двухпольная система земледелия, а главным орудием — деревянный плуг³¹.

В связи с возникновением средиземноморских колоний производство хлеба на территории самой Греции уменьшалось очень быстрым темпом³². Основная масса жителей занималась оливководством и виноградарством³³. При этом большая часть производимой продукции шла на экспорт.

Благодаря благоприятному морскому положению и из-за непродуктивности греческой земли для производства зерна, там начала успешно развиваться морская торговля и торговое ремесло. Результатом концентрации ремесленников было образование крупных промыслов — торговых центров — полисов. Но так как Древняя Греция являлась все-таки обществом земледельческим³⁴, а не торгово-промышленным, в античных полисах сохранились в основном отношения земледельческого характера, ремесленно-торговая же отрасль служила лишь их дополнением.

Следовательно, базисом организации греческих полисов являлась система землевладельческих отношений, т. е. полноценным гражданином полиса мог быть только владелец земли³⁵. Наряду с частными собственниками землевладельцем являлось и государство. Земледелие на государственных полях и занятие скотоводством на государственных лугах было большим преимуществом самых мудрых и почетных граждан³⁶. В большинстве жители древнегреческих полисов были мелкими или

³⁰ Древняя Греция. М., 1956, стр. 165.

³¹ Там же, стр. 160.

³² Под зерновыми было $\frac{1}{3}$ всей обрабатываемой земли. Импорт зерна составлял 800 тыс. медин, производили же 427 тыс. медин зерна. — Древняя Греция, стр. 237.

³³ Античная цивилизация, М., 1973, стр. 23.

³⁴ «...Земледелие, как и военное искусство, является почетным и благородным делом, тогда как заниматься ремеслом не подобает свободным грекам.» Там же, стр. 23.

³⁵ Древняя Греция, стр. 239.

³⁶ Там же, стр. 240.

средними землевладельцами так как сосредоточение земли в руках нескольких богатых граждан начинается только после Пелопонесской войны³⁷.

Наряду с развитием ремесленнических отношений на большей части Пелопонесского полуострова сохранилась система натурального хозяйства. Следовательно, Древнюю Грецию надо рассматривать в основном как общество землевладельцев, в рамках которого успешно занимались также торговлей и ремеслом³⁸.

Нашей дальнейшей задачей является анализ специфики проявления рабовладельческого способа производства в каждой из названных сфер.

В сфере сельского хозяйства малая продуктивность земли усугубила зависимость людей от природных стихий. Земледельцы относились к природе как к тайной, но устойчивой и упорядоченной силе. Люди не могли господствовать над природными силами, они даже не были в состоянии думать о том, чтобы даже в рамках известных им природных явлений овладеть ими. Человек, чувствуя себя рабом природы, считал своей единственной задачей оказывать в определенный момент³⁹ услуги природе⁴⁰ (пахать, убирать урожай и т. д.) и влиять на природные силы при помощи магических ритуалов.⁴¹ К. Маркс метко охарактеризовал отношение античных людей к земле как отношение акциденций к субстанции.⁴² Собственный участок земли (*οὐσία*) имел субстанциональную ценность, во-первых, потому, что от данной площади земли непосредственно зависели жизнь владельца и его семьи⁴³ и, во-вторых, потому, что только собственность на землю являлась свидетельством принадлежности владельца к полису.⁴⁴

³⁷ Древняя Греция, стр. 240.

³⁸ Там же, стр. 164.

³⁹ «Строго следи, чтобы во время крик журавлей услышать, Из облаков с поднебесных высот ежедневно двигающей, Знак он для сева дает, провезвестником служит дождливой Зимней погоды и сердце кусает мужам безволовных» — Гесиод. Работы и дни, 450, стр. 156.

⁴⁰ «Только что время для смертных придет приниматься за вспашку, Ревностно все за работу берись...». — Там же, 455, 460, стр. 156.

⁴¹ «... Жарко подземному Зевсу молись и Деметре пречистой, Чтоб полновесными вышли священные зерна Деметры, В самом начале посева молись им, как только, за ручку Плужную взявшись рукой» — Там же, 465, стр. 156.

⁴² К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. 1, М., 1968, стр. 465.

⁴³ Дж. Томсон. Первые философы. М., 1953, стр. 196.

⁴⁴ «Хотя община, являясь здесь продуктом исторического развития и, следовательно, чем-то возникшим уже не только фактически, но и в сознании людей, выступает здесь как предпосылка собственности на землю, т. е. как предпосылка отношения трудящегося субъекта к природным предпосылкам труда как принадлежащим ему, но эта «принадлежность» опосре-

Занятие ремеслом сделало возможной некоторую независимость человека от природных стихий. В связи с развитием ремесла и торговли человек смог противопоставлять себя природе как усовершенствованную профессиональными умениями самостоятельную силу.⁴⁵ Но несмотря на то, что в форме опредмеченных продуктов своей деятельности ремесленник мог теперь осознать весь реальный процесс своего производства,⁴⁶ в рамках античного общества возникает серьезный парадокс — свободное от природных стихий ремесло стало символом отношений подчинения. Причиной такого парадокса являлась специфика греческого ремесленного промысла — производство для рынка⁴⁷. В связи с тем, что производство ремесленных продуктов вышло за рамки натурального хозяйства, ремесленник уже не являлся непосредственным хозяином созданного им продукта. Поскольку ремесленник производил для незнакомого ему потребителя, он часто сам не знал реальную цель употребления изготовленного им изделия. Но так как цель изделия находилась за пределами конкретной деятельности изготовителя, ремесленник превращался в раба чуждых для него желаний⁴⁸. В связи с тем, что производитель утратил постепенно позицию свободного творца, он становится как бы «промежуточным» звеном⁴⁹ в цепи «изделие — потребитель»⁵⁰.

Как же сами древние греки оценивали обе названные области производства? При ответе на этот вопрос мы вновь сталкиваемся с парадоксом недооценки того, что было более развито, и высокой оценкой менее развитого. Так, сферу земледелия, в рамках которой человек был скован природными узами, древние греки оценивали высоко, а сферу свободного ремесла — низко⁵¹.

дована его существованием в качестве члена государства, опосредована существованием государства, стало быть, такой предпосылкой, которая считается божественной и т. д.» — К. Маркс. Указ. соч., стр. 466.

⁴⁵ Постепенно на всей территории Греции каждый полис стал специализироваться на определенном виде ремесла. Такая ситуация требовала, чтобы каждый ремесленник обладал совершенным мастерством в своей области. — С. Я. Лурье. История Греции. Л., 1940, стр. 105.

⁴⁶ J.-P. Vernant. *Mythe et Pensée chez les Grecs*. P., 1971, p. 214.

⁴⁷ Древняя Греция, стр. 162.

⁴⁸ J.-P. Vernant, *op. cit.*, p. 215.

⁴⁹ Там же, 216.

⁵⁰ «Даже в таких областях как Аттика, где земля была мало удобной для хлебопашества, и в главном городе которой — Афинах рано развились ремесло и торговля, сельское хозяйство играло всегда большую роль и положение землевладельца всегда считалось наиболее почетным». — Древняя Греция, стр. 236.

⁵¹ Ремесло оценивали низко уже во время жизни Гомера, когда оно было еще малораспространенным видом деятельности. Позже эта тенденция получила дальнейшее развитие.

Некоторые авторы связывают низкую оценку ремесла с тем, что в данной сфере были заняты в основном рабы. Но такая точка зрения не оправ-

Для того чтобы проиллюстрировать названные оценочные шкалы, обратимся к этимологическому материалу.

В древнегреческом языке мы не найдем слова,⁵² обозначающего понятие «труд» вообще⁵³. Слова же, обозначающие различные виды трудовой деятельности, можно разделить на две группы. К первой группе принадлежат слова, характеризующие работу, осуществляемую по личной воле, ко второй — слова, обозначающие такую работу, которая выполняется для чего-то (кого-то) другого. Например, слово *χοῆσις*⁵⁴ обозначает деятельность на основе заранее строгопоставленной цели (*eîdos*). Человек не может изменить данную ему «*eîdos*», а должен к этому «приспосабливаться». «*ποίησις*» обозначает такой вид деятельности ремесленника, при которой производитель даже не представляет себе назначение своего изделия, а действует, имея в виду лишь внешний облик производимого предмета. Следовательно, «*ποίησις*» обозначает такое изготовление, в рамках которого ремесленник действует без внутренней потребности и цели (*eîdos*), и в результате которого, благодаря применению технических и других профессиональных навыков создается абстрактная потребительная стоимость⁵⁵. Кардинально противоположное значение имеет слово «*πραξις*», которое обозначает творческую деятельность для себя, в рамках своей собственной активности. Если два первых слова употреблялись в связи с ремеслом и торговлей, то последнее является словом, обозначающим деятельность земледельца.⁵⁶ (Однако слово «*πραξις*» наиболее полно соответствует свободной, естественной, базирующейся на красоте человеческого разума деятельности — политике⁵⁷. Примечательным является и тот факт, что слово «*πῶρος*», которое обозначает тяжелое телесное усилие, в зависимости от того, идет ли речь о земледелии или о ремесле, имеет различные нюансы. В первом случае оно употребляется

дана, так как ремеслом занимались и бедняки, метойги (иммигранты из других полисов), политические изгнанники и т. д., т. е. в основном — безземельные люди. Действительная причина низкой оценки ремесла в рамках земледельческого общества и состояла в том, что ремеслом занимались люди, не имеющие собственности на землю.

⁵² Это еще не значит, что у них не было содержательного представления о трудовой деятельности в общем виде.

⁵³ J.-P. Vernant, op. cit., p. 197.

⁵⁴ Здесь и дальше употребляем: Greek-English Lexicon, Compiled by H. G. Liddell and R. Scott, Oxford, 1897.

⁵⁵ К. Маркс пользовался двумя понятиями — «меновая стоимость» и «потребительная стоимость». В связи с тем, что обособление «менной стоимости» от «потребительной стоимости» в рассматриваемый нами период только начинается и реализуется как процесс абстрагирования потребительной стоимости, мы и пользуемся в данном контексте словосочетанием «абстрактная потребительная стоимость».

⁵⁶ J.-P. Vernant, op. cit., p. 215—217.

⁵⁷ Idem, p. 217.

как синоним подчинения чужому физическому давлению, во втором случае оно имеет оттенок соответствия усилия человеческой природе⁵⁸.

Следовательно, высокая оценка земледелия в греческой культуре была обоснована тем фактом, что именно этот вид деятельности считался наиболее соответствующим природе человеческой деятельности⁵⁹, в рамках которой человек должен был полностью подчиняться чуждой ему воле⁶⁰.

Но как нам известно, отделение торговли и ремесла от земледелия сыграло в истории греческого общества значительную и прогрессивную роль⁶¹. В связи с этим мы должны попытаться найти ответ на вопрос о том, почему же сами древние греки все-таки оценивали этот прогрессивный способ производства очень низко? Именно потому, что в рамках рабовладельческого общества высоко оцениваются только такие явления, которые лучше всего отражают специфику отношений подчинения⁶². Следовательно, в системе рабовладельческих (в широком смысле) производственных отношений разумными и высококачественными считаются только такие явления, которые люди воспринимают как предназначенные богами и судьбой устойчивые события и вещи, т. е. такие явления, на которые люди не могут оказать активного влияния.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что основой противопоставления устойчивого (*οὐσία*)⁶³ и переходящего (*τὸ συμβεβηκός*)⁶⁴, присущей всей греческой картине мира, являлась сравнительная дифференциация двух сфер производства и сопутствующая ей противоположная оценка этих способов труда в сознании людей.

Относительно устойчивой сферой производства следует считать базирующееся на природной цикличности земледелие, так как получение продуктов в данной сфере зависит в основном от

⁵⁸ J.-P. Vernant, op. cit., p. 216.

⁵⁹ Наблюдая за делами греческих богов, легко говорить о том, что они не занимаются продуктивной деятельностью, так как боги воюют, занимаются интригами, изредка помогают людям заниматься хлебопашеством, но никогда не интересуются ремеслом.

⁶⁰ См. также Д. Бернал. Наука в развитии общества. М., 1956, стр. 99.

⁶¹ «Одним из основных факторов, определяющих развитие греческих городов-государств в течение названного периода, было внутреннее противоречие между старой системой землевладения и новой силой в виде торгового производства». — Д. Ж. Томсон. Первые философы. М., 1959, стр. 196.

⁶² Межчеловеческие отношения в виде подчинения считаются естественными и нормальными в таком обществе, которое само еще находится в состоянии «раба» природы.

⁶³ Слово «усия» (*οὐσία*) обозначает в древнегреческом языке в то же время и собственный участок земли в рамках общинных земель. См. также К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству.

⁶⁴ См. Аристотель. Метафизика, кн. V, гл. I.

стихийного саморазвития. Относительно динамической сферой производства следует считать непосредственно регулируемую человеком ремесленную деятельность, где получение продукта является результатом строго планируемой и сознательно проверяемой деятельности изготовителя. Необходимо также добавить, что в первом случае продукты являются результатом длительного производственного цикла, а во втором — результатом кратковременного цикла. Указанное обстоятельство, в свою очередь, увеличивает уже знакомое нам противопоставление двух сфер производства⁶⁵. На таком противопоставлении и основывается характерная всей греческой картине мира оппозициональность устойчивого и преходящего, бытия и становления, зримого и незримого и т. д. Поскольку неизменчивое и бытийное оказываются для людей полностью непознаваемыми⁶⁶, они их считают за благо⁶⁷. И наоборот, преходящее (*pro* предельное, изменчивое, зримое) является второстепенным, поскольку люди в своей ежедневной практике владеют им.

Противопоставление времени вечности является одним из «подвидов» такой общей противоположности.

* *

*

⁶⁵ В порядке замечания дополним, что решающим фактором процесса изготовления предметов широкого потребления в условиях античного производства оказалось оптимальное соответствие предмета своему назначению (т. е. качественная сторона), а не количество готовых предметов. Значит, показателем производительности труда в условиях производственно-технической ограниченности является высокое качество готового предмета, а не количество предметов, изготовленных в течение определенного промежутка времени. В связи с этим «кратковременность» производственного цикла в данном контексте следует понимать как сравнительную величину, а не как цель производства.

⁶⁶ Т. е. люди оказались в состоянии рабов «бытийности». К. Маркс писал: «Древний мир, не знавший еще ничего о праве субъекта и все мировоззрение которого было по существу абстрактно, всеобщно, субстанционально, не мог поэтому существовать без рабства» — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, М., 1955, стр. 600.

⁶⁷ «Поэтому и достижение её (т. е. науки ради самой себя или истины — А. А.) по справедливости можно бы считать не человеческим делом; ибо во многих отношениях являет природа людей рабские черты, так что, по словам Симонида «бог один иметь лишь мог бы этот дар» (т. е. владеть истиной — А. А.), человеку же подобает искать соразмерного ему знания» — Аристотель. Метафизика, стр. 22.

«Кроме того, ни одно из чувственных восприятий мы не считаем мудростью, а между тем такие восприятия составляют самые главные наши знания об индивидуальных вещах, но они не отвечают ни для одной вещи на вопрос «почему?» — Аристотель. Метафизика, стр. 20.

Теоретическое понимание времени складывалось в античной философии в течение четырех веков, т. е. с VIII—VII до IV—III веков. Почему этот процесс имел место именно в названный период?

Дать правильный ответ на этот вопрос дело весьма сложное. Ясно, что процесс формирования теоретического понятия времени в рамках греческой культуры необходимо связывать с отделением ремесла от земледелия. Названный процесс в античном обществе, в отличие от других архаических обществ, происходил особенно ускоренным темпом. Это быстрое изменение в сфере производственных отношений сопровождалось осознанием исторической изменчивости образа жизни в целом, что, в свою очередь, послужило причиной обоснованного объяснения времени как теоретического понятия. Благодаря одновременному существованию двух производственных циклов с различной деятельностью появилась возможность **их сравнения** друг с другом. Из такого сравнения следует, что времени присущ признак **однородности**, так как оно должно быть однокачественным для измерения процессов различного характера. Если раньше время рассматривали в качестве реально происходящих событий (время для посева и т. д.),⁶⁸ то из названного сравнения следовало, что в определенный промежуток времени могут произойти несколько различных по существу событий.⁶⁹

Представление об однородности времени, в свою очередь, сделало возможным соединение дискретных форм времени (предназначаемое время) с **непрерывностью и бесконечностью** времени (напр. беспредельная цепь возникновения и уничтожения миров, бесконечные комбинации атомов и т. д.).

Но **однородность, непрерывность и бесконечность** являются такими свойствами времени, которые присущи ему как **теоретическому понятию**⁷⁰.

Если сферы и способ производства, характерные для древнегреческих полисов, с одной стороны, содействовали процессу формирования теоретического понятия времени, с другой стороны, они тормозили этот процесс. Раньше мы уже доказали, что историческая ограниченность⁷¹ производительных сил ока-

⁶⁸ «Изменение и движение каждого тела находится только в нём самом, или там, где случается быть самому изменяющемуся и движущемуся; время же равномерно везде и при всём. Далее, изменение может идти скорее или медленнее, время же не может, так как медленное и скорое определяется временем ... — Аристотель. Физика, 218 В, стр. 77.

⁶⁹ А. Спиркин. Происхождение сознания. М., 1960, стр. 427.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ В порядке уточнения добавим, что под ограниченностью производительных сил в рамках древнегреческого общества следует понимать, во-первых, ограниченность энергетического базиса вообще, и, во-вторых, относительно низкий уровень технических достижений.

зывала сильное влияние на возникновение теоретической картины мира Древней Греции. То же самое, характерное для всей античной культуры противопоставление устойчивого и преходящего, сыграло роковую роль и в процессе формирования философского понимания времени. Известно, что античному миротолкованию было чуждо представление о беспредельной изменчивости, так как зримый человеку мир имел устойчивое и необходимое начало. Следовательно, однородная, бесконечная и непрерывная длительность времени обладала константной основой — вечностью (*pro* беспредельный, порождающий время образец)⁷².

В течение описываемого нами периода представления о времени претерпели существенное изменение.

В гомеровский период, когда мы имеем дело с переходящими от племенного к рабовладельческому строю группами земледельцев, господствовало стихийное и ограниченное представление о времени⁷³. Из произведений Гомера⁷⁴ и Гесиода⁷⁵ следует, что времена года рассматривались как регулярно повторяющиеся, последовательные сельскохозяйственные циклы (напр., время посева, время уборки урожая, время случки, время «смерти» природы и т. д.), как периоды военного действия (время одного боя, военное время и т. д.). В общем, было распространено мифическое понимание времени, т. е. время трактовалось как божество Кронос, которое непрерывно плодило и пожирало своих детей⁷⁶. Такую интерпретацию времени можно, конечно, рассматривать в качестве фигурального выражения беспредельного процесса становления и уничтожения событий и вещей.

⁷² Противопоставление понятия «вечность» понятию «времени» играло в процессе формирования последнего роль серьезного препятствия в течение многих веков. Освобождение от такого противопоставления стало возможным только в теоретической мысли нового времени, а в какой-то мере оно присуще и современному стилю повседневного мышления.

⁷³ Как доказывается в работе Френкеля, у Гомера еще не было реального представления о временных процессах. Например, на страницах «Илиады» он изображает происходящими в течение одних суток события, для которых потребовалось бы не меньше недели. Френкель показывает также, что слова «день» и «время» имеют у Гомера одинаковое (метафорное) значение. — См. Н. Fränkel. *Wege und Formen frühgriechischen Denkens*. München, 1955, S. 1—22.

⁷⁴ Гесиод. Работы и дни. Теогония. В сб. Эллинские поэты. М., 1963.

⁷⁵ Гомер. Илиада. (Перевод А. Ф. Гнедича). М.—Л., 1935.

⁷⁶ «Рея, поятая Кроном, детей родила ему светлых. —

Деву — Гестию, Деметру и златообутую Геру.

Славного мощью Аида, который живет под землею. [...]

Каждого Крон пожирал, лишь к нему попадал на колени

Новорожденный младенец из матери чрева святого»...

— Гесиод. О происхождении богов (Теогония). В сб. Эллинские поэты. М., 1963, 455, стр. 184.

Переломным оказалось определение времени философом милетской школы Анаксимандром. Известно, что в его работах было отражено четкое противопоставление времени (*χρόνος*) и беспредельного (*ἄπειρον*), время описывается им уже в качестве оппозициональности устойчивого и преходящего⁷⁷. Анаксимандровское определение времени свободно от представлений об антропоморфных богах и от отождествления с конкретными временными событиями. Но окончательно преодолеть штампы мифологического мышления Анаксимандру оказалось не по силам, так как фактически он время изображал в виде замкнутого огненного круга⁷⁸.

Насколько известно, самую классическую интерпретацию времени в рамках античного миротолкования дал все-таки Платон⁷⁹. Типичность платоновской концепции состояла в первую очередь в том, что он, преодолевая ограниченность досократиков⁸⁰, в итоге различал вечносуществующую бытийность, с одной стороны, и временное становление — с другой стороны, определял их диалектическое взаимодействие. Типичность платоновской интерпретации выражена и в том обстоятельстве, что рассматриваемое в качестве понятийного определения понимание времени сохраняет одновременно и характерные мифологическому стилю мышления черты⁸¹. Платоновское учение о времени имеет большое значение еще и потому, что в нем отражены все присущие переходному от мифа к логосу периоду типичные свойства в понимании времени — космологичность и космогоничность, вещественность, фигуральность и чувственность.

Через диалектику бытия и становления Платон почти определил теоретическое понятие времени, но так как им абсолютизировалось незримое устойчивое начало («параδείгмы»),

⁷⁷ «Он признал началом сущего некую природу Беспредельного, из которой возникают небеса и находящиеся в них миры. Эта природа вечна и неизменна, нестареющая и объемлет все миры. Время же, по его учению, относится к области ограниченного рождения существования и уничтожения» — Античные философы, стр. 12.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Насколько известно, первым определил время в рамках философского понятия Аристотель, отличая время от движения и от изменчивых вещей. Аристотель определяет время как меру движения. Поскольку Аристотель окончательно преодолел мифологическое представление о времени, мы не рассматриваем его учение в качестве типичных для античности, а точнее для переходного периода, представлений о времени.

⁸⁰ Последняя состояла в абсолютизации противопоставления времени вечности и неправильном применении атрибута «вечности» именно к временным явлениям (см. соч. пифагорейцев, элеатов и т. д.).

⁸¹ Вероятно, Платон мифологизировал свое изложение космогонии сознательно, т. к. в «Тимее» он пишет, что при своей трактовке он пользуется формой мифа с целью придать своему объяснению относительный и предположительный характер.

он и не смог отличить время от движения (время представлялось движущимся подобием вечности) и дать самостоятельное определение философской категории времени.

* *

*

В основном учение о времени Платоном изложено в диалоге «Тимей», посвященном истолкованию возникновения космоса и человеческого рода. «Тимей» является диалогом, в котором Платон в систематическом виде изложил также основы всей своей объективно-идеалистической философии.⁸²

Платоновское представление о времени имеет космогонический характер, поскольку время порождается вместе с небом, и в связи с этим является неотделимым элементом данного процесса. По Платону как небо, так и время имеют вечные, совершенные порождающие их начала («парадейгмы») ⁸³, т. е. сущность их рассматривается в рамках платоновской объективно-идеалистической философии об «идеях», первообразах.

Как известно, Платон различал вечное и никогда не содержавшее момент становления **бытие**, с одной стороны, и безбытийное вечное **становление** — с другой стороны⁸⁴. Платон также делает строгое различие между временем и вечностью. Имея в виду вышесказанное, рассмотрим далее, как Платоном определялась природа времени.

Платон стоял перед двумя серьезными парадоксами. Во-первых, он должен был отвечать на вопросы, оказывается ли время зримым и временным, поскольку оно в самом себе является компонентом зримого и мгновенного становления (рго: изменчивости, преходящего), а не вечного и незримого бытия? Во-вторых, он должен был найти ответ на вопрос, имеет ли время в какой-то степени вечную природу, поскольку сам процесс становления является «подражанием» вечно существующему бытию, как первообразу?

Платон дал положительный ответ на оба вопроса. Но в связи с этим он сразу оказался в ситуации, где времени присущи две противоположные «природы». Поскольку время связано с процессами возникновения и уничтожения небес, оно само собой обладает определенным началом и концом: «Итак, время возникло вместе с небом, дабы, одновременно рожденные, они и распались бы одновременно, если наступает для них распад».⁸⁵ Но с другой стороны, как известно, Демиург порождает

⁸² См. А. Ф. Лосев. История античной эстетики. М., 1969, стр. 674.

⁸³ В данном контексте мы пользуемся транскрипцией «парадейгмы» с целью различать платоновское понятие от понятия «парадигмы», которое широко используют в наше время Т. Кун и его последователи.

⁸⁴ Платон. Тимей, 28А. Собр. соч., т. 3, ч. 1. М., 1971.

⁸⁵ Платон. Указ. соч., 38Д, стр. 477—478.

время с целью приблизить Вселенную к вечной «параδείгме» «... первообразом же для времени послужила вечная природа, чтобы она (Вселенная — А. А.) уподобилась ей, насколько возможно».⁸⁶ Из такой двухсторонней трактовки времени следует, что рядом с реальной предельностью и законченностью ему при- сущи и некоторые вечностные моменты. По какому же пути «соединять» данные «противоположности»?

Время отличается от вечности, в первую очередь, тем, что оно является зримым и движущимся образом (*εἰκὼν*) бытий- ной «параδείгмы», ее чувственной вещественностью. Признаками существования времени являются ритмические изменения небес- ных тел. Время также представляется в качестве хороводов богинь-планет в их кругообращении⁸⁷. Фигуральность времени изображается и в форме периодических сближений-удалений и исчезновений-появлений названных звезд-богинь⁸⁸.

Поскольку время изображается в качестве образного выразителя истинного «запредельного» бытия, данная ин- терпретация оказывается по своей сущности метафоричной⁸⁹. В связи с этим возникает вопрос, с какой целью Платоном создавалась эта метафора. Именно потому, что кругообраще- ние небесных тел, чередование дня и ночи и т. д. — «все это принадлежит к разряду вспомогательных причин, которыми бог пользуется как средством, дабы в меру возможности осуществ- ить идею высшего совершенства»⁹⁰, т. е. в виде времени как движущегося образа вечности последняя осуществляется, а так- же и познается людьми.

Для чего же Платону такое «выражение» вечности в фор- ме времени-метафоры?

Ключ к решению данной проблемы находится в изображении сфер Тождества и Инобытия⁹¹, заключающееся в названном уже диалоге «Тимей». Представленная в фигуральном виде сфе- ра Тождества неподвижных звезд является основой для сферы Инобытия подвижных звезд, Солнца и Луны, т. е. сфера Тождества постоянно обосновывает ритм и скорость кругообра-

⁸⁶ Платон. Указ. соч., 38Д, стр. 478.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же, 40В, стр. 480.

⁸⁹ На древнегреческом языке, «*метафора*» — приписывать слову дру- гое значение; «*метафорика*» — изображение через другое. Поскольку изве- стно, что для античной философии характерно представление, согласно кото- рому изложение зримого бытия через самое себя абсолютно невозможно. В связи с этим, оно всегда представляется через другое — через зримое и чувственное.

⁹⁰ Платон. Тимей, 46Д, стр. 487.

⁹¹ В данном контексте мы рассматриваем определения Тождества и Инобытия в узком значении, т. е. как синонимы подвижной и неподвиж- ной небесных сфер. Соотношение Тождества и Инобытия в широком значе- нии является основой всей композиции диалога «Тимей».

щения сферы Иного. Возникновение чего-либо совершенного и целостного (в данном случае полного числа или полного года), в свою очередь, оказывается возможным только в результате совместного существования обеих названных сфер: «... полное число времени полного года завершается тогда, когда все восемь кругов (т. е. круг идентичности и семь кругов инобытия — А. А.) различных по скорости, одновременно придут к своей исходной точке, соотносясь с мерой единообразно бегущего круга тождественного. Вот как и ради чего рождены все звезды, которые блуждают по небу и снова возвращаются на свой путь, дабы (космос) как можно более уподобился совершенному и умопостигаемому живому существу, порождая его вечносущей природе».⁹²

Из такой трактовки целостности, в свою очередь, следует, что **соотношение времени и вечности надо интерпретировать аналогично соотношению сфер Тождества и Инобытия**. Время и вечность следует определять как единство двух сторон одной и той же сущности подобно единству единого и множественного, устойчивости и изменчивости и т. д. Значит основой всего зримого и движущегося является всегда незримая и устойчивая бытийность. Поскольку каждый из названных «полюсов» не может существовать отдельно, а лишь предполагая существование другого «полюса», их единство является само по себе необходимым. Значит, через противопоставление времени вечности, в рамках своего объективно-идеалистического учения, Платон реально излагает **диалектику бытия и становления, единства сущности и явления бестелесного и телесного**.

Поскольку Платон был классическим древнегреческим мыслителем, он придал своей диалектике телесно-мифологическую форму.⁹³ Например, небо в изложении Платона возникает как единство идеального первообраза и его телесно-чувственного воплощения, как порождающее единство бытия и становления. Названное единство идеальной и чувствительной сторон Платон изображал в фигуральном плане как Демиург, т. е. как такой акт порождения Вселенной, где Демиург, исходя из бытийного первообраза Мирового Духа, мастерит подобные последнему реальные, зримые вещи (звезды, Луну и т. д.). Диалектика единства времени и вечности состоит здесь, во-первых, в том, что подобно всем рожденным вещам, время как движущийся образ вечности обладает окончательными пределами и, во-вто-

⁹² Платон. Указ. соч., 38Д, стр. 479. Платоновская концепция о совместном существовании сфер тождества и идентичности является своеобразной попыткой решения старой пифагорейской проблемы о трактовке нерегулярностей в траектории небесных тел. О пифагорейской проблеме в рамках геоцентрического понимания мира см. А. Боннар. Греческая цивилизация. М., 1962, стр. 253—255.

⁹³ А. Лосев. Указ. соч., стр. 151.

рых, в том, что поскольку время является инобытием устойчивой, несоздаваемой и незримой вечности, оно обладает некоторыми моментами вечного существования. И, наоборот, поскольку время достигает своего реального существования только после порождения неба и олицетворения себя во временно-образном виде, вечность оказывается ничтожностью без вещественного воплощения⁹⁴.

Несмотря на первичность «позиции» первообраза в рамках платоновской объективно-идеалистической системы, вечность в качестве порождающей «параδείгмы» не противопоставляется времени в качестве порожденного подобия, как абсолют сотворенному. Тем более нельзя их противопоставлять как чувственно-телесное идеальному, поскольку и время, и вечность рассматриваются и по шкале идеального, и по шкале чувственного. В такой трактовке диалектического соотношения временности и вечности выражается и основная особенность изложения платоновского учения о Вселенной — **мифологичность**, которая, в свою очередь, состоит в отождествлении идеального и материального⁹⁵. Идеальность (рго: нематериальность, невещественность) времени, по Платону, состоит прежде всего в том, что порождающей основе времени свойственна мыслительная (рго: незримая) природа⁹⁶. Для того, чтобы время могло бы «родиться» в зримом и познаваемом для людей виде, возникают Солнце, Луна, звезды и другие чувственно-телесные образы-подобия⁹⁷. Единство идеальной и материальной сторон вечности выражается в том, что свое полное определение «параδείгма» вечности получает только после перевоплощения в инобытийном зримом подобии.

Из вышесказанного следует, что образный стиль мышления Платона нельзя сводить к примитивно-мифологическому повествованию, ибо в рамках мифообразного изложения формируется философская теория о единстве беспредельного и предельного, бытия и становления и т. д. Согласно этому Платон считал своей главной задачей разгадку сущности времени и вечности, а не образное изложение данных понятийных определений.

В чем же состоит, по Платону, сущность времени?

Несмотря на то обстоятельство, что Платон четко не про-

⁹⁴ А. Лосев. Указ. соч., стр. 676.

⁹⁵ Известно, что характерным свойством мифологического стиля мышления является именно отождествление идеального и материального.

⁹⁶ См.: «Такими были замысел и намерение бога относительно рождения времени, и вот, чтобы время родилось из **разума** и **мысли бога** (подчеркнуто нами — А. А.), возникает Солнце...» — Платон. Указ. соч., 38С, стр. 478.

⁹⁷ Там же, 38 Е, стр. 478 (см. по 86).

тивопоставляет время и вечность,⁹⁸ и даже, наоборот, присваивает им целый ряд общих «свойств», нельзя время и вечность рассматривать в качестве абсолютно идентичных явлений⁹⁹. Поскольку время является только инобытием вечности, оно в самом себе не имеет **самотождественного бытия**¹⁰⁰ и не отождествляется с вечностью.

Следовательно, несмотря на то, что платоновская трактовка времени в какой-то мере сближается с пифагорейским учением о числе¹⁰¹, Платон лишает время свойства бытийности. Такое платоновское заключение исходит из следующих соображений: во-первых, поскольку время является **порождаемым**, оно не может совпадать со своим нетворимым истинным первообразом — вечностью; во-вторых, время является **движимым**, а бытию свойственна устойчивость; в-третьих, время состоит из частей (дни, ночи, годы и т. д.), бытию же присуща неделимость; в-четвертых, поскольку реальные вещи и события проявляются в разные моменты в различных качествах¹⁰², времени свойственна **многообразность**, бытие же всегда по существу едино.

⁹⁸ О взаимосвязи времени и вечности свидетельствует и этимология древнегреческого языка. Именно, слово «вечность» (*αἰών*) имеет целый ряд «временных» значений: «пространство времени», «длительность», «возраст», «пространство возраста», «период» и т. д. От того же корня производное слово «вечное» (*αἰώνιος*) означает буквально «все время существующее».

⁹⁹ Ср.: А. Ф. Лосев. Указ. соч., стр. 676, где высказывается мысль о том, что платоновские время и вечность являются абсолютно идентичными явлениями.

¹⁰⁰ В рамках общей философской системы Платона учение о сущности времени имеет особое место. Известно, что Платон различал незримое бытие и зримое становление, интерпретируя первое из них в качестве первичного и истинного. Но платоновский объективно-идеалистический первообраз («параδείгма») не является гегельянским абсолютот, порождающим всю действительность, поскольку существование данной парадейгмы, содержащей истинную основу вещей без зримых реальных вещей, оказывается бессмыслицей.

Платоновскую проблему о сущности времени можно изложить и следующим образом: поскольку основой становления является бытие и поскольку процесс становления осуществляется во времени, необходимо поставить вопрос, оказывается ли время в самом себе при таких обстоятельствах бытийным или нет? В отрицательном решении данной проблемы выражается и особенность платоновского объективного идеализма — **небытийность зримого**.

¹⁰¹ Поскольку всякое число содержит различие, оно по учению пифагорейцев, противопоставлено единому бытийному, но поскольку прогрессивные ряды чисел достигают «согласия» с единым, они оказываются «способом проектирования» единого и, следовательно, содержат в какой-то мере бытийность. — См. А. Е. Taylor, *A Commentary on Plato's Timaeus* (Oxford: The Clarendon Press 1928, p. 177); так же см. Ф. Х. Кессиди. От мифа к логосу, стр. 166—169.

Аналогично и в соотношении вечности, как единого, и времени, как множественного, за исключением того факта, что платоновское время является подобием, и в связи с этим в самом себе не может оказаться бытийным.

¹⁰² См. E. Maaila. On the semantics of Time in Plato's Timaeus, Åbo, 1970, p. 28.

Но если время и вечность не являются идентичными, в чем же тогда состоит их соотношение?

Соотношение вечности и времени по Платону состоит в противопоставлении нетленного первообраза и его мгновенного подобия, которые в фигуральном виде изображаются как соотношение действительного Солнца и подражающей ему тени¹⁰³. Известно, что по излагаемой в «Государстве» схеме, тень не обуславливается и прямо даже не порождается Солнцем, однако последнее является высшим условием её становления. Сопровождающая Солнце тень оказывается его движущимся образом, который дает свидетельство о существовании самого Солнца. Поскольку тень соответствует освещенным Солнцем конкретным вещам, каждый раз она проявляется по-новому и своеобразно. Вопрос о том, существует ли Солнце раньше тени или же Солнце «сотворило» тень, является абсурдным, так как они оба осуществляются, предполагая друг друга. Вопреки тому, что тень сопровождает вечноустойчивое, действительное Солнце и подражает его состоянию, она в конце-концов, как непрерывно возникающая и уничтожаемая «вещественность», все же обладает бытийностью.

Резюмируя платоновское учение о времени, следует сказать, что как настоящий грек Платон не мог себе представить реальную бесконечность мира в пространстве и во времени¹⁰⁴, и, противопоставляя устойчивые и изменчивые стороны Вселенной, получил в результате оппозициональное определение сущности времени. Своему оппозициональному определению времени он придал диалектический характер.

В итоге можно сделать вывод, что искомая нами корреляция между своеобразием античного понимания времени и древнегреческим способом производства имеет реальную основу. Специфичное для античности противопоставление временного и вневременного является одним из возможных мировоззренческих отражений характерного данному обществу процесса быстрого разложения общинных отношений и разделения труда между земледелием и ремеслом.¹⁰⁵ Отмеченный быстрый

¹⁰³ См. Платон. Государство. Соч., т. 3, ч. 1, стр. 321—326 и т. д.

¹⁰⁴ См. трактовку Лосева: «Грек не мог представить себе бесконечной Вселенной, не имеющей никаких границ ни во времени, ни в пространстве; а если он и мыслил себе физическую бесконечность, то вся она вращалась для него в пределах трехмерного понимаемого и физически ощущаемого космоса. Миров могло быть и очень много, и кое у кого из греческих философов их существует даже целая бесконечность. Но в таких случаях всегда вступала в свои права идея вечного возвращения, которая сводила необозримую бесконечность на ряд вполне обозримых и вполне конечных космосов. — А. Ф. Лосев. Указ. соч., стр. 612—613.

¹⁰⁵ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв. в 3-х томах. М., 1966, стр. 306.

темп развития греческого общества¹⁰⁶, а также неповторимый в истории политический строй в виде независимых и, в определенном отношении, демократических полисов с одной стороны, и вековых социальных и духовных традиций — с другой, порождали общий своеобразный склад древнегреческой картины мира, проявляющейся в противоречивости изменчивого и постоянного.

Надо отметить, что противопоставление вечносуществующего и временного свойственно очень многим культурам,¹⁰⁷ но древнегреческая трактовка данного противопоставления отличается от других концепций, жестких по характеру, своей диалектичностью. Значит, в рамках древнегреческого миротолкования отделение временного и вневременного (вечного) является противопоставлением относительного порядка, ибо названное противопоставление, по существу, оказывается одним частным случаем общего, известного грекам диалектического противоречия субъекта и его деятельности, конечности и бесконечности мира, прерывности и дискретности «строения» мира и т. д... Поскольку диалектическое противоречие предполагает, кроме различий, и единство противоположностей, противопоставление временного вневременному в качестве разных сторон такого единства оказывается противоположностью относительного характера. И более того, временное и вневременное являются разными формами существования единого, циклического в сущности, античного представления о времени.

Такая диалектическая трактовка времени, как и диалектическая интерпретация противоречивости вообще, является результатом высокой теоретической плодотворности философского мышления Древней Греции. Поскольку нашей основной задачей не является анализ причин возникновения высокого уровня духовной жизни в рамках экономически малоразвитого рабовладельческого строя, мы ограничимся лишь упоминанием общеизвестных фактов. Именно, укажем на то, что происхождение своеобразной, стоящей на высоком теоретическом уровне античной философии в принципе объясняется: во-первых, неповторимым своеобразием политического строя в виде полисной демократии,¹⁰⁸ во-вторых, неравномерностью развития отдельных сфер экономической жизни, и особенно, хорошо подвижной

¹⁰⁶ С. И. Ковалев. История античного общества. Л., 1936, стр. 9.

¹⁰⁷ Напр., в рамках средневековой картины мира строго различимы божественная вечность и мирская временность. — См. А. Я. Гуревич. Категории средневековой культуры. М., 1972, стр. 84—138. Во многих школах индийской философии друг от друга отличается вневременный покой и преходящая временность. — См. С. Чаттерджи и Д. Датта. Введение в индийскую философию. М., 1955.

¹⁰⁸ См., напр., Ф. Х. Кессиди. От мифа к логосу. М., 1972.

системой денежно-торговых отношений,¹⁰⁹ в-третьих, своеобразием рабовладельческих отношений.¹¹⁰

* *
*

В заключение хотелось бы подчеркнуть то, что изучение социально-исторической детерминации генезиса отдельных философских понятий и категорий имеет наряду с теоретическим интересом и большое идеологическое значение. В рамках некоторых учений типа культурно-антропологических утверждается, что категориально-логическая структура человеческого мышления в основном определяется факторами лингвистического или плоскобиологического порядка. Из предыдущего факта, в свою очередь, делаются выводы, которые можно разделить на две группы. Во-первых, утверждается, что принадлежащие различным миротолкованиям понятия и категории оказываются несравнимыми, поскольку они возникают на базе неповторяемости реальных грамматических структур языков. Во-вторых, утверждается, что реальный склад мышления отдельных народов является «ступенькой» на «лестнице» биологического развития универсального типа человеческого мышления. Из данного обстоятельства, в свою очередь, следует, что человеческое мышление современного типа, как будто бы, оказывается делимым на качественно «высшие» и «низшие» уровни развития.¹¹¹

Структуры языка и мышления действительно зависят от исторически конкретного содержания способа человеческой деятельности и производства. Занятия в различных сферах трудовой деятельности требуют различного стиля мышления о данных видах деятельности. Следовательно, ту или иную интерпретацию конкретного определения в рамках реального общества следует, в первую очередь, объяснять из **специфики** социально-экономического порядка.

В противном же случае, поскольку духовная деятельность и тип мышления некоторых обществ считаются малоразвитыми, мы имеем дело с «подчинением» культур ряда обществ. Другая крайность в форме абсолютного релятивизма тоже не позволяет получить объективное представление о генезисе человеческого

¹⁰⁹ См., напр., Ф. Х. Кессиди. От мифа к логосу. М., 1972.

¹¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 23, М., 1955, стр. 346.

¹¹¹ Названное разделение методологически оправдано в том случае, если мы подвергаем анализу и сравниваем друг с другом исторически весьма отдаленные периоды, напр. мышление первобытного человека и нашего современника. В современном мире мы имеем практически дело только с различием в плане детерминации человеческого мышления, не совпадающей по своему содержанию с конкретной деятельностью в рамках определенных обществ.

мышления, так как под лозунгом несравнимости отрицается идея о последовательном прогрессивном развитии человеческого познания и мышления.

Центральной задачей данной статьи являлось изложение соотношения формирования конкретного понятия и специфики исторически реальных социально-экономических условий процесса генезиса данного понятия. В итоге мы можем утверждать, что конкретный характер определения какого-то представления или понятия действительно зависит от социально-исторических обстоятельств, а не от абстрактно-лингвистической или «универсально»-биологической детерминации.

Поступила в редакцию 20 ноября 1974 г.

НАРРАТИВ КАК ПРОБЛЕМА МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

А. А. Порк

Цель настоящей статьи — критический обзор некоторых наиболее важных концепций нарратива, выдвинутых в ходе обсуждения проблем повествования (нарратива) в рамках послевоенной аналитической философии истории. В связи с этим указывается на взаимосвязь проблем нарратива и объяснения в аналитической философии истории и дается краткий анализ сущности спора об объяснении. В статье предпринята также попытка выяснить возможность использования понятия нарратива в марксистской методологии науки.

Прежде всего несколько слов о терминологии. Слово «нарратив» фигурирует в повседневном английском языке (narrative) и в переводе означает «повесть» или «рассказ». Философы-аналитики, занимающиеся вопросом нарратива, видят свою задачу в уточнении различных оттенков понятия, обозначаемого этим словом. Их целью обычно не является выработка логически стройного философского и методологического учения о нарративе. Но, тем не менее, они практически создают различные методологические учения о сущности нарратива и определяют данное понятие по-разному (правда, с логической точки зрения, нередко очень запутанно, смутно и беллетристично).

Вследствие этого в буржуазной методологии истории понятие нарратива уже потеряло статус понятия повседневного языка и стало понятием методологии исторической науки. Поэтому представляется целесообразным не переводить нарратив как «рассказ» или «повесть», а рассматривать этот термин в качестве обозначения соответствующего понятия методологии науки.

В нашей философской литературе уже нередко появлялись обзоры и оценки послевоенной аналитической англоязычной философии истории в целом или по отдельным проблемам.¹

¹ И. С. Кон. Неопозитивизм и вопросы логики исторической науки. — «Вопросы истории», 1968, № 9; Э. Н. Лооне. Возникновение и развитие

Поэтому вряд ли представляется целесообразным в данной статье давать подробную критику общефилософских и мировоззренческих основ данного течения современной буржуазной философии. Укажем лишь на некоторые моменты.

В общефилософском плане аналитики — философы истории — находятся под влиянием различных течений современного субъективного идеализма аналитического направления. Здесь речь идет о вариантах неопозитивизма (Айер, Поппер, Карнап и др.); о философии лингвистического анализа, который в сущности тоже является одной разновидностью современного неопозитивизма (Райл, Остин, Тульмин и др.); о новейших вариантах прагматизма (Хук, Льюис и др.). Можно проследить черты сходства и с некоторыми «реалистическими» течениями (Селларс, Нагель). В последнее время большую популярность приобрела концепция философии наук Т. Куна.

Подавляющее большинство проблем аналитиками решается в духе лингвистического анализа. Например, проблема причинности для них — это проблема употребления людьми (в данном случае историками) слова «причина». Но в то же время делаются и попытки анализировать причинность как вид обусловливания и при этом нередко не отрицается «реалистическая природа» связей обусловливания. Но и тогда обычно связь реального обусловливания, в свою очередь, понимается как преимущественно языковое явление.

В мировоззренческом плане аналитические философы истории являются типичными буржуазными профессорами. Они не признают роль и значение марксистской исторической концепции, а нередко даже незнакомы с нею. В своей поверхностной критике марксизма они нередко опираются на пресловутую систему взглядов Карла Поппера, марксистская критика концепций которого помимо других дана и в работах английского марксиста М. Корнфорта.² Материалистическое понимание истории аналитики понимают как «метафизику», как вид пророчества, как «эссенциализм» и т. п. Можно с полной уверенностью сказать, что в деле понимания самого исторического процесса аналитическая философия истории не дала ничего ценного для человечества. Да её представители и не стараются этого сделать, поскольку общая теория исторического процесса ими провозглашена псевдопроблемой и аналитики занимаются только философским «анализом» языка общих исторических

аналитической философии истории. — «Вопросы философии», 1974, № 6; М. А. Киссель. Критическая философия истории в Великобритании. — «Вопросы истории», 1968, № 5; А. Н. Елсуков. Проблема объяснения в социально-историческом исследовании. Автореф. канд. дисс. М., 1969; И. А. Желенина. Современный позитивизм и проблема истины в историческом познании. Автореф. канд. дисс. М., 1969.

² М. Корнфорт. Открытая философия и открытое общество. М., 1972.

теорий. Для марксиста удобнее рассматривать аналитическую философию как один вариант буржуазной методологии науки, а не как историческую концепцию, поскольку аналитическая философия истории не занимается «традиционными проблемами» буржуазной философии истории. Проблемами для аналитической философии истории являются методологические проблемы объяснения, причинности, объективности и т. д., но не осмысление самих исторических процессов нашей эпохи, прогресса человечества и т. п. Если же аналитики эпизодически обращаются к проблемам социального и политического характера, то они, как мы уже сказали, оказываются в плену самых отсталых буржуазных предрассудков.

* *
*

Начиная с сороковых годов в рамках буржуазной англо-американской аналитической философии истории идет дискуссия о своеобразии и роли объяснений в исторической науке. Самой острой эта дискуссия была в пятидесятых и в начале шестидесятых годов. В ходе дискуссии высказывались разные точки зрения. Иногда участников дискуссий разделяют на две группы, иногда на три и более, исходя из понимания ими природы исторического объяснения. На наш взгляд, можно выделить две основные позиции, отстаиваемые участниками спора.³

Первую точку зрения можно назвать «гемпелианской», имея в виду, что самым видным представителем этой концепции является К. Гемпель. Сторонники этого направления анализируют объяснения в исторической науке, исходя из идеализированной модели объяснения, прототипом которой считают некоторые виды объяснения в точных естественных науках. Сторонники другого взгляда (в частности У. Дрэй, А. Донаган и др.) настаивают в большей или меньшей мере на логической и методологической уникальности исторического объяснения. В терминологии буржуазной аналитической философии истории представителей первой концепции нередко называют «позитивистами» или сторонниками модели «охватывающего закона» (covering law), сторонников другого взгляда — «реакциони-

³ P. Gardiner. *The Nature of Historical Explanation*. London, 1952; W. H. Dray. *Laws and Explanation in History*. London, 1957; *Theories of History*, ed. P. Gardiner, Glencoe, Ill., 1959; *Philosophy and History*, ed. S. Hook, New York, 1963; *Philosophical Analyses and History*, ed. W. H. Dray, New York, 1966; Fr. Newman. *Explanation by Description*. The Hague, 1968; *Ideas of History*, ed. R. H. Nash, vol. II, New York, 1969; P. J. Dietl. *Deduction and Historical Explanation*. — «History and Theory», 1968, vol. 7, No. 2; W. H. Dray. *On Explaining «How-possibly»*. — «Monist», 1968, vol. 52, No. 3; P. K. Conkin. *Causation Revisited*. — «History and Theory», 1974, vol. 13, No. 1.

стами». Употребляется еще термин «идеалисты», обозначая этим либо самое радикальное крыло «реакционистов», либо сторонников взгляда, согласно которому историческая наука, с философской точки зрения, столь уникальна, что нужно вообще отказаться от ее логического или методологического анализа.

В нашу задачу не входит подробный анализ всех сторон этих дискуссий.⁴ Ограничимся лишь самой общей характеристикой спора.

Среди сторонников Гемпеля (здесь имеются значительные вариации во взглядах; сам Гемпель тоже неоднократно уточнял и изменял свои взгляды) господствует точка зрения, что необходимое условие объяснения исторического явления — это ссылка на соответствующий исторический закон, причинную связь и т. д. Предполагается, что экспланандум должен быть выведен из эксплананса. Так как, по мнению «гемпелианцев», в исторической науке мы якобы не находим четко сформулированных законов, то объяснения в исторической науке всегда неполные. В своих ранних работах Гемпель называл их «объяснительными набросками» (explanation sketches).

Сторонники противоположного взгляда считают, что «охватывающий закон» не является необходимым условием объяснения. Иногда его не считают даже достаточным условием для объяснения. По мнению «антигемпелианцев», объяснением является ссылка то на некоторые необходимые, то на достаточные условия явления, то простое описание, то ответы на вопросы «что это такое», «как это случилось», «как это возможно» и т. д. Часто своеобразный методологический статус приписывается объяснениям, которые отвечают на вопросы «почему он это сделал», «почему я это сделал» и т. д.⁵

Не вдаваясь в подробности, попытаемся уточнить смысл спора буржуазных философов-аналитиков и указать, какое значение данный спор имеет для проблематики нарратива.

На наш взгляд, участники спора смешивают два вопроса: вопрос об определении понятия «объяснение» и вопрос о том, объясняет ли история. «Гемпелианцы» и «антигемпелианцы» определяют объяснение по-разному — для первых — это более узкое понятие, для вторых — это более широкое понятие. В сущности и те и другие согласны, что история как наука не владеет способностью объяснения через «охватывающие законы». Только «антигемпелианцы» пытаются спасти статус исторической науки тем, что объявляют наличие закона ненуж-

⁴ См. И. С. Кон. К спорам о логике исторического объяснения (схема Поппера-Гемпеля и его критики). В кн.: Философские проблемы исторической науки, М., 1969; Э. Н. Лооне. Возникновение и развитие аналитической философии истории. — «Вопросы философии», 1974, № 6.

⁵ В частности, такие типы объяснения выделяет Дрей.

ным. Нередко подобный прием имеет наивно-аксиологическое содержание, желание повысить «авторитет» исторической науки. Но если понятие объяснения, определяется по-разному, то какой смысл спорить о том, объясняет ли история или нет. Можно спорить, какое определение объяснения является более приемлемым для методологии исторической науки, хотя и в таком случае сохраняется господствующая тенденция конвенционализма.

Автор настоящей статьи считает, что при марксистском подходе необходимо учитывать обязательно обе стороны вопроса. Каков может быть марксистский ответ на вопрос об объясняющей силе исторической науки? Нам кажется, что неверно было бы искать уникальные черты познавательного процесса в исторической науке. С методологической точки зрения, история имеет свое место в рамках общности всего человеческого познания. Марксистская историческая наука, опирающаяся на материалистическое понимание истории, в своей сущности не отличается по познавательным способностям от других наук. Известно положение, что Маркс смотрел на историю как на естественно-исторический процесс.⁶ Другое дело, что может существовать относительное своеобразие истории в пределах общего единства.

С другой стороны, каков может быть марксистский ответ на вопрос об определении объяснения? На наш взгляд, здесь возможны различные подходы. Можно определить объяснение так, что обязательным признаком объяснения была бы апелляция на соответствующий закон, но можно и трактовать объяснение шире, так что некоторые виды описания тоже являлись бы объяснением.⁷ Мы не будем здесь предлагать свое определение понятия объяснения, поскольку это выйдет за рамки задач нашей статьи. Но очень важно подчеркнуть, что даже при самых узких и строгих определениях объяснения неверной, на наш взгляд, является попытка отождествлять отдельные науки с соответствующими типами объяснения. В этом смысле может быть даже не следует говорить об исторических объяснениях, а о более или менее строгих объяснениях в истории, геологии, медицине, экономической науке и т. д. И если понимать объяснения в гемпелевском смысле, то они, очевидно, встречаются и в физике, и в геологии, и в истории. Если же понимать объяснение так, как это делает Дрэй, то процедур в истории, называемых объяснением, очевидно, становится больше. Можно, конечно, определить понятие объяснения и в таком узком

⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-ое, т. 23, стр. 8.

⁷ Ср. трактовки объяснения: Э. П. Никитин. Объяснение — функция науки. М., 1970; И. С. Кон. К спорам о логике исторического объяснения, стр. 263—295.

смысле, что мы в науках, вообще, не найдем ни одного объяснения, но вряд ли это целесообразно. Если подобная ситуация встречается, то, по-видимому, мы имеем дело со слишком искусственно определенным понятием.

* *

*

(1) Понятие нарратива в буржуазной философии нередко связывается с понятиями рассказа, хроники, генетического объяснения, неопределенного и неточного знания, описания процесса, описания человеческого поведения, упорядочения частей в целое, описания связей обусловливания, составляющих процесс, упорядочения неодновременных событий в одно целое и т. д. Участники диспута о нарративе выдвигают диаметрально различные точки зрения на сущность его. Выявляют совершенно различные стороны понятия нарратива. Из-за всего этого трудно разделить авторов по группам; практически получается очень пестрая картина различных точек зрения. Условно их разделить, конечно, можно, и мы рассмотрим этот вопрос ниже.

Корни проблемы нарратива уходят в историю философии, отдельные моменты данной области встречаются у различных авторов. Известно, например, что Б. Кроче различал историю и хронику,⁸ понимая под вторым фиксацию «мертвых» фактов, а под первым — более содержательное и эмоциональное «духовное» рассмотрение. В аналитической философии истории разделение нарративов на поверхностные (простые) и существенные встречается, например, у В. Уолша.⁹ Некоторые авторы уже в пятидесятые годы связывали так или иначе понятие объяснения и нарратива.¹⁰

(2) В рамках же спора об историческом объяснении высказывалось немало соображений «нарративистского» направления. И при этом примечательно, что эти высказывания встречались у совершенно различных авторов: и у «гемпелианцев», и у умеренных «гемпелианцев», и у авторов, настроенных явно «антигемпелиански». Например, Гемпель сам обратил внимание на так называемые генетические объяснения, понимая под последними такие объяснения, где описывается последовательность событий, ведущая к объясняемому явлению.¹¹ П. Гар-

⁸ См. И. С. Кон. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М., 1959 (раздел о Кроче).

⁹ W. H. Walsh. An Introduction to Philosophy of History. London, 1951.

¹⁰ W. H. Dray. Explanatory Narrative in History. — «The Philosophical Quarterly», 1954, vol. 4, No. 14.

¹¹ C. G. Hempel. Explanation in Science and in History. — In: Ideas of History, ed. R. Nash, vol. II, pp. 79—105.

динер, оставаясь в рамках своего «умеренного гемпелианства», пишет об объяснениях через детальное описание последовательности исторических событий.¹² Если Дрэй пишет об объяснениях, как об ответах на вопросы «что» или «как возможно», или когда он вводит свою «модель» объяснения через описание последовательной серии событий,¹³ то он явно платит дань «нарративистскому» пониманию объяснения. Но настоящее начало обсуждения проблем нарратива в аналитической философии истории — это появление концепции Гэлли, Данто и М. Уайта.

(3) Гэлли¹⁴ связывает понятие нарратива (в его терминологии рассказа — story) самым тесным образом с понятием неопределенности. Конец рассказа невозможно, по его мнению, дедуцировать из содержания самого рассказа. Он понимает рассказ как некоторую целостность, где дается обзор действия людей, находящихся в каких-то трудностях, ищущих выхода из какой-нибудь ситуации. Он не отождествляет понятия объяснения и рассказа, но для него идеальный рассказ является самообъясняющим. Гэлли утверждает, что объяснения в прямом смысле в рассказе нужны только тогда, когда там встречаются непонятные места. Но эти непонятные места по Гэлли — не основной элемент рассказа; таким элементом является неопределенность, а самые неожиданные места и повороты в ходе рассказа читатель, по мнению Гэлли, понимает без объяснения. У Гэлли мы видим и попытки разъяснения понятия нарратива через примеры: он сравнивает чтение рассказа с наблюдением игры в крокет. И здесь, и там мы, по мнению Гэлли, не можем точно предсказать ход событий.

(4) А. Данто¹⁵, профессор Колумбийского университета в США, подходит к проблеме нарратива, можно сказать, под «логицистским» углом зрения. Он анализирует понятие нарратива на нескольких уровнях: рассматривает вопрос о так называемых нарративных предложениях, выдвигает концепцию нарратива как своеобразного вида объяснения, вводит понятие так называемых «атомных» и «молекулярных» нарративов, указывает на нарративный аспект связи предложений типа «если, ... то». «Логицистской» в известном смысле его концепцию можно назвать потому, что он старается определить нарратив через логическую терминологию и символику.

Нарративное предложение для Данто это, в сущности, предложение, сформулированное в условиях недостатка теоретического знания. Нарративное предложение описывает какое-ни-

¹² P. Gardiner. *The Nature of Historical Explanation*, pp. 92—99.

¹³ W. H. Dray. *Laas and Explanation in History*, p. 70.

¹⁴ W. B. Gallie. *Philosophy and Historical Understanding*. London, 1964.

¹⁵ A. C. Danto. *Analytical Philosophy of History*. Cambridge Univ. Press. 1965.

будь событие прошлого в свете последующих событий, и его невозможно сформулировать на основе непосредственного опыта о событиях.¹⁶ Для Данто, видимо, нарративное предложение может быть и о связи данного конкретного исторического события с каким-то более общим историческим явлением. (Нарративные предложения типа, например, «30-летняя война началась в 1618 году» или «Петрарка положил основу Ренессансу»). Подобные высказывания, по мнению Данто, можно сформулировать лишь после актуального совершения событий.¹⁷

Данто рассматривает и нарратив как объяснение. Последнее понятие он связывает с термином «атомный нарратив». Такой объясняющий «атомный нарратив», по мнению американского профессора, должен включать высказывания, описывающие изменения какого-то «центрального субъекта». ¹⁹ При этом понятие этого «центрального субъекта» для Данто очень широкое. Им не должны обязательно быть люди, а могут быть и социальные организации, целые государства и т. д. Минимальный нарратив, согласно представлениям Данто, включает два предложения, описывающие данный «центральный субъект» до и после изменения, и предложение, описывающее «каузальный эпизод», вследствие чего произошло изменение. «Молекулярный нарратив» состоит из совокупности таких «атомных нарративов» и описывает одну цепь изменений. Сразу видно, что понятие нарратива Данто связывает с очень узкими ограничительными условиями. Недостаточное внимание Данто уделяет, на наш взгляд, возможностям выделения такого нарратива, где имеется много «центральных субъектов» и где изменения происходят не вследствие внешних «каузальных эпизодов». У Данто имеется еще интересная попытка указать на нарративный аспект связи предложений формы «если, ... то». Нарративным случаем, по его мнению, является случай, если из двух предложений «если Fx, то Gx» и «если Gx, то Hx» не делается заключения «если Fx, то Hx». ²⁰ Последняя мысль Данто доказывает, на наш взгляд, что у него имеется стремление интерпретировать нарратив просто как в достаточной мере неполное знание, знание с неопределенностью.

¹⁶ A. C. Danto. *Analytical Philosophy of History*, p. 143.

¹⁷ На наш взгляд, «нарративные» высказывания, несомненно, существуют в исторической науке. Но по мере прогресса марксистской исторической науки устраняется «нарративный» статус многих проблем. Напр., материалистическое понимание истории дает марксизму возможность уже теперь охарактеризовать нашу эпоху, как эпоху перехода от капитализма к социализму, хотя процесс этот еще продолжается.

¹⁹ A. C. Danto. *Analytical Philosophy of History*, p. 236.

²⁰ Данто имеет в виду, что «повседневный» научный язык историков иногда допускает подобное некорректное использование высказываний «если...то».

(5) Концепция нарратива, созданная Мортонем Уайтом,²¹ профессором Гарвардского университета, исходит из различения хроники и истории. Уайт рассматривает нарратив в связи с такими понятиями, как «центральный субъект», «базисные» и «деривативные высказывания», причинностные связи в нарративе, имплицитные ценностные суждения в нарративе и т. д. Следуя крочеанской традиции, Уайт нередко употребляет понятия «история» и «нарратив» как тождественные, иногда же понятие нарратива включает для него и понятие истории и понятие хроники.

Для Уайта основной чертой его интересующего нарратива является понятие «центрального субъекта». Данное понятие Уайт трактует примерно так же широко, как и Данто. Но Уайт оговаривает, что «центральный субъект» не является обязательным для всякого нарратива, хотя нарратив с «центральным субъектом» является, по мнению Уайта, главным, самым распространенным. На наш взгляд, вызывает сожаление тот факт, что Уайт не считает возможным построить учение о нарративе вообще, а сознательно ограничивается лишь описанием одного его подвида. Характеристика нарратива дается Уайтом на уровне анализа высказываний, составляющих нарратив, хотя он сам утверждает, что проблематика нарратива не тождественна проблематике анализа отдельных видов исторических высказываний.²² Уайт вводит понятие некаузальных и каузальных высказываний. Под каузальными высказываниями он понимает те, которые содержат слова «потому что», или явное упоминание о причинах или следствиях исторических событий. Хроника определяется им как конъюнкция некаузальных сингулярных высказываний. Истинность хроники, согласно Уайту, требует истинности всех её составляющих высказываний. Высказывания хроники, согласно Уайту, являются антецедентами или консеквентами высказываний истории. История и отличается по Уайту от хроники тем, что она содержит каузальные высказывания. Но надо сказать, что схема Уайта однолинейна, из его концепции вытекает, что история описывает только одну цепь событий. Уайт вводит еще одно разделение предложений нарратива: он разделяет их на «базисные», на «деривативные» высказывания о причинах и на «деривативные» высказывания о следствиях.²³ Деривативные высказывания историк формулирует, по мнению Уайта, тогда, когда он уже имеет «базисные» высказывания и спрашивает о причинах или

²¹ M. White. *Foundations of Historical Knowledge*. New York, 1965; M. White. *The Logic of Historical Narration*. — In: *Philosophy and History*, ed. S. Hook, New York, 1963.

²² M. White. *Foundations of Historical Knowledge*, pp. 219—220.

²³ Idem, p. 231.

о следствиях явлений, описываемых «базисными» высказываниями.

На наш взгляд, у Уайта встречается упрощенное описание структуры исторического повествования. Конечно, само по себе, разделение высказываний на те, которые отражают только поверхностную картину событий и на те, которые указывают на причины, не является ложным. Но поскольку Уайт хочет метафизически разделить уровень исследования фактов и уровень установления причин, то он, конечно, неправ.

Более реальным недостатком системы Уайта, чем разделение указанных двух уровней, является ограниченность выбора самих типов предложений. Если согласиться, что предложения, употребляемые историками, можно разделить на «базисные» и «деривативные», то сразу напрашивается мысль о других возможных видах предложений. Почему деривативные предложения должны обязательно быть о следствиях или о причинах, почему нельзя выделить предложения о функциональных связях, о связях обусловливания, о связях отношения части к целому, предложения о целесообразности данного процесса и т. д.

Существенной чертой концепции Уайта является его релятивизм. Дело в том, что согласно Уайту, никто не может предписывать историку выбор «базисных» высказываний; из одних и тех же событий можно создать различные хроники, из одних и тех же хроник, в свою очередь, можно вывести различные истории. Но, на наш взгляд, здесь надо опять-таки, выделить две стороны вопроса. Совершенно неверным является утверждение Уайта, что никакая обобщающая концепция в истории не может упорядочить процесс «создания хроники». С другой стороны, более или менее приемлемой является его мысль о том, что признаком нарратива может служить известная неопределенность во взаимоотношениях различных уровней знания. Но Уайт, безусловно, гипертрофирует значение этой неопределенности в реальных нарративах исторической науки.

(6) М. Мандельбаум²⁴, который приобрел известность уже в тридцатых годах своей борьбой против релятивизма, обсуждает вопрос нарратива с двух точек зрения: во-первых, он не согласен, что история называется по своей сущности нарративом, во-вторых, предлагаемые определения нарратива являются, по его мнению, слишком узкими. Он указывает на то, что Уайт неверно сужает понятие связи частей нарратива, ограничиваясь только причинностными связями. Настоящими связями, создающими нарратив, являются, по мнению Мандельбаума, связи частей и целого. Мандельбаум согласен с кон-

²⁴ M. Mandelbaum. A Note on History as Narrative. — «History and Theory», 1967, vol. 6, No. 3, pp. 414—419; M. Mandelbaum. Objectivism in History. — In: Philosophy and History, ed. S. Hook, New York, 1963, pp. 46—53.

цепцией «центрального субъекта», но, по его мнению, надо различать кажущийся «центральный субъект» и настоящий «центральный субъект». Релятивистские взгляды на возможность подбора материала в исторический нарратив, по мнению Мандельбаума, часто возникают из-за того, что кажущийся «центральный субъект» нескольких нарративов общий, а настоящий — различный. Например, если пишут нарратив об истории США, то кажущимся «центральным субъектом» является понятие «Соединенные Штаты», а настоящим — какой-нибудь аспект этого государства, или система федерального правления, или внешняя политика. И на уровне настоящих «субъектов» одному описываемому явлению соответствует одна правильная история (нарратив). Критерием подбора материала в нарратив является, по мнению Мандельбаума, историческая теория; важность того или другого события в свете исторической теории.

Нарратив не является обязательной формой исторического обзора, пишет Мандельбаум.²⁵ Он различает понятия нарратива и исследования. По его мнению, нарратив может быть лишь результатом исследования, формой передачи того, что уже выявлено исследованием. Но сам процесс исследования ни в коем случае не является, по мнению американского философа, «нарративистским». Объяснение Мандельбаум отличает от нарратива; объясняющая история, по его мнению, не является нарративом. Вообще можно сказать, что Мандельбаум является наименее «нарративистски» настроенным философом истории среди аналитиков. Весьма положительными чертами его концепции является стремление везде настаивать на важности теоретического подхода к истории и обсуждение проблем нарратива в связи с проблемами теории.

(7) Синтезом гемпелевского понимания генетического объяснения и плюрализма в духе Уайта является концепция нарратива американского философа Р. Стоувера. Стоувер не согласен, что нарративная форма является сколь-нибудь «настоящей формой» истории. На историю можно, согласно Стоуверу, смотреть и детерминистскими глазами, и с точки зрения свободной воли. Сам нарратив является, по мнению Стоувера, каким-то видом объяснения.²⁶ Нарративное объяснение, согласно его утверждениям, указывает нам на связи обусловливания между описываемыми событиями. В этом смысле понятие нарратива им связывается с детерминистской картиной мира. Существенным элементом нарратива, пишет он, является его конец, нарративы пишут в целях указания на то, как данное конечное состояние получилось. Но тем не менее, Стоувер не

²⁵ M. Mandelbaum. A Note on History as Narrative, p. 413—414.

²⁶ R. Stover. The Nature of Historical Thinking. Chapel Hill, 1967, p. 69.

исключает и возможности написания нарратива, ориентированного на какое-нибудь состояние в середине описываемого процесса. По мнению Сотувера, в основе нарратива лежит какая-нибудь причинная цепь событий, но эту цепь Сотувер понимает однолинейно и плюралистски. По его мнению, для объяснения данного состояния в ходе процесса в форме нарратива можно предложить множество равноценных причинных последовательностей.

(8) В духе «антинарративизма» Мандельбаума (хотя он явно об этом не упоминает) проблему нарратива старается решить английский философ Артур. По мнению Артура, нарратив обязательно включает обобщения, пусть даже неясные и смутные обобщения.²⁷ Неверно, согласно взглядам Артура, говорить, что самые неожиданные места в ходе какого-нибудь процесса (ср. «модель неожиданностей» Гэлли) можно понимать без объяснений и обобщений. По мнению Артура, дело только в том, какую часть из своего знания историк формулирует явно в тексте. В сущности, утверждает он, нарратив является объяснением, только иногда автор представляет это объяснение в тексте полностью, а иногда только частично. Явные объяснения требуются, как он говорит, тогда, когда события выходят за рамки данной сети обобщений.

(9) Взгляды А. Р. Лоуча можно называть «перцептивной моделью» нарратива, поскольку он старается объяснить понятие нарратива, апеллируя к аналогии с визуальным восприятием. Лоуч является сторонником индетерминистского взгляда на природу нарратива. Положительной стороной его концепции является тезис о существовании нарративного знания и описания и в других науках, кроме истории. Для Лоуча нарратив является объяснением, но само понятие объяснения он понимает «антигемпелиански»; он понимает нарратив просто как возможно подробное описание. Нарратив, согласно Лоучу, должен сделать непрерывность видимой, заполнять пробелы, описывать изменения.²⁸ В этом смысле взгляды Лоуча напоминают небезызвестную философию Оукшотта,²⁹ говорящего, что задачей истории является заполнение пробелов в обзоре. У нарратива, согласно Лоучу, должна быть просто некоторая «гладкость» в описании. По мнению Лоуча, и здесь он, несомненно, ошибается, непосредственное восприятие человеком мира является непрерывным. Описывая свое восприятие словесно, говорит Лоуч, человек делает его оторванным и неполным.

²⁷ C. J. Arthur. On the Historical Understanding. — «History and Theory», 1968, vol. 7, No. 2, p. 211.

²⁸ A. R. Louch. History as Narrative. — «History and Theory», 1969, vol. 8, No. 1, p. 56.

²⁹ M. Oakshott. Experience and Its Modes. Cambridge Univ. Press, 1953.

Нарратив и создается в случае отсутствия идеала — видеть что-то изменяющееся перед своими глазами. Лоучу присущи черты лингвистического солипсизма, он старается доказать, опираясь на Виттгенштейна, что нарратив может быть верифицирован лишь исходя из его самого, в пределах его языковой формы.

(10) Концепцию гарвардского философа Ф. А. Олафсона можно, на наш взгляд, назвать «рациональной моделью» нарратива, если исходить из аналогии с концепцией «рациональных объяснений» в истории. Данная концепция (Гардинер, Дрэй и т. д.), как известно, выделила в отдельную группу объяснения человеческого сознательного поведения. Основной мыслью Олафсона является подчеркивание исключительной роли в нарративе тех предложений, которые сформулированы в языке «агента», т. е. той исторической личности, о которой пишется нарратив.³⁰ В сущности Олафсон является противником теоретического подхода в истории. Согласно его мнению, любое предложение в нарративе, описывающее или социальные условия поведения данного индивида, или следствия его поведения, должно быть связано с высказыванием, описывающим поведение данного индивида. Из работ Олафсона можно вычитать, что он, подобно тому, как логические позитивисты постарались свести все предложения к протокольным, выдвигает почти императивное требование, что все высказывания нарратива должны быть сведены к высказываниям, описывающим человеческое поведение. Нет нужды доказывать, что выделение подобного обязательного признака нарратива сделало бы определение его очень узким и подходящим лишь для анализа некоторых областей общественных наук.

(11) Американский философ Х. Фэйн строит свою «модель» нарратива, исходя из понятий временной последовательности и «генетических» связей «инцидентов».³¹ Понятие «инцидента» Фэйн предпочитает употреблять вместо понятия «событие», поскольку последнее, по его словам, слишком испорчено различными словоупотреблениями, имеет слишком много значений. Но в общем он считает, что события — это явления, которые «причиняют» друг друга, а «инциденты» — явления, которые «рождают» друг друга, имеют не причиненные, а генетические связи. Генетические связи, связи «рождения», очень смутное понятие в трактовке Фэйна. В общем, можно сказать, что генетические связи просто более широкое понятие, чем связи причинные, но они включают и последние. Например, связи между

³⁰ Fr. A. Olafson, *Narrative History and the Concept of Action*. — «History and Theory», 1970, vol. 9, No. 3, pp. 265—289.

³¹ H. Fain, *Between Philosophy and History*. Princeton Univ. Press, 1970.

родителями и детьми, по мнению Фэйна, генетические, но не причинные.³²

У нарратива должно быть хронологическое изложение. Но Фэйн утверждает, что нарратив не должен обязательно иметь одного «центрального субъекта», он не должен обязательно описывать одну причинностную цепь событий, хотя он может это сделать. Внутри нарратива Фэйн, как и многие другие, выделяет историю и рассказ. Для создания рассказа историк должен, по мнению Фэйна, вскрыть генетические связи, а для создания истории явления надо, по его мнению, вскрыть внутренний «механизм» изменений.

(12) Канадский философ Дрэй, автор известной концепции об историческом объяснении, в работах которого, как мы увидели (см. стр. 151—152) содержится немало моментов «нарративизма», специально обращается к проблеме нарратива в конце шестидесятых годов.³³ Его концепцию нарратива можно назвать «моделью синтетического единства». Нарратив, по мнению Дрэя, не является единственной формой истории, историю можно написать, по его словам, и в виде «поперечного разреза».³⁴ Дрэй — сторонник разделения нарративов на «сущностные» и «простые». Единый «центральный субъект» может, по его мнению, быть основой для отделения простого «безобъектного» хронологического обзора от нарратива. Причинностные связи не должны обязательно отражаться в нарративе для того, чтобы нарратив был бы объясняющим, — утверждает Дрэй. Анализируя работы Гэлли и Л. Минка, Дрэй выделяет некоторые черты, характеризующие нарратив. Нарратив, по его мнению, не имеет целью устранить неопределенность; в нарративе одни описываемые события являются необходимыми условиями других; у нарратива должна быть непрерывность; одни описываемые события в нарративе становятся понятными в свете событий, описываемых позднее; между действиями агентов нарратива и условиями этих действий вкрываются непричинные объясняющие связи и т. д. Самой основной для Дрэя является идея «синтетического единства». Смысл этой идеи в том, что понимание нарратива возникает лишь из способности последнего связывать в одно целое неодновременно существующие части. Целое из неодновременно существующих частей и составляет «синтетическое единство».

Помимо названных существует еще множество различных «моделей» и интерпретаций понятия нарратива, но в рамках

³² H. Fain. History as Science. — «History and Theory», 1970, vol. 9, № 2, pp. 168—169.

³³ W. H. Dray. Mandelbaum on Historical Narrative. — «History and — «History and Theory», 1971, vol. 10, № 2, p. 155.

³⁴ W. H. Dray. On the Nature and Role of Narrative in Historiography, p. 155.

этой статьи нам не представляется возможным их анализировать.³⁵

Каковы могут быть выводы из критического осмотра некоторых основных буржуазных концепций нарратива?

(13) На наш взгляд, проблема нарратива, как и проблема объяснения, имеет две стороны. Во-первых, в работах философов-аналитиков под видом обсуждения проблемы нарратива часто ведется философская дискуссия, целью которой является так или иначе убедить читателя в методологической уникальности исторической науки, в том, что историческая наука уже по своей природе не может выявить закономерностей исторического процесса, что история не может познать истину, что она является чем-то типа искусства и т. д. Если речь идет о том аспекте спора нарратива, то здесь, на наш взгляд, просто повторяются те высказывания буржуазной философии истории, которые были высказаны уже неокантианцами, неогегельянцами, участниками спора об историческом объяснении и т. д. Эти утверждения с научной точки зрения тривиальны и их главной целью является дискредитация исторической концепции марксизма.

Во-вторых, можно сказать, что в рамках аналитической философии истории идет, несомненно, в известном смысле плодотворная дискуссия об определении понятия нарратива в методологии науки. Здесь речь идет просто о том, какие существенные стороны можно раскрыть в понятии нарратива, какова возможная методологическая функция этого понятия в методологии науки. Разные характеристики нарратива, его описание через понятие причинности, различных видов предложений, неопределенности, целостности, временной последовательности заслуживают внимания и с марксистской точки зрения. На наш взгляд, надо самым решительным образом осуждать и критиковать первую сторону спора о нарративе, но в то же время думать о марксистском подходе к нарративу как к проблеме методологии науки.

* * *

Каков возможный путь марксистского решения проблемы нарратива? На наш взгляд, исходной точкой для такого решения должен служить принцип историзма. Рамки данной статьи

³⁵ L. Benson. On the Logic of Historical Narration. — In: *Philosophy and History*, ed. S. Hook; G. G. Nadel. On the Logic of Historical Narration, там же; R. H. Weingartner. Danto on History. — «*Philosophy and Phenomenological Research*», 1967, vol. 28, No. 1; B. T. Wilkins. The Limits of Historical Knowledge. — «*Analysis*», 1970, vol. 31, No. 2; R. Gruner. Mandelbaum on Historical Narrative. — «*History and Theory*», 1969, vol. 8, No. 2, и др.

позволяют нам очертить возможное направление такого решения лишь самым общим образом. Ленин, как известно, определил сущность принципа историзма: «...не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь.»³⁷ Принцип историзма, исторический подход к явлениям обычно связывается с требованием конкретности подхода, учета зигзагов, неопределенностей и случайностей его развития. «Весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (а) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории.»³⁸ Мысль о том, что исторический подход связан с учетом конкретностей и случайностей исторического развития содержится и в определении Энгельсом логического метода. Логическое воспроизведение действительности является «не чем иным, как тем же историческим методом, только освобожденным от исторической формы и от мешающих случайностей.»³⁹ Следовательно, если понимать конкретно-историческое воспроизведение развития сложного явления как существенный аспект исторического метода, то представляется возможным обозначать понятием нарратива одну сторону конкретно-исторического подхода. Нарративное знание можно определить как такое знание об историческом развитии явления, где мы имеем достаточно упорядоченное знание о том, каковы основные составляющие процесса и какие их типичные состояния обычно встречаются в подобного рода процессах, но где мы без конкретно-исторического исследования не можем предсказать, в каком конкретном состоянии данное явление находилось на каждом этапе своего развития, в любой момент времени.

Поступила в редакцию в октябре 1974 г.

³⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 67. Нас в данной связи интересует не само методологическое требование исторического подхода, а то, что конкретно-исторический подход и описание процессов часто связано с известной долей неопределенности знания. Меру этой неопределенности и помогает, как нам кажется, уточнить понятие нарратива.

³⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 329.

³⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 497.

**АВТОРЫ XVIII ТОМА «ТРУДОВ ПО ФИЛОСОФИИ»
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

- Т. В. Лойт** — зав. кафедрой философии Эстонской сельскохозяйственной академии
- Р. А. Вихалемм** — доцент кафедры философии ТГУ
- Л. Н. Столович** — профессор кафедры философии ТГУ
- Р. Н. Блюм** — доцент кафедры философии ТГУ
- У. О. Ури** — доцент кафедры философии Эстонской сельскохозяйственной академии
- Э. Н. Лооне** — доцент кафедры философии ТГУ
- В. П. Хютт** — старший научный сотрудник сектора философии Института истории АН ЭССР
- А. М. Аарелайд** — аспирантка кафедры философии ТГУ
- А. А. Порк** — аспирант кафедры философии ТГУ

СОДЕРЖАНИЕ

Т. В. Лойт. Вопрос о науковедении и его построении	3
Р. А. Вихалемм. О понятии научности и становлении научной химии	20
Л. Н. Столович. Проблема соотношения эстетических и религиозных ценностей	43
Р. Н. Блюм. Проблема революции в ранних работах К. Маркса и Ф. Энгельса (1840—1844 гг.)	60
У. О. Ури. Свобода и самоограничение	83
Э. Н. Лооне. Основные этапы развития структуры познания в исследовании истории	96
В. П. Хютт. Идеи Гегеля и современное физическое познание . . .	111
А. М. Аарелайд. Античное представление о времени и его социально-историческая детерминация	122
А. А. Порк. Нарратив как проблема методологии исторической науки .	149

Ученые записки
Тартуского государственного университета
Выпуск 361
Труды по философии
XVIII

На русском языке

Тартуский государственный университет
ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли, 18.
Ответственный редактор Я. Ребане
Корректоры Н. Чикадова, В. Логинова

Сдано в набор 6. 05. 75. Подписано к печати 28. 05. 75. Печ. листов 10,5. Учетно-изд.
листов 10,67. Бумага фабрики «Кохила», типографская № 2. 60×90 ¹/₁₆. Тираж 400.
МВ-05378. Заказ № 743.

Типография им. Ханса Хейдеманна, г. Тарту, ул. Юликооли, 17/19. II

Цена 1 руб. 07 коп.